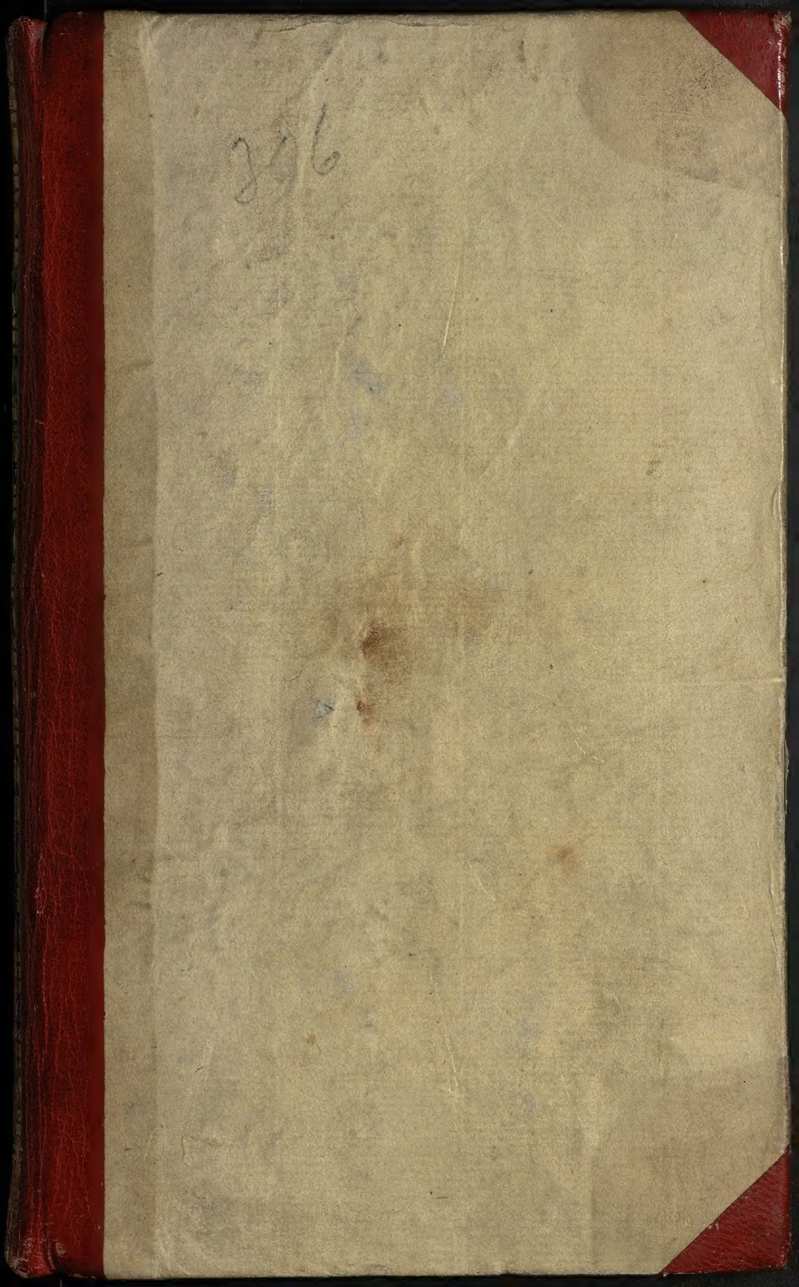

АГАТОНЪ,

ИЛИ

КАРТИНА ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ

Нравовъ и обычаевъ Греческихъ.

Сочиненіе г. Виланда.

Переведено съ Нѣмецкаго.

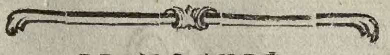
Quid virtus et quid ſapientia poſſit. т. е.

Что могутъ добродѣтель и премудрость.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Иждивеніемъ Н. Новикова и Компаніи.

ВЪ МОСКВѢ,

ВЪ Университетской Типографіи,

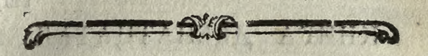
у Н. Новикова, 1784 года.

ОДОБРЕНІЕ

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ я читалъ книгу подъ заглавіемъ: Агатонъ, или картина философическая нравовъ и обычаевъ Греческихъ, *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; по чему оная и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,*

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Четвертой части.

КНИГА ОДИННАТЦАТАЯ.

X КНИГА

ГЛАВА

АГАТОНЪ.

ЧАСТЬ ЧЕВТЕРТАЯ.

КНИГА ОДИННАТЦАТАЯ.

Глава первая,

Въ которой говоритъ самъ творецъ Греческаго рукописнаго сочиненія.

Благодаря (возопилъ здѣсь творецъ Греческаго рукописнаго сочиненія голосомъ такого человѣка, коего сердце облегчилось вдругъ отъ великаго бремяни) благодаря безсмертнымъ богамъ, что мы извлекли ироя нашего здрава и невредима, и, что покажется почти невѣроятно, со всею его добродѣтеліею, изъ наиопаснѣйшей и отвратительнѣйшей земли, куда только устраниться можетъ честный человѣкъ!

Онъ конечно можетъ говорить о щастіи (продолжаетъ рукописаніе); но - что ему было дѣлать при Дворѣ Діонисія? Ему, который чувствовалъ, что онъ не рожденъ ни въ невольники, ни въ льстецы, ни въ дураки, что ему захотѣлось дѣлать при Дворѣ Діонисія? -- Что за мысль? -- И вселялась ли когда такая мысль въ голову благоразумнаго человѣка? -- Дѣлать преизполненнаго пороками государя добродѣтельнымъ! -- Или который честный человѣкъ, чувствовавшій въ себѣ искру здраваго разума и доброй воли, приходилъ когда къ развращенному Двору съ тѣмъ, когда онъ имѣлъ въ мысляхъ сдѣлать употребленіе изъ одного или другаго? Должно признаться, что сіе было бы предпріятіемъ достойнымъ возжечь ревностнаго возторженника -- Ликурга, дѣлающагося для учиненія отечества

сво-

своего благополучнымъ изъ Монарха гражданиномъ, -- или Леонида, который съ тремя стами столько же отважныхъ, какъ онъ самъ, посвящаетъ себя смерти, дабы у столькихъ же тысячь варваровъ отнять мужество биться съ Греками. Однако сколь ни велики и сколь ни изящны сіи дѣйствія, но природа имѣетъ довольно силъ для учиненія ихъ возможными, и предпринимавшіе ихъ могли надѣяться, что они достигнутъ своихъ намѣреній. Но кто слыхалъ когда нибудь, чтобы человѣкъ, или ирой, сынъ богини, или бога, или самъ богъ привелъ въ состояніе предпринимаемое Агатономъ, когда онъ съ гуслями въ рукахъ надѣялся сдѣлаться Менторомъ Діонисія?

Послѣ сего важнаго вступленія, коимъ Греческій сочинитель начинаетъ сію главу, слѣдуетъ

долгая и въ самомъ дѣлѣ нѣсколько горячая рѣчь противу того класса смертныхъ, коихъ называютъ великими господами, съ разными отступленіями на любодѣятельницъ — на охотничьихъ собакъ и на охотничьихъ лошадей — и на причины, по чему для перваго Министра опасно имѣть много остроты, слишкомъ быть некорыстолюбиву и горѣть великимъ дружествомъ къ своему государю. Сколько видѣть можно, то сія глава есть одна изъ наидостойнѣйшихъ примѣчанія и особеннѣйшихъ во всемъ твореніи. Но по нещастію часть сего рукописника изпытала таковое же нещастіе, каковое, къ не малому сожалѣнію потомства, претерпѣли рукописи Аристотеля. Половина этой главы съѣдена крысами; а другая половина такъ запачкана прѣлью, что легче бы было разобрать пророческіе листки Кумейской

ской Сивиллы, нежели изъ оставшихся обрывковъ словъ, положеній и періодовъ сея главы найти какую связь. Что касается до насъ, то мы признаемся, что уронъ сей чувствителенъ. Однако онъ въ разсужденіи похвалы великихъ людей тѣмъ удобнѣе сносенъ, когда все то, что сочинитель нашъ сказалъ бы объ обширномъ пространствѣ видовъ, о величествѣ душъ, о благородныхъ чувствованіяхъ и о хорошемъ вкусѣ, отдѣляющемъ обыкновенно великихъ отъ прочихъ сыновъ земли, находится въ лучшей и опаснѣйшей книгѣ, вышедшей на свѣтъ въ нашемъ вѣкѣ, въ книгѣ Гелвеція, въ которой сія богатая и важная матерія изтолкована до основанія. Также есть о отступленіи на полюбовницъ и охотничьихъ собакъ. Желающіе имѣть свѣденіе о сихъ двухъ столько же важныхъ предметахъ могутъ посовѣтоваться

ся съ дополненіемъ Графа Гамилтона (Histoire amoureuse) любовной исторіи Двора Карла II, Короля Англійскаго, или также съ удивительными писаніями нѣкотораго новѣйшаго государственнаго Министра (котораго изъ учтивости мы не назовемъ). Любопытный читатель найдетъ въ твореніяхъ сихъ двухъ великихъ мужей чѣмъ удовольствовать свое любопытство. Но о потеряніи третьяго отступленія мы сердечно сожалѣемъ; ибо (по увѣренію одного изъ великихъ книгочитателей въ Европѣ) никогда еще не бывало на свѣтѣ такой книги, въ которой бы сія важная и запутанная матерія изтолкована была со всякою точностію и основательностію, каковой оная требуетъ.

Глава вторая.

Нравоучительное состоянiе нашего ироя.

Сочинитель стараго рукописника, изъ котораго мы большую часть сея повѣсти почерпнули, торжествуетъ, какъ нами упомянуто, надъ тѣмъ, что онъ ироя своего со всею его добродѣтелiю отвлекъ отъ развращеннаго Двора. Конечно сiе было бы чѣмъ нибудь такимъ, что очень походило бы на чудо, естьли бы дѣйствительно такъ произходило; но мы опасаемся, что онъ больше сказалъ, нежели по строгости доказать онъ былъ въ состоянiи. Естьли не находится въ семъ какихъ нравоучительныхъ амюлетовъ, кои заразительному дѣйствiю придворнаго воздуха столько же противятся, какъ жабикъ яду; то намъ кажется нѣсколько непонятно, чтобы шумъ упраж-

ненной жизни, вредныя изпаренія ласкательства, которыя любимецъ (хочетъ или не хочетъ) безпрестанно всасываетъ, необходимость пренебречь всегда нѣчто по крайней мѣрѣ изъ должностей премудрости и добродѣтели, дабы не потерять всего, и (что еще всего хуже) безчисленныя разсѣянія, чрезъ которыя душа сама изъ себя извлекается, и примѣчая за множествомъ малыхъ мимотекущихъ предметовъ, теряетъ вниманіе сама за собою, -- не возымѣли какого вреднаго втеченія въ свойство его духа и сердца. Однако между тѣмъ должно намъ признаться, что съ нимъ въ разсужденіи сего то же приключилось, что обыкновенно, какъ вседневный научаетъ насъ опытъ, случается со всѣми прочими смертными. Онъ столько же мало примѣтилъ сіи сколько нечувствительныя, столько и неоспоримыя вте-

втеченія и перемѣны, произведенныя ими украдкою въ его душѣ, какъ здоровый человѣкъ чувствуетъ тайныя и сокровенныя помѣшательства, причиняющіяся ежечасно въ его машинѣ отъ непостоянства погоды, отъ небольшихъ безпорядковъ въ жизни, отъ разнороднаго качества пищи и отъ медлительно дѣйствующаго яда страстей. Перемѣны, произходящія въ нашемъ внутреннемъ положеніи, должны быть важны, естьли имъ надлежитъ бросаться въ глаза; и мы начинаемъ обыкновенно не прежде ихъ усматривать ясно, какъ мы найдемъ себя принужденными предупреждать оныхъ слѣдствія и самихъ себя спрашивать: то же ли мы самое лицо, какое мы были прежде? Изъ сея самой причины можетъ быть произошло, что Агатонъ успѣхъ, который начавшееся уже въ Смирнѣ обращеніе въ

его душѣ сдѣлало, не полагая на него ни малѣйшей недовѣренности, приписывалъ единственно новымъ, или утвержденнымъ опытамъ, которые онъ въ сей пространной сферѣ дѣлать имѣлъ столько случаевъ.

Конечно одна изъ наивеличайшихъ выгодъ (естьли не единая), которую мыслящій человѣкъ уноситъ съ собою изъ жизни въ великомъ свѣтѣ, а особливо, чтобы онъ могъ быть нѣкогда довольно щастливъ, дабы мочь изъ онаго высвободиться, -- что онъ научился познавать людей. Хотя противу сего образа познанія человѣковъ изъ хорошихъ основаній можно столько же возразить, какъ и противу почерпаемаго изъ исторіи и писаній стихотворцевъ, нравоучителей, сатириковъ и сочинителей романовъ, -- или противъ всякаго другаго; но дол-

должно напротивъ того также признаться, что оно по крайней мѣрѣ столько же надежно, какъ и всякое другое, и что оно есть еще въ высочайшемъ степени, естьли иначе подлежащее, при которомъ оно находится, снабжено всѣми свойствами, потребными наблюдателю. Ибо конечно не можетъ ничто быть смѣшнѣе, какъ шутъ, который, таская десять или пятьнатцать лѣтъ свою фигуру по всѣмъ землямъ и Дворамъ свѣта, побѣдя нѣсколько дюжинъ двоезначащихъ добродѣтелей и набравши столько же невкусныхъ исторіекъ, или подозрительныхъ прибавленій къ chronique ſcandaleuſe каждаго мѣста, гдѣ онъ бывалъ, съ помощію которыхъ можетъ онъ возбуждать два или три дни смѣхъ или позевоту въ тѣхъ, кои хотятъ его слушать, — естьли такой дуракъ ласкаетъ самого себя обладаніемъ совер-

совершеннаго познанія свѣта и человѣковъ, и взираетъ со стороны съ ругательною усмѣшкою на того, который посредствомъ многолѣтнаго глубокаго испытанія человѣческаго естества разсуждаетъ при случаѣ о свойствахъ и обычаяхъ, не видавши седми башенъ и не присутствуя при бракосочетаніи Дожи Венеціянскаго съ Адріатическимъ моремъ. Мы не знаемъ, сколь можетъ быть велико число такъ называемыхъ свѣтскихъ людей, принадлежащихъ къ сему классу. Но сіе кажется намъ быть извѣстнымъ, что остроумный человѣкъ и просвѣщеннаго разума чрезъ жизнь въ большомъ свѣтѣ, чрезъ сношенія, въ которыхъ онъ на пространномъ мѣстѣ выходитъ со всѣми родами состояній и свойствъ, чрезъ множественные случаи видѣть ту, которую онъ разсматриваетъ, между всякими обстоятельствами, въ личинѣ

и безъ оной, подвергать ее всякому изкушенію, и какъ чрезъ употребленіе, которое дѣлаютъ объ нихъ, такъ и чрезъ то, которое они стараются дѣлать о другихъ, ихъ господствующія склонности и тайныя побудительныя причины изыскивать, -- что онъ чрезъ то достигаетъ непосредственнаго, обширнѣйшаго и справедливѣйшаго познанія людей, нежели другіе, которые обязаны благодарностію за свою теорію непорочно исторіописателямъ, метафизикамъ и нравоучителямъ, -- или дѣлали свои наблюденія только въ микрокозмѣ своего собственнаго нераздѣлимаго.

Но уже примѣчено, что Агатонъ при своемъ вступленіи на театръ, съ коего онъ теперь опять сошелъ, не думалъ больше столь высоко и идеяльно о человѣческомъ естествѣ, какъ въ Дельфахъ. Конечно дѣлаетъ знат-

знатную разность препроводить жизнь свою единственно между статуями боговъ и ироевъ, или обращаться дѣйствительно между человѣками. Но какъ онъ наблюденія, которыя онъ уже собралъ въ Аѳинахъ и Смирнѣ, чрезъ тѣснѣйшее знакомство съ великими и придворными обогатилъ, то мнѣніе его о врожденной изящности и достоинствѣ человѣческаго естества отъ степеня до степеня спустилось столь глубоко, что онъ иногда впадалъ въ изкушеніе (хотя противу гласа его сердца) почитать все, что объ ономъ ни говорилъ и ни писалъ божественный Платонъ высокаго и славнаго, за басни. Непримѣтно понятія, которыя дѣлалъ объ ономъ себѣ Гиппіасъ, показались ему не столько чудными, какъ тогда, какъ онъ, сидя въ саду сего роскошнаго мудреца при сіяніи луны, дѣлалъ размышленія о состояніи безплотныхъ

ныхъ духовъ. Наконецъ дошло до того, что ему понятія сіи казались довольно вѣроятными, чтобы себѣ представить, какимъ образомъ люди, кои въ собственномъ своемъ сердцѣ ничего не находили, что бы способно было подать имъ благороднѣйшее мнѣніе о ихъ природѣ, чрезъ долгое обращеніе съ свѣтомъ могли до того достигнуть, чтобы увѣриться совершенно о истинѣ онаго.

До сихъ поръ могъ итти Агатонъ не переступая границъ мудрой умѣренности, которыя должны дѣлать насъ въ нашихъ разсужденіяхъ о семъ важномъ предметѣ и о всемъ, склоняющемся на него, медлительными и осторожными. Но въ тѣ часы, когда унылость видѣть уничтоженными предъ своими глазами свои изящныя надежды чрезъ дурачество или злобу тѣхъ, съ ко-

ими ему надлежало жить, причинила больше, нежели обыкновенное затмѣніе въ его душѣ, -- пошелъ онъ еще на шагъ далѣе. „Нѣтъ (сказалъ онъ тогда самъ къ себѣ); „люди не то, за что я „ихъ почиталъ, разсуждая объ „нихъ по мнѣ самомъ, а о себѣ „самомъ по юношескимъ чувство-„ваніямъ ощутительнаго сердца „и по неизпытанной еще невин-„ности. Опыты мои оправды-„ваютъ худо говоренное объ „нихъ Гиппіасомъ. И естьли они „не лучше, то какую я имѣю „причину жаловаться на то, что „они не поступаютъ по тѣмъ „положеніямъ, кои никакого не „имѣютъ сношенія съ ихъ при-„родою? Во мнѣ была ошибка, „во мнѣ, который хотѣлъ вырѣ-„зать Меркурія изъ суковатаго „смоковнаго дерева. Не сказывалъ „ли онъ мнѣ прежде, что я ни-„чего другаго не долженъ былъ

„ожи-

„ ожидать, естьли я разположу „ начертаніе моея жизни по моимъ „ понятіямъ? Предсказаніе его не „ могло удачнѣе сбыться. Естьли „ бы я слѣдовалъ его положеніямъ, „ естьли бы я прежде въ Аѳинахъ, „ или здѣсь въ Сиракузахъ, такъ „ поступалъ, какъ бы Гиппіасъ, бу„ дучи на моемъ мѣстѣ, сдѣлалъ; „ то бы я достигъ своихъ намѣ„ реній, то бы я былъ благопо„ лученъ; -- и Богъ вѣдаетъ, ху„ же ли бы было Сициліянцамъ. „ Это уже вторый разъ, что Фи„ листъ, ревностный подражатель „ системы моего Софиста (хотя „ бы онъ былъ неспособенъ пред„ ложить ее столь связною и ви„ димою), одержалъ побѣду надъ „ премудростію и добродѣтелію. „ И потребенъ ли мнѣ еще новый „ опытъ для убѣжденія меня, что „ онъ столько же удачно возтор„ жествовалъ бы надъ другимъ Пла„ тономъ и надъ другимъ Агато-

 „ номъ?

„ номъ? — Сколько я жертвовалъ
„ моимъ положеніямъ! Сколь глу-
„ боко я самъ спустился, увидя
„ невозможность возвысить къ се-
„ бѣ тѣхъ, съ коими я имѣлъ
„ дѣло! Въ чемъ это мнѣ посо-
„ било? Я не могъ вознамѣриться
„ ся поступить подло, быть
„ льстецомъ, сводникомъ, измѣн-
„ никомъ истинному интересу го-
„ сударя и государства; и та-
„ кимъ образомъ лишился я ми-
„ лости царской и единственной
„ награды, требуемой мною за мои
„ труды; выгоды, коими госу-
„ дарство сіе начало отъ моего
„ управленія наслаждаться, я ихъ
„ потерялъ, по тому что я не
„ могъ приладиться къ тому, что-
„ бы почитать пристойнымъ и
„ истиннымъ все то, что поле-
„ зно. О конечно, Гиппіасъ! твои
„ понятія и положенія, твое нра-
„ воученіе, твое градомудріе, осно-
„ вываются на опытѣ всѣхъ вре-
„ мянъ!

„ мянѣ. Были ли люди когда что „ иное? Почитали ли они когда „ нибудь добродѣтель высоко, какъ „ только, когда они имѣли нужду „ въ ея услугахъ; и не ненавидѣли „ ли они ее, какъ скоро она упор„ ствовала ихъ страстямъ? „

Размышленія сіи довели нашего ироя до крайнѣйшей вершины глубокой бездны, находящейся между системою добродѣтели и системою Гиппіаса. Но перваго робкаго взора, коимъ онъ отважился измѣрять глубину оной, было довольно отторгнуть его назадъ съ ужасомъ. Понятія существенной разности между справедливостію и несправедливостію и идеи нравственной изящности, пустившія въ душѣ его слишкомъ глубоко корни, были весьма тѣсно соплетены и вырощены съ нѣжнѣйшими жилочками его существа, такъ, что никакая случайная при-

причина, сколько бы сильно она ни дѣйствовала на его воображеніе и на его страсти, не могла бы ихъ изкоренить. Добродѣтели его не надобно было никакого другаго управителя, кромѣ собственнаго его сердца. Въ самую ту минуту, какъ только наиосновательнѣйшее человѣконенавистство показало ему людей въ презрительномъ видѣ, а можетъ статься, какъ нѣкоторыя зеркала, представило хорошую часть еще сквернѣе, нежели они въ самомъ дѣлѣ суть, почувствовалъ онъ внутренно съ совершеннѣйшею извѣстностію, что онъ ни за корону самаго Монарха Персидскаго не согласится быть ни Гиппіасомъ, ни Филистомъ. Онъ ощущалъ, что онъ, какъ бы скоро увидѣлъ себя опять въ таковыхъ же обстоятельствахъ, также бы поступилъ, какъ и поступалъ, не устрашася никакой

опа-

опасности и никакого слѣдствія. Напротивъ того не могло иначе быть, какъ что тѣ размышленія, коимъ онъ со времяни своего паденія отдался почти совсѣмъ, долженствовали совершенно изтощить остатокъ нравоучительнаго возторженія, коимъ видѣли мы его при его побѣгѣ изъ Смирны возпаленна. Помыслъ работать о благополучіи человѣковъ, объ общемъ благѣ рода, теряетъ свою сильную прелесть, какъ скоро мы думаемъ мало о семъ родѣ. Величество сего предпріятія есть собственно все то, что составляетъ прелесть онаго; и естественно, что она теряетъ весьма много изъ своея цѣны, какъ скоро мы представляемъ себѣ людей, какъ стадо твореній, которыхъ большая часть ограничиваетъ послѣднее намѣреніе всѣхъ своихъ попеченій на своихъ плотскихъ нуждахъ, и что впрочемъ

 весь-

весьма безумно чрезъ подлую подверженность между маленькимъ числомъ наихудшихъ своего рода ввергать себя почти всегда въ паденіе, да и сіе почти скотское блаженство только рѣдко или на короткое время получать чрезъ прозьбу, или пронырствомъ. Всякое животное ищетъ своего пропитанія — копаетъ себѣ нору, или вьетъ для себя гнѣздо — множитъ свой родъ — спитъ — и умираетъ. Что большаго дѣлаетъ наибольшая часть людей? Наизнатнѣйшее упражненіе, которое они имѣютъ предъ прочими животными, состоитъ въ попеченіи одѣвать себя, что составляетъ наиглавнѣйшее дѣло многихъ милліоновъ людей. И я долженъ былъ (сказалъ Агатонъ въ одной изъ своихъ худшихъ и невеселыхъ минутъ самъ къ себѣ), я долженъ былъ жертвовать моимъ спокойствіемъ, моими соб-

ственными удовольствіями, моими силами, самымъ моимъ существованіемъ, попеченію, дабы какое нибудь особливое стадо сихъ благороднѣйшихъ твореній ѣло лучше, обитало великолѣпнѣе, болѣе множилось, одѣвалось щеголеватѣе и спало мягче, нежели они дѣлали прежде, или какъ дѣлаютъ другія ихъ рода? — Не все ли тутъ, что они желаютъ, и не къ сему ли они меня употребляютъ? Что меня побудило дѣлать для нихъ сіи заслуги? Сыщется ли только между ими одинъ, который бы при всемъ, что онъ предпринимаетъ, имѣлъ благороднѣйшее намѣреніе, кромѣ своего собственнаго успокоенія? Обязанъ ли я имъ какимъ почтеніемъ или благодарностію за то, что они работаютъ для моихъ нуждъ, или для моего удовольствія? Я долженъ имъ за то заплатить. Въ семъ состоитъ все, что они ни

хотятъ, и все, что они отъ меня требовать могутъ.

„Небо!„ — такъ, кажется мнѣ, слышу я здѣсь возклицающіе нѣкоторые тихіе гласы — „ возможно ли? Могъ ли Агатонъ такъ мыслить? Столь низко, столь неблагородно!„ — Столь холодно, мои прекрасныя пріятельницы, столь холодно! И не довольно ли онъ имѣлъ времяни въ двухмѣсячномъ или трехмѣсячномъ заточеніи, которое онъ навлекъ на себя единственно великими и благородными замыслами, прохладиться нѣсколько отъ жара великодушнаго умоизступленія? — „Но что сдѣлается теперь изъ свойства нашего ироя? Что есть добродѣтель безъ сего изящнаго огня, сего высокаго возторженія, которое возвышаетъ человѣка свыше прочихъ его рода, свыше самаго себя, дѣлаетъ его общимъ благо-

творителемъ, Геніусомъ, образомъ божества? „ — Мы сіе признаемъ; она теряетъ съ симъ ефирнымъ пламянемъ свое ослѣпительное сіяніе. — „ И сколь плачевно видѣть упадающею добродѣтель его тамъ, гдѣ бы ей надлежало показаться въ своей величайшей силѣ! Какъ? уступать нашедши сопротивленіе! Оставлять похвальное предпріятіе, по тому, что можетъ быть безъ причины отчаяваются въ благополучномъ успѣхѣ! Ибо что есть истинная добродѣтель иное, какъ безпрестанное сраженіе съ страстями, дурачествами и пороками — въ насъ самихъ и внѣ насъ? „ — Что намъ отвѣчать на сіе? Въ самомъ дѣлѣ сожалѣтельно, что ирой нашъ не лучше утверждаетъ свою роль. — Но, по всему видимому, онъ никогда не бывалъ ироемъ, и мы несправедливо дали ему столь почтенное названіе.

ніе. -- „Однако онъ началъ превозходно. Не былъ ли онъ ирой, когда онъ изторгнулся изъ прельстительныхъ ласкательствъ стремительной Пиѳіи? „ -- Сіе могла сдѣлать робкая и цѣломудренная невинность безопытной юности. И не любилъ ли онъ тогда прекрасную Псише? „ -- „ И такъ онъ заслуживалъ названіе ироя, когда онъ имѣлъ мужество вступиться за оставленную безвинную противу сильнаго и раздраженнаго непріятеля? „ -- Вы можетъ статься могли бы сдѣлать столько же изъ честолюбія, или изъ ненависти къ одному изъ непріятелей человѣка, вами покровительствуемаго, или изъ тайнаго намѣренія на супругу вашего кліента, или чтобъ вытащить двадцать тысячь талеровъ изъ кармана вашего кліента; однако во всѣхъ сихъ случаяхъ не сдѣлали бы вы ни еди-

єдинаго ирοйскаго дѣйствія. Что Агатонъ поступалъ тогда изъ благородныхъ мыслей, знаемъ мы -- отъ него самаго. Мы имѣемъ причины ему въ томъ вѣрить; однако мы не должны забывать, что онъ могъ съ наивеличайшимъ правдопобіемъ надѣяться блестящаго успѣха; и какое торжество было сіе для славолюбія дватцатилѣтняго юноши! -- „ Однако онъ при всемъ томъ конечно былъ ирой, когда онъ подвергнулся великодушно и непоколебимо несправедливому приговору изгнанія Аѳинянъ и охотнѣе желалъ претерпѣть всякую крайность, нежели остаться благодарнымъ за свое освобожденіе подлости. Таковъ онъ былъ тогда, когда онъ могъ о себѣ сказать: я не укорялъ добродѣтели, что она навлекла на меня ненависть и гоненія злобныхъ; я чувствовалъ, что она сама себя награждаетъ. „ -- Въ

са-

самомъ дѣлѣ въ сіе мгновеніе онъ былъ великъ. Но какая это была и минута! Состояніе духа, въ которомъ онъ тогда находился, было прямо наивысочайшимъ степенемъ сего возторженія добродѣтели, которое заставляетъ человѣка забывать, что онъ только человѣкъ. Естественно сей родъ иройства продолжается не долѣе, какъ припадокъ страсти. Агатонъ былъ тогда, какъ онъ такъ размышлялъ, совершенно убѣжденъ въ непорочной добродѣтели; и какою гордостію долженствовало чувствованіе сіе надмить душу его въ такую минуту, въ которую всѣ Аѳины сговорились его унизить, въ такую минуту, когда сія гордость находилась въ равновѣсіи со всею тяжестію его нещастія и доставила ему торжество заставить возчувствовать обладателей участи его всю верьховную власть, данную ему надъ

нимй

ними добродѣтелію его? Сей родъ гордости уподобляется въ своихъ дѣйствіяхъ свирѣпству храбраго мужа, доведеннаго до отчаянія. Извѣстность смерти, которой онъ подвергается, причиняетъ то, что онъ дѣлаетъ дѣла безсмертнаго. Но Агатонъ не имѣлъ тогда больше причины гордиться своею добродѣтелію. Самое сіе возхитительное состояніе духа, вдохнувшее въ него при его изгнаніи изъ Аѳинъ божественныя мысли, унизило его въ Смирнѣ до слабостей простаго человѣка. Онъ не помышлялъ больше о себѣ самомъ столь велико; и какъ ему тогда, въ подобныхъ обстоятельствахъ, та иройская гордость болѣе не пособляла, что было естественнѣе, какъ что тотъ родъ человѣконенавистства, распростирающійся на весь родъ, заступилъ оной мѣсто? Въ семъ пунктѣ, какъ во многихъ другихъ,

гихъ, исторія Агатона кажется быть исторіею всѣхъ человѣковъ. Мы думаемъ благосклонно о человѣческой природѣ столь долго, сколь долго мнимъ мы велико о себѣ самихъ. Презрѣніе наше имѣетъ тогда только предметомъ единственныя особы, или малѣйшія общества. Но какъ скоро мы въ нашемъ мнѣніи о насъ самихъ упадаемъ, упадаетъ чрезъ внутреннюю силу, надъ которою мы не властны, мнѣніе наше о цѣломъ родѣ, къ которому мы принадлежимъ. Мы удивляемся, что мы не прежде примѣтили, что дурачества, и пороки тѣхъ, между коими мы живемъ, суть недостатки самой природы, коимъ (больше или меньше, симъ или другимъ образомъ, смотря по времяни, обстоятельствамъ, темпераменту и обычаю) каждый подверженъ. Чѣмъ точнѣе мы разсматриваемъ людей, тѣмъ больше мы находимъ основанія

ванія такЪ мыслить. Сей образЪ размышленія внушаетЪ вЪ насЪ вЪ самое то время, какЪ онЪ подаетЪ намЪ нѣкоторое малопочитаніе ко всему роду, больше прозорливости вЪ пороки и недостатки нѣкоторыхЪ особЪ и особливыхЪ обществЪ, сЪ коими находимся мы вЪ сношеніи. И отЪ сего произходитЪ, что мы то, что мы теряемЪ вЪ той добродѣтельной надмѣнности, почитаемой многими изЪ тороплипости за самую добродѣтель, вЪ нужнѣйшихЪ и любви достойнѣйшихЪ добродѣтеляхЪ, вЪ обходительности и умѣренности, опять снискиваемЪ; добродѣтели, которыя хотя ничего не имѣютЪ весьма ослѣпительнаго, но тѣмЪ больше имѣютЪ теплоты и дѣлаютЪ насЪ тѣмЪ способнѣе жить между твореніями, которыя вЪ ней каждую минуту имѣютЪ нужду.

Глава третiя.

Продолженiе предыдущаго.

Это общiй и часто хулимый порокъ человѣческаго рода, что они больше любятъ чудное, нежели естественное, и больше блестящее, нежели что не такъ хорошо мечется въ глаза, хотя оно употребительнѣе и прочнѣе. Сей образъ разсуждать о цѣнѣ вещей нигдѣ не бываетъ обманчивѣе, какъ когда онъ употребляется на нравоучительные предметы. Заключенiе, которое обыкновенно дѣлается о высокости понятiй и чувствованiй такой особы, или о готовности говорить нѣкоторымъ языкомъ возторженiя, которое (какъ Гомерическiй божественный языкъ) всѣмъ вещамъ даетъ другiя имяна, такъ, что вещи сами для того не бываютъ нѣчто другое, какъ подъ своими обыкновенными имянами, — заклю-

ключеніе, выводимое обыкновенно о семъ съ чрезвычайнымъ превосходствомъ свойства такой особы, есть столько же ложно, какъ предразсужденіе, предпріятое многими противъ постоянной и скромной добродѣтели, такой добродѣтели, которая (не объявляя себя торжественнымъ великолѣпіемъ, высокопарными идеями, просвояемое свобожденіе отъ недостатковъ человѣческой природы и неупросимую строгость противу оныхъ) только для того, кажется, меньше обѣщаетъ, дабы оказать на самомъ дѣлѣ тѣмъ больше. Предложа сіе можетъ статься могли бы мы утверждать съ хорошимъ основаніемъ, что добродѣтель нашего ироя чрезъ новую перемѣну, произшедшую въ его образѣ разсужденія, въ разныхъ размышленіяхъ получила великія выгоды. Но (мы только въ томъ признаемся)

 что

что она при томъ приобрѣла съ одной стороны, то потеряла паки съ другой. Понятія, чинимыя нами о нашей собственной природѣ, имѣютъ рѣшительное втеченіе на всѣ наши прочія понятія. Сколь заблудительно, сколь смѣшно и рабячески, когда мы себѣ воображаемъ, что человѣкъ есть главная фигура во всемъ твореніи, что все прочее находится въ ономъ только для него; однако столь же естественно, что онъ есть то въ особливой системѣ собственныхъ его идей. Въ семъ маленькомъ свѣтѣ есть и пребываетъ онъ, хочетъ онъ или не хочетъ, ирой части, на кою все стремится, и которой щастіе или паденіе все рѣшитъ. Все велико, важно, выгодно, естьли главное лице важно и умѣетъ играть великую роль. Но когда Скапинъ или Арлекинъ есть ирой, то что можетъ быть

быть иное все цѣлое, какъ одна шутка?

Мы просимъ здѣсь читателя взпомнить о томъ сомнѣніи, въ коемъ находилъ себя запутаннымъ Агатонъ, какъ онъ оставилъ Іонскіе берега, сіи очарованные берега, на которыхъ онъ (можетъ быть въ свою пользу) изпыталъ, что высокія идеи его юношества были для него при случаѣ, въ коемъ онъ положился совершенно на ихъ крѣпость и защитительную силу, больше вредны, нежели полезны, и въ коемъ (къ истинному подозрѣнію противъ ихъ дѣйствительности) противныя идеи столь стремительно и непримѣтно и съ такою удобностію имъ возпослѣдовали, что онъ не прежде примѣтилъ перемѣну, какъ она уже совершенно пришла въ состояніе. Онъ тогда не имѣлъ времяни о семъ сомнѣніи самъ съ собою согласить-

ся. Онъ хотя думалъ, или лучше надѣялся, что онъ то, что истинно въ его прежнихъ положеніяхъ, удобно согласитъ съ своими новоприобрѣтенными понятіями; однако онъ еще не довольно ясно видѣлъ, какимъ образомъ? И онъ при первомъ взглядѣ примѣтилъ скважины, которыя ему тѣмъ больше причинили попеченія, чѣмъ менѣе онъ былъ склоненъ изторгнуть ихъ (по примѣру большей части находящихся въ семъ затрудненіи) съ первымъ лучшимъ, что бы то въ руки ни попалось, соломина ли, илъ ли, вѣтошки ли, или что другое. Однако между тѣмъ прежнія его любимыя идеи имѣли еще сильную власть въ его сердцѣ, и онъ самъ себя успокоилъ надеждою, что ему въ спокойнѣйшихъ обстоятельствахъ удобно будетъ возставить совершенное согласіе между своимъ духомъ и своимъ сердцемъ.

Но

Но упражненія и разсѣянія, поглощавшія въ Сиракузахъ все его время, принудили его, столь для него важную работу довольно долго откладывать, дабы ее чрезъ новоотрывающіяся затрудненія сдѣлать несравненно мучительнѣе, нежели бы она была сначала. Смѣшная сторона человѣческихъ мнѣній, страстей и обычаевъ есть обыкновенно первая, которую они показываютъ разумному и остроумному мужу, не имѣющему празднаго времяни разсудить объ нихъ съ примѣчательнымъ вниманіемъ. И такъ Агатонъ пріобучилъ себя непримѣтно къ сему роду разсматривать предметы. Естественная ясность и живость его воображенія возбуждали и безъ того въ немъ къ тому стремленіе; и Сиракузанцы (коихъ свойство составляло смѣшеніе Аѳинскаго и Коринѳскаго, или смѣсь противорѣчащихъ свойствъ,

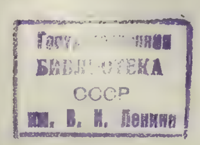
 ка-

какія только можетъ имѣть народъ и Дворъ, каковъ былъ Дворъ Діонисія) снабдили его столь богато комическими характерами, образами и приключеніями, что отсрочка, которую настоящій тонъ его души дѣлалъ съ его прежнимъ, должна была всегда день отъ дня становиться сильнѣе.

Оромасдесъ и Ариманіусъ старыхъ Персовъ представляются намъ не смертельнѣйшими врагами, какъ суть комическій духъ и духъ возторга; и естественное несогласіе обоихъ сихъ духовъ немало чрезъ то умножается, что оба равносклонны преступить границы умѣренности. Возторженный духъ видитъ все въ строгомъ торжественномъ свѣтѣ; а комическій зритъ все въ кроткомъ и смѣющемся. Нѣтъ ничего для перваго легче, какъ итти столь далеко,

леко, пока ему все, называющееся игрою и шуткою, не представится предосудительнымЪ; нѣтЪ ничего для послѣдняго удобнѣе, какЪ прямо сыскивать вЪ томЪ, сЪ чѣмЪ тотЪ поступаетЪ сЪ наивеличайшею важностію, большую часть матеріи кЪ шуткѣ и смѣху. Естьли мы кЪ сему еще прибавимЪ, что легкомысленный тонЪ изкони преимущественно былЪ собственнЪ ДворамЪ, и особливое обстоятельство, что мнимые присвояемые Академисты, или придворные философы Діонисія, (выключая единаго Аристиппа) представляли нѣкоторый родЪ трагикомическихЪ дураковЪ, которые прямо нарочно казались быть изысканными кЪ тому, чтобы сдѣлать высокія науки, коихЪ священниками и мистагогами они себя показывали, столь презрѣнными, каковы они сами были; и естьли мы возмемЪ все сіе вмѣ-

 стѣ:

стѣ: то произошло, что нашъ ирой наконецъ непримѣтно нашелся на такомъ пунктѣ, гдѣ его — тогда, какъ онъ въ гротѣ Нимфъ ожидалъ явленія боговъ, — или когда онъ положенія, обѣщанія и дружбу Софиста Гиппіаса отвергалъ отъ себя съ толь пылкимъ негодованіемъ, можетъ статься никто, или только наихитрѣйшіе знатоки человѣческаго сердца могли ожидать; — а имянно тамъ, гдѣ ему большая часть прежнихъ его идей, о коихъ онъ въ Смирнѣ начиналъ только сомнѣваться, теперь совсѣмъ нелѣпыми и осмѣянія достойными, — напротивъ того тѣ, коихъ предметы хотя долженствовали оставаться ему достопочтенными, однако разсуждаемы будучи подлежательно, въ барокскомъ видѣ, какъ онѣ въ воображеніи смертныхъ уменьшаются, изнуряются, смѣшиваются, или преображаются, казались

ни

ни къ чему иному годными, какъ оными забавляться.

Благоразумные читатели поймутъ теперь весьма ясно, для чего мы сомнѣвались согласиться совершенно со мнѣніемъ творца Греческаго рукописника о настоящемъ нравоучительномъ состояніи нашего ироя. Мы не можемъ себя закрыть, чтобы его состояніе не было опасно для его добродѣтели; тѣмъ опаснѣе, чѣмъ больше обыкновенно дѣлается въ ономъ безопаснымъ чрезъ нѣкоторую пріятную бодрость духа и другія явленія совершеннаго здоровья, думать себя быть въ своемъ естественномъ состояніи. Мы по справедливости опасаемся, что весьма сильное послабленіе, которое обыкновенно послѣдуетъ какъ въ душѣ, такъ и въ тѣлѣ, отъ чрезмѣрнаго напряженія, сердцу его могло гораздо быть вреднѣе, не-

нежели прекрасное умоизступленіе, коимЪ мы видѣли его объятаго. Естьли бы перемѣна, произшедшая вЪ немЪ вЪ СиракузахЪ, простиралась единственно на умозрительныя понятія, или единственно на тонЪ и раздѣленіе свѣта и тѣни вЪ его душѣ; то бы можетЪ статься могла она показаться намЪ довольно безпристрастною. Но естьли онЪ сдѣлался отЪ того меньше честенЪ, меньше любитель истины, меньше чувствителенЪ и дѣленЪ кЪ доставленію блага человѣческому роду, меньше кЪ преимущественному участвованію вЪ благоденствіи какого нибудь особливаго сообщества, и меньше наконецЪ сроденЪ кЪ дружеству; естьли сія благотворительная и утѣшительная мысль: — „быть опредѣлену для большей сферы, нежели сія скотская жизнь, для благороднѣйшаго рода бытія, для совершеннѣйшихЪ

пред-

предметовъ и къ совершеннѣйшему роду дѣйствительности, нежели нашъ прежній „ -- и возторженные, хотя ложные, виды, которые намъ подаетъ сія лучшая изъ всѣхъ мыслей -- не имѣли больше никакой прелести и никакой силы на его душу: -- о! Агатонъ! Агатонъ! тогда бы ты заслужилъ -- не ненависть нашу, не строгій приговоръ къ осужденію тебя, не злобную радость о твоемъ паденіи, но наше сострадание.

Умоначертаніе, въ которомъ мы видѣли его въ сей главѣ, кажется конечно быть не весьма способнымъ избавить насъ о семъ пунктѣ отъ попеченія. Столь непостоянная вещь понятія, мнѣнія и разсужденія человѣческія! Обстоятельства, особливый видъ, въ который они насъ поставляютъ, сообщество, въ которомъ

мы

мы живемъ, тысяча маленькихъ втеченій, коихъ мы по одиначкѣ не чувствуемъ, имѣютъ столько силы надъ нашею душею, -- что мы не знаемъ, что могло бы сдѣлаться изъ нашего ироя, естьли бы онъ въ такомъ настроеніи былъ паки препровожденъ въ сообщество Гиппіасовъ и Алцибіадовъ, или только въ преизящный Смирнскій свѣтъ. По щастію добрый его Геніусъ отвелъ его къ такимъ людямъ, которые примирятъ его паки съ человѣчествомъ и возратятъ его оледѣневшему сердцу паки ту оживотворительную теплоту, безъ которой добродѣтель человѣческая немного больше простаго имяни. Сколь ни утомлена была сила воображенія нашего ироя, сколь ненадежно представляется ему ученіе друга его Платона о душѣ, сколь кажется нелѣпою метафизическая политика сего философа, сколь ма-

мало онъ вообще ни думаетъ о людяхъ, и сколь онъ твердо ни мнитъ себя быть утвержденнымъ не допускать себя ослѣпляться паки въ своей жизни прекраснымъ призракомъ (какъ онъ то теперь именуетъ), сими блестящими мыслями: „посвятить всего себя благоденствію общества„; однако онъ весьма былъ чуждъ того, чтобы онъ потерялъ то нѣжное чувствованіе души и сію закоренѣлую наклонность къ идеяльному изящному, бывшему тайнымъ началомъ прежняго его возторженія. Стремительные взгляды, бросаемые имъ еще столь охотно на дѣйствія его благополучной юности; образъ возлюбленной Псиши, который при всѣхъ перемѣнахъ, произходившихъ въ его душѣ, не потерялъ ничего изъ блеска; возпоминаніе сея чистой, неописанной и небесной роскоши, въ которой плавало сердце его

тогда, какъ онъ еще имѣлъ въ своей власти дѣлать щастливыхъ, и сія божественная охота изпытавшая опытами неблагодарность и злобу человѣческую, не потеряли еще ничего отъ своея чистоты; -- образы сіи, коимъ онъ еще столь охотно предается, которые сами въ его снахъ столь часто и столь живо представляются тронутой его душѣ, вздохи, желанія, которыя онъ посылаетъ за сими возлюбленными, изчезающими тѣнями всѣ; сіи припадки ручаются намъ въ томъ, что онъ еще Агатонъ. Перемѣна въ его понятіяхъ и разсужденіяхъ, новая теорія всего того, что или дѣйствительно заслуживаетъ быть предметомъ нашего изпытанія, или сдѣлано къ тому суетою и любопытствомъ, которыя начали въ душѣ его обнаруживаться, не овладѣла еще благороднѣйшими частями его сердца. Од-

Однимъ словомъ, мы еще можемъ себя обнадеживать изъ раздора обоихъ противныхъ духовъ, коимъ съ нѣкотораго времяни вся его внутренность поколебалась, смотилась и пришла въ закисаніе, увидѣть наконецъ вышедшее столь же изящное согласіе премудрости и добродѣтели, какъ (по системѣ древнихъ Возточныхъ мудрецовъ) произошелъ изъ смѣшенія тмы и свѣта сей изящный міръ.

Глава четвертая.

Апологія Греческаго писателя.

До сего кажется быть исторія нашего ироя столько сразмѣрна, по крайней мѣрѣ въ главнѣйшихъ приключеніяхъ, порядочному теченію природы и строжайшимъ законамъ правдоподобія, что мы не видимъ никакого основанія со-

мнѣваться о истинѣ оной. Но въ сей одиннатцатой книгѣ должны мы признаться, что писатель оставилъ сей нашъ свѣтъ (который, говоришь о дѣлѣ безпристрастно, былъ во всякое время ничто не лучше, какъ по названію Шакесперову буднишный свѣтъ), дабы уклониться нѣсколько въ землю идей, чудесъ, приключеній, кои прямо удаются по желанію, и дабы все сказать единымъ словомъ, въ землю изящныхъ душъ и Утопическихъ республикъ. Мы оставляемъ читателямъ нашимъ на волю вѣрить ему въ семъ столько, сколько имъ угодно будетъ. Однако между тѣмъ думаемъ мы, что сочинитель всѣмъ добросердечнымъ людямъ, принимающимъ мало по малу участіе въ исторіи такова-го ироя, и охотно имѣющимъ, когда наконецъ все ко взаимному удовольствію окончится открытіями,

тіями, признаніями, благополучными отысканіями потерянныхъ друзей и нѣкоторыми бракосочетаніями, сдѣлаетъ удовольствіе, естьли своего ироя, по преодолѣніи имъ довольнаго числа хорошихъ и худыхъ приключеній, напослѣдокъ сдѣлаетъ щастливымъ на всю его прочую жизнь. Можетъ быть, что сочинитель Греческаго рукописника оставилъ въ семъ теченіе доброй своей природѣ. Ибо въ самомъ дѣлѣ кажется сіе знакомъ суроваго и жестокаго сердца, которое находитъ удовольствіе въ мученіи и слезахъ невинныхъ своихъ читателей, когда все употребляетъ — дабы плѣнить въ угодность ирою и ироинѣ чудною исторіею, единственно для того, дабы наконецъ погрузить насъ чрезъ плачевнѣйшее слѣдствіе, какое только может вымыслить всегда человѣконенавистное воображеніе,

тѣмъ въ несноснѣйшее болѣзнованіе, когда къ сожалѣнію зависѣло отъ доброй воли писателя насъ отъ онаго пощадить. Однако кажется, что благородномыслящій сочинитель имѣлъ еще при томъ другое намѣреніе, котораго онъ, не подвергнувшись большему еще неправдоподобію, не иначе, какъ чрезъ сіе соединеніе щастливыхъ обстоятельствъ, въ которыя онъ ввергаетъ въ сей книгѣ своего ироя, достигнуть могъ; —— онъ уповательно хотѣлъ избѣгнуть укоризны, которую дѣлаетъ Горацій въ извѣстномъ стихѣ ——

Amphora coepit
Inſtitui; currente rotâ cur urceus exit? —

тѣмъ стихотворцамъ, въ твореніяхъ коихъ конецъ не сообразенъ съ началомъ. Онъ хотѣлъ въ своемъ ироѣ, коего юношество и первые поступки въ свѣтѣ возбудили столь великія надежды, ——

водя его чрезъ столь многоразличныя обстоятельства и почетши за нужное для изпытанія, просвѣщенія и приведенія къ надлежащему постоянству его добродѣтели — представить на концѣ столь мудраго и добродѣтельнаго мужа, какого бы только можно желать видѣть подъ солнцемъ. Возторгъ, который о собственныхъ дарованіяхъ своего ироя почиталъ больше обыкновенныхъ степеней нравственнаго совершенства, возпрепятствовалъ ему, въ самое то время, какъ онъ возвышалъ его добродѣтели, быть столько мудрымъ, какимъ должно быть, дабы высочайшими понятіями и благороднѣйшими мыслями о себѣ самомъ и о другихъ не обмануться. Такой родъ размышленія, который, казалось, возвышалъ его къ высочайшему классу существъ, нежели обыкновенные люди, подвергнулъ его ненависти, превращ-

 ному

ному разсужденію, обманамъ и гоненіямъ сихъ людей. Наконецъ, что было для его добродѣтели хуже всего, она произвела непримѣтно въ немъ забвеніе того, что онъ самъ въ основаніи былъ всегда ни больше, ни меньше, какъ человѣкъ. Напослѣдокъ опытъ отворилъ ему глаза и разсѣялъ часть очарованія. Онъ научился лучше знать самаго себя; но онъ еще не довольно зналъ свѣтъ. Новый и пространный театръ, на который онъ вступилъ, помогъ также ему въ семъ недостаткѣ. Все далѣе разпространяющійся и умножающійся опытъ понижалъ всегда воображательный его образъ разсужденія. Онъ увидѣлъ, сколько опасно думать слишкомъ хорошо о людяхъ, и началъ вѣрить, что дабы быть отъ нихъ безопаснымъ, не можно объ нихъ никогда мыслить дурно. Онъ сдѣлался просвѣщеннѣе, но на щетъ

своей

своея добродѣтели. Какъ проходило очарованіе его силы воображенія, такъ и переставало желаніе къ содѣланію великихъ дѣлъ, къ отвращенію въ свѣтѣ всякой неправды, къ подвизанію со врагами общаго блаженства и къ учиненію людей противъ ихъ благодарности и воли благополучными.

Теперь да скажутъ намъ, когда съ нашимъ ироемъ дошло до того (и разсудя обо всемъ хорошенько, надлежало наконецъ симъ или другимъ дойти до того) что долженствовалъ и что могъ сочинитель нашъ теперь далѣе съ нимъ начать? -- Сдѣлать изъ него человѣконенавистнаго пустынника? — Но воображеніе его о томъ еще было весьма живо, а сердце его весьма слабо, или весьма нѣжно, или весьма добро. Сверьхъ сего (какъ онъ былъ Грекъ

и весьма позднѣйшій современникъ Алцифрона) уповательно онъ не имѣлъ о превозходствѣ пустыннической добродѣтели тѣхъ высокихъ понятій, какое имѣли объ оной въ чудныя времяна третьягонадесять и четвертагонадесять вѣковъ. — Отвести его паки въ пространный свѣтъ, было бы ничто иное, какъ подвергнуть его наиочевиднѣйшей опасности, всегда новыми опытами въ Антиплатоническомъ его образѣ размышленія подкрѣпя, лишить чрезъ сообщество остроумныхъ и любви достойныхъ людей, которые или совсѣмъ никакихъ не имѣли положеній, или не много лучше, нежели мудрый Гиппіасъ, мало по малу сего драгоцѣннаго остатка прежней его добродѣтели, который онъ по щастію еще успѣлъ вынести изъ затвердѣлаго воздуха великаго свѣта. Можетъ статься онъ бы могъ сдѣлаться въ тако-

ковыхъ обстоятельствахъ еще всегда нѣкоторымъ родомъ средства между премудростію и дурачествомъ, больше смѣшнымъ, нежели ненавистнымъ, составомъ дерзской остроты и нерѣшительнаго разума, истинныхъ и произвольныхъ понятій, суевѣрія и невѣрія, добрыхъ и злыхъ страстей, обычаевъ, разположеній, двузнаменательныхъ добродѣтелей и прикрашенныхъ пороковъ; словомъ, столь превосходнымъ родомъ творенія, какъ -- почти большая часть изъ насъ прочихъ, проникнемъ ли мы въ сіе -- и естьли мы проникнемъ, то признаемся ли -- или нѣтъ. При таковыхъ обстоятельствахъ и когда единственное намѣреніе писателя состояло въ томъ, чтобы сдѣлать изъ своего ироя добродѣтельнаго мудраго, да при томъ сдѣлать такимъ образомъ, чтобы можно было ясно понимать, какимъ об-

разомъ такой человѣкъ, такъ рожденный, такъ возпитанный, съ такими способностями и разположеніями, съ таковымъ особливымъ оныхъ предопредѣленіемъ, по таковой чредѣ опытовъ, обнаруженій и перемѣнъ, въ таковыхъ щастія обстоятельствахъ, въ такомъ мѣстѣ и въ такое время, въ таковомъ обществѣ, подъ таковымъ поясомъ; словомъ, между такими обстоятельствами, въ какія онъ по сихъ поръ ввергалъ Агатона и еще ввергнетъ, могъ быть столь мудрымъ и добродѣтельнымъ мужемъ; — когда, говорю я, такое было его намѣреніе, то конечно не оставалось ему никакого другаго пути, какъ постановить своего ироя въ сіе стеченіе благополучныхъ обстоятельствъ, въ коихъ онъ скоро къ собственному своему удивленію будетъ находиться. Конечно таковая цѣпь щастливыхъ

выхъ обстоятельствъ весьма рѣдка, дабы казаться правдоподобною. Но какъ пособить себѣ бѣдному сочинителю, который (разсудя обо всемъ хорошенько) видитъ предъ собою только единое средство выдраться изъ сего дѣла, да и то еще весьма отважное? Помогай себѣ, какъ возможно, естьли бы это стояло и прыжка изъ окошка. Маленькій ирой царицы Голкондской не первый, который долженъ былъ помогать себѣ чрезъ сіе средство. Юлій Цесарь безъ таковаго бы скочка не имѣлъ удовольствія итти въ тріумфѣ въ Капитолію по улицамъ Рима, яко обладатель свѣта.

Глава пятая.

Тарентинцы. Характеръ любви достойнаго престарѣлаго мужа.

Архитасъ Тарентинскій, чрезъ коего усильное стараніе Агатонъ былъ

былЪ изторгнутЪ изЪ рукЪ его непріятелей вЪ СиракузахЪ, былЪ довѣренный другЪ отца его Стратоника. ОбѣихЪ фамиліи изЪ древнихЪ времянЪ были сопряжены союзомЪ права гостепріимства. Разпространившаяся слава, которую Тарентинскій философЪ, яко достойнѣйшій между послѣдователями Пиѳагора, яко глубокій знатокЪ вЪ таинствахЪ природы и знанія, яко мудрый политикЪ, яко искусный и щастливый полководецЪ, и что на всѣ сіи преимущества налагаетЪ корону, яко честный мужЪ вЪ наисовершеннѣйшемЪ знаменованіи сего слова, снискалЪ себѣ, сдѣлала имя его уже давно Агатону достопочтеннымЪ. КЪ сему присовокупилось еще и то, что меньшій сынЪ сего добродѣтельнаго Тарентинца, Критолай, во времяна высочайшаго благоденствія нашего ироя вЪ АѳинахЪ, препроводилЪ два года

вЪ

въ его домѣ, и будучи осыпанъ всевозможными знаками дружества, возымѣлъ къ нему тотъ родъ склонности, который въ изящныхъ душахъ оканчивается только съ жизнію. Хотя дружба сія была прервана на долгое время разными случайными причинами, но лишь только Агатонъ принялъ намѣреніе посвятить себя Діонисію, то первымъ его попеченіемъ было возобновить сей союзъ. Во время своего правленія при Дворѣ Сиракузскомъ онъ часто употреблялъ мудрые совѣты и опыты Архитаса; и сношенія, въ коихъ находились Тарентинцы и Сиракузанцы, весьма часто подавали ему случай къ оказанію услуги первымъ. При всѣхъ сихъ обстоятельствахъ весьма удобно постигнуть, что онъ въ настоящемъ своемъ положеніи тѣмъ менѣе могъ противиться усильнымъ приглашеніямъ друга своего Критолая,

лая, что должности признательности къ своему избавителю, казалось, отнимали у него вольность разсуждать о другихъ побудительныхъ причинахъ при избранія своего пребыванія.

Въ самомъ дѣлѣ для своихъ дѣйствительныхъ намѣреній онъ не могъ избрать способнѣйшаго, кромѣ Тарента, мѣста. Республика сія была тогда прямо въ такомъ состояніи, въ какомъ бы каждый патріотическій республиканецъ долженствовалъ желать видѣть свою: мала для содѣланія честолюбивыхъ начертаній; велика, дабы имѣть устрашить честолюбіе и духъ къ завоеванію своихъ сосѣдей; слаба, дабы снискать свои выгоды въ другихъ предпріятіяхъ, какъ въ храненіи мира; однако довольно сильна къ сохраненію себя въ своемъ положеніи противу всякаго несильнѣйшаго

не-

непріятеля (а таковыхъ непріятелей маленькая республика имѣетъ весьма рѣдко). Архитасъ столь изрядно пріобучилъ ихъ (съ небольшимъ въ тритцать лѣтъ, въ кои онъ седмь разъ заступалъ мѣсто верьховнаго военачальника) къ мудрымъ законамъ, кои онъ имъ давалъ, что они, казалось, управлялись больше силою обычаевъ, нежели важностію законовъ. Фабриканты и купцы составляли наибольшую часть Тарентинцовъ. Науки и изящныя искуства находились по сему у нихъ не въ отмѣнномъ высокопочитаніи; однако онѣ не были презираемы. Равнодушность сія сохранила Тарентинцовъ отъ пороковъ и смѣшныхъ заблужденій Аѳинцовъ, у коихъ каждый, даже до кожевниковъ и сапожниковъ, желалъ быть философомъ и ораторомъ, остроумною головою и знатокомъ. Тарентинцы были добрые люди, просты въ

сво-

своихъ обычаяхъ, рачительны, трудолюбивы, умѣренны, непріятели великолѣпія и разточенія, человѣколюбивы и страннопріимчивы, ненавистники принужденнаго, хитры и излишны во всѣхъ вещахъ, изъ самаго сего основанія любители естественнаго и твердаго, взирающіе при всемъ больше на форму, и не могшіе понять, что красиво сдѣланное блюдо изъ Коринѳской мѣди можетъ быть лучше, нежели дурное серебряное, или что дуракъ можетъ быть достойнѣе любви по тому, что онъ пригожъ. Они любили свою вольность какъ супругу, а не такъ какъ наложницу, безъ страсти и безъ ревнивости. Они полагали справедливую довѣренность на тѣхъ, коимъ они ввѣряли попеченіе публичнаго управленія; но они требовали также, чтобы заслуживали сію довѣренность. Духъ трудолюбія, одушевляю-

вляющій сей достойный вниманія и благополучный народъ, наиневиннѣйшій и благодѣтельнѣйшій изъ всѣхъ подлунныхъ намъ извѣстныхъ духовъ, дѣлалъ то, что въ Тарентѣ меньше, нежели въ большей части посредственныхъ городовъ обыкновенно случается, безпокоились о томъ, что происходитъ у его сосѣда. Не раздражая ихъ противными законамъ дѣйствіями, или оскорбительнымъ противорѣчіемъ касательно до ихъ нравовъ, можно было жить всякому сколько угодно. Все сіе, будучи взято вмѣстѣ, составляло, какъ намъ кажется, весьма изрядный родъ республиканскаго характера, и Агатонъ съ трудомъ бы могъ сыскать вольное состояніе, свойственнѣйшее къ утоленію печали и къ разсѣянію принятаго ко всѣмъ обществамъ отвращенія. Безъ сомнѣнія Тарентинцы имѣли также, подобно всѣмъ прочимъ

 жите-

жителямЪ земнаго шара, свои недостатки. Но мудрый АрхитасЪ, подЪ правленіемЪ котораго ихЪ національный характерЪ принялЪ постоянный и твердый видЪ, умѣлЪ столь благоразумно поступать сЪ самыми врожденными пороками своего народа, что они, смѣшавшись сЪ ихЪ добродѣтелями, почти престали быть пороками. Нужное и можетЪ быть наивеличайшее знаніе законодателя, котораго точнѣйшее изслѣдованіе желали бы мы рекомендовать тѣмЪ, которые вЪ трудномЪ рѣшеніи задачи, почитающейся только Лиллипутскими душами за нелѣпость, такой задачи: „ которое законодательство подЪ данными условіями есть наилучшее?" — работать чувствуютЪ вЪ себѣ нѣкоторое призваніе. АгатонЪ при первомЪ воззрѣніи на Италійскіе берега открылЪ друга своего Критолая, который со свитою

наи-

наиблагороднѣйшихъ юношей лѣтѣлъ ему на срѣтеніе, дабы въ дружественномъ тріумѳѣ ввести въ такой городъ, который вмѣнялъ себѣ въ честь, что толикій мужъ, какъ Агатонъ, избралъ его предъ прочими для своего пребыванія. Пріятный воздухъ сихъ яснѣйшимъ небомъ обтекающихъ береговъ, узрѣніе одной изъ наипрекраснѣйшихъ земель подъ солнцемъ,: и еще сладчайшее узрѣніе такого друга, коимъ онъ наинѣжнѣйше былъ любимъ, привели въ забвеніе у нашего ироя въ единую минуту все нещастіе, претерпѣнное имъ въ Сициліи и чрезъ всю свою жизнь. Радостное предчувствованіе благоденствія, ожидавшаго его въ сей въ первый разъ имъ увидѣнной землѣ, разпространило неописанную пріятность по всему его существу. Сія неопредѣленная роскошь, которая, казалось, вдругъ овладѣла всѣми его

чувственными силами, не была то очаровательное чувствованіе, коимъ его изящности природы и чувствованіе чистѣйшихъ ея побужденій въ юности его проникнули. Сей цвѣтъ чувствительности, сія нѣжная симпатія со всемъ, что живетъ, или кажется жить, сей духъ радости, дышущій намъ изъ всѣхъ предметовъ, сей волшебный лакъ ихъ прикрывающій и ввергающій насъ въ тихое и сладкое удивленіе при узрѣніи такого предмета, который десятью лѣтами позже едва тронулъ бы насъ поверхностно, -- сіе достойное зависти преимущество перваго юношества теряется непримѣтно съ приращеніемъ нашихъ лѣтъ и не можетъ паки быть отыскано. Однако было нѣчто такое весьма съ симъ сходное. Душа его, казалось, очистилась чрезъ то отъ всѣхъ затмѣвающихъ пятенъ ея непосредственно предыдущаго со-

состоянія и приуготовилась къ изящнымъ впечатлѣніямъ, которыя она должна была получить въ новомъ семъ періодѣ его жизни.

Одинъ изъ наиблагополучнѣйшихъ часовъ онаго (какъ онъ въ послѣдствіи весьма часто обыкъ увѣрять) былъ тотъ, въ который онъ лично началъ знать Архита. Сей достопочтенный старикъ обязанъ былъ благодарностію природѣ и умѣренности, бывшей съ самой его юности различительною чертою его характера, за преимущество живости всѣхъ силъ, которая въ его возрастѣ есть нѣчто рѣдкое; однако преимущество меньше рѣдкое у древнихъ Грековъ, нежели у большей части Европейскихъ народовъ нашего времяни. Сколько ни прохладилась сила воображенія нашего ироя, однако онъ могъ не иначе, какъ нѣчто идеальное въ смѣшеніи вели-

чества и пріятности, разпространившейся по всему лицу милаго сего старца, ощущать и тѣмъ сильнѣе ощущать, чѣмъ сильнѣе была вражда, которую сіе воззрѣніе дѣлало со всемъ тѣмъ, къ чему глаза Агатоновы издавна должны привыкнуть. — „А для чего ему не возможно „было?„ — Причина весьма простая: по тому, что сіе идеяльное не находилось въ его воображеніи, но въ самомъ предметѣ. Представьте себѣ большаго и статнаго мужа, котораго величественный видъ при первомъ взорѣ возвѣщаетъ, что онъ родился другими управлять, и который, не взирая на свои серебряные волосы, имѣетъ такой видъ, что онъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ былъ весьма изрядный человѣкъ; — вы безъ сомнѣнія помните, что видали таковыхъ; — представьте себѣ, что сей мужъ во всемъ тече-

ченіи своея жизни былЪ добродѣтельный человѣкЪ, и коего добродѣтель, подкрѣпляема будучи длинною чредою лѣтЪ, снискала всю зрѣлость премудрости; что непомрачённая ясность его духа, спокойствіе его сердца, общая благость, его одушевляющая, тихая совѣсть невинной и добрыми дѣяніями изполненной жизни, живо изображаются вЪ его очахЪ и во всѣхЪ чертахЪ его лица, сЪ истиною, сЪ выраженіемЪ тихаго величества и достоянія, коего силу должно ощущать, хочешЪ или не хочешЪ. — Сіе-то есть то, чего вы можетЪ статься еще не видывали; сіе-то есть то идеальное, о коемЪ я думалЪ и коимЪ АгатонЪ столько былЪ тронутЪ. Ему больше ничто не нужно было, какЪ посмотрѣть на стараго сего мужа, дабы быть убѣждену, что онЪ наконецЪ нашелЪ то, чего онЪ столь часто

желалЪ, но не думалЪ, чтобы онЪ еще когда его обрѢлЪ такЪ, чтобы вЪ послѢдствіи симЪ или другимЪ образомЪ не былЪ убѢжденЪ вЪ своемЪ заблужденіи, — истинно мудраго мужа, такого мужа, который не инымЪ чемЪ хотѢлЪ казаться, какЪ что онЪ былЪ дѢйствительно, и вЪ которомЪ проницательнѢйшее око не могло открыть ничего такого, чего можно было желать другимЪ образомЪ. Природа, казалось, предположила доказать вЪ семЪ великомЪ мужѢ, что премудрость не меньше есть дарЪ ея рукЪ, какЪ и самое остроуміе, и что, хотя равно и не невозможно искуству изправить дурную природу, да и сдѢлать изЪ Силена (естьли такЪ БогЪ соблаговолитЪ) Сократа, однако принадлежитЪ единой натурѢ производить щастливое сіе смѢшеніе стихій человѢчества, которое чрезЪ стеченіе столь

же

же благополучныхъ обстоятельствъ наконецъ можетъ возвыситься до сей совершенной гармоніи всѣхъ силъ и движеній человѣческихъ, въ коихъ премудрость и добродѣтель суть общій источникъ. Архитасъ не имѣлъ никогда ни пылающей силы воображенія, ни сильныхъ страстей. Извѣстная крѣпость, означавшая составленіе его духа и его сердца съ самаго его юношества умѣряла дѣйствіе предметовъ на его душу. Впечатлѣнія, получаемыя имъ отъ нихъ, были довольно ясны и сильны къ наполненію его разума истинными образами и къ предупрежденію замѣшательства, господствующаго обыкновенно въ мозгѣ тѣхъ, коихъ весьма слабыя жилочки получаютъ только слабыя и темныя впечатлѣнія о предметахъ. Но онѣ не были столько живы и не сопровождались никакимъ столь сильнымъ

 по-

потрясеніемъ, какъ у тѣхъ, кои, нѣжнѣйшими орудіями и прелестнѣйшими чувствами опредѣлены будучи къ возхитительнымъ искуствамъ Музъ, должны весьма дорого платить за сомнительное преимущество волшебной силы вообраҗенія и безконечно чувствительнаго сердца. Архитасъ обязанъ былъ благодарностію недостатку сего столько же блестящаго, какъ и мало завиднаго преимущества, что ему не большаго стояло труда сохранить покой и порядокъ въ своемъ внутреннемъ положеніи, что онъ вмѣсто того, чтобъ быть обладаему своими идеями и чувствованіями, оставался всегда оныхъ повелителемъ и заблужденія духа и сердца, о коихъ сумазбродный народъ ироевъ, стихотворцевъ и виртуозовъ можетъ говорить изъ собственнаго опыта, зналъ только изъ опытовъ другихъ. Отсюда произошло,

шло, что философія Пиѳагорова, въ положеніяхъ коея онъ былъ возпитанъ, — самая сія философія, которая въ мозгу столь многихъ другихъ произвела чудное смѣшеніе истины и бреда, — сдѣлалась чрезъ размышленіе и опытъ въ его головѣ системою сколько простыхъ, столько полезныхъ и практическихъ понятій; системою, которая кажется ближе подходитъ къ истинѣ, нежели какая нибудь другая, которая человѣческую природу дѣлаетъ благородною, не надмѣвая ее, и открываетъ ей виды въ лучшіе свѣты, не дѣлая ее странною и безполезною въ настоящемъ; такою системою, которая чрезъ благородныя и высокія понятія, которыя душа наша можетъ имѣть о Богѣ, о селенной, о собственной своей натурѣ и своемъ предопредѣленіи, очищаетъ ея страсти, украшаетъ ея помыслы, и (что

всего

всего важнѣе) свобождаетъ ее отъ тиранскаго господствованія сихъ простонародныхъ понятій, обезобразивающихъ душу и дѣлающихъ ее малою, подлою, боязливою, лживою и невольницею, каждую благородную склонность, каждую великую мысль отстрашаютъ и изтребляютъ, но тѣмъ однако не меньше подкрѣпляемы бываютъ политическими и благоговѣйными Демагогами между большею частію человѣческаго рода (изъ намѣреній, изъ коихъ господа сіи дѣлаютъ по справедливости тайну) со всякою ревностію.

Наиубѣдительнѣйшій опытъ надъ благостію философіи мудраго Архитаса есть, какъ намъ кажется, нравственный характеръ; приписываемый ему единодушнымъ свидѣтельствомъ древнихъ. Сей опытъ, это правда, могъ бы быть при системѣ метафизическихъ умозрѣній обманчивъ; но фило-

философія Архитаса была совсѣмъ практическая. Примѣръ столь многихъ великихъ духовъ, которые въ домогательствѣ преступить чрезъ предметы человѣческаго разума были нещастны, не сдѣлалъ бы его въ сей части можетъ быть премудрѣе, естьли бы онъ больше былъ тщеславенъ и меньше хладнокровенъ. Но такъ, какъ онъ былъ, оставилъ онъ сей родъ умозрѣній другу своему Платону, и вграничилъ собственныя свои изслѣдованія о единственно умственныхъ предметахъ невредимо въ сіи простыя истины, коихъ можетъ достигнуть всеобщее чувствованіе, подкрѣпляющее разумъ, и коего благотворительнаго втеченія на благосостояніе нашей приватной системы, такъ, какъ единственно на всеобщее благо, уже довольно для доказательства ея достоинства. О жизни такого мужа можно безопасно заключить

изъ

изъ благости его образа разсужденія. Архитасъ соединялъ всѣ домашнія и гражданскія добродѣтели съ сею изящнѣйшею и божественною изъ всѣхъ, основывающихся ни на какомъ другомъ основаніи, какъ на всеобщемъ союзѣ, какъ природа соединяетъ всѣ существа. Онъ наслаждался рѣдкимъ щастіемъ, что безпорочная невинность его публичной и особенной жизни, скромность, чрезъ которую онъ умѣлъ уменьшать блескъ столь многихъ заслугъ, и умѣренность, съ коею онъ употреблялъ снисканное свое достоинство, наконецъ такъ обезоружила зависть, и склонила къ нему столь совершенно сердца его согражданъ, что онъ (не взирая на удаленіе, по причинѣ глубокой своей старости отъ дѣлъ) даже до смерти своей почитался душею государства и отцемъ отечества. Въ самомъ дѣлѣ, чтобъ быть царемъ,

ремъ, не недоставало ему ни въ чемъ, кромѣ наружныхъ знаковъ сего достоинства; никогда властелинъ не господствовалъ неограниченнѣе надъ тѣлами своихъ невольниковъ, какъ сей достопочтенный старикъ надъ сердцами вольнаго народа; никогда лучшій отецъ не былъ нѣжнѣе любимъ своими дѣтьми. Благополучный народъ, управляемый Архитасомъ и умѣвшій цѣнить столь дорого все достоинство сего щастія! А щастливѣе Агатонъ, обрѣтшій въ такомъ мужѣ защитника, друга и втораго отца!

Глава шестая.

Неожидаемое открытіе.

Архитасъ имѣлъ двухъ сыновъ, коихъ ревнующая наперерывъ добродѣтель дѣлала совершеннымъ рѣдкое и заслуженное благо-

благополучіе его страсти. Сіе любви достойное семейство жило вмѣстѣ въ такомъ согласіи, воззрѣніе на кое преселило ироя нашего въ блаженную простоту и невинность злашаго вѣка. Никогда не видывалъ онъ столь изящнаго порядка, столь совершеннаго согласія и столь правильнаго и чуднаго цѣлаго, какое представлялъ домъ мудраго Архитаса. Всѣ челядинцы, до самаго нижняго класса слугъ, были достойны такого господина. Каждый казался точно сдѣланнымъ для того мѣста, которое онъ занималъ. Архитасъ не имѣлъ невольниковъ. Вольное, но пристойное, поведеніе его слугъ, бодрость, точность, ревность, съ коею они изполняли свои должности, довѣренность, на нихъ полагаемая, доказывали, что онъ находилъ средства вдыхать въ самыя грубыя сіи души чувствованіе чести и добродѣтели.

Образъ

Образъ ихъ служенія и образъ, съ какимъ съ ними поступали, казалось, изтребляли неблагородное и низкое въ ихъ состояніи. Они гордились службою столь превозходному господину, и не было ни единаго, который бы принялъ вольность подъ самыми выгоднѣйшими договорами, естьли онъ отъ благополучія быть челядинцемъ Архитаса долженъ былъ отказаться. Довольность своимъ состояніемъ блистала изъ очей каждаго; но не видно было никакого слѣда того роскошнаго своевольства, означающаго обыкновенно праздную толпу слугъ въ большихъ домахъ. Все было въ движеніи, но безъ того буйнаго шума, возвѣщающаго тяжелый ходъ машины. Домъ Архитаса уподоблялся внутренней экономіи человѣческаго тѣла, въ коемъ всѣ части находятся въ безпрестанной работѣ безъ всякаго примѣтнаго

наго движенія во время успокоенія внѣшнихъ частей.

Агатонъ находился еще въ семъ пріятномъ изумленіи, которое въ первыхъ часахъ его пребыванія въ толь чрезвычайномъ домѣ долженствовало умножаться съ каждою минутою, какъ онъ вдругъ и не будучи ни малѣйшимъ предчувствованіемъ къ тому предуготовленъ, объятъ былъ открытіемъ, которое почти довело его до того, что онъ все имъ видѣнное почиталъ за сонъ.

Гинецея (или внутренность дома, обитаемая женскою половиною семейства) была, какъ извѣстно, у Грековъ чужестраннымъ принятымъ въ домъ обыкновенно столько же неприступна, какъ сераль у Возточныхъ народовъ. Но, Агатонъ не былъ почитаемъ въ домѣ Архитаса за чуже-

жеземца. И такЪ сей любви достойный старикЪ повелЪ его, поговоря сЪ нимЪ нѣсколько времяни, вЪ провожаніи обоихЪ своихЪ сыновей вЪ Гинецею, дабы (какЪ онЪ говорилЪ) не лишать долѣе своихЪ дочерей удовольствія ожидаемаго ими уже столь долго сЪ истинною радостію. Представьте себѣ, какое сладкое обЪяло его изумленіе, когда первая особа, попавшаяся ему при входѣ вЪ глаза, — была его Психе.

Такого рода минуты могутЪ лучше быть чувствуемы, нежели описаны. Встрѣча была неожидаемая, такЪ, что онЪ никакЪ не думалЪ, чтобы случайнымЪ подобіемЪ сея молодой особы сЪ его возлюбленною Психеею обманулся. ОнЪ изумился; онЪ размышлялЪ обЪ ней снова; и хотя бы онЪ теперь не согласился вѣрить своимЪ глазамЪ, то произходившее

вѣ его сердцѣ не оставляло ему о томѣ никакого сомнѣнія. Однако свиданіе сіе казалось ему столь мало вѣроятнымѣ, чтобы онѣ былѣ довольно щастливѣ, чтобы по толь долговремянномѣ отсутствіи и при столь малой вѣроятности увидѣть ее паки нѣкогда, дабы отыскать свою Псишу вѣ Тарентѣ вѣ домѣ своихѣ друзей. Другая мысль, вѣ сихѣ обстоятельствахѣ весьма естественная, умножала его смущеніе и удерживала его отдаться радости, разливаемой по душѣ его столь вожделѣннымѣ, сколь мало ожидаемымѣ узрѣніемѣ.

Псише не имѣла такого вида, чтобы она вѣ семѣ домѣ представляла невольницу. И такѣ что онѣ могѣ иное подумать, какѣ не то, что ей надлежало быть супругою котораго нибудь изѣ сыновѣ Архитаса? Это правда, что

онѣ

онъ могъ удобно подумать и то, что она могла быть его паки отысканною дщерію; но въ таковыхъ обстоятельствахъ всегда представляется себѣ то, чего больше всего страшишся. Въ самомъ дѣлѣ онъ сіе съ перваго раза угадалъ. Психе была нѣсколько мѣсяцовъ супругою друга его Критолая.

Читатели наши видятъ съ перваго воззрѣнія, какой изящный случай подаетъ намъ маленькое сіе обстоятельство къ трогательнымъ описаніямъ и трагическимъ явленіямъ. Какое положеніе! По долгомъ и плачевномъ разлученіи сыскать паки нечаянно предметъ наинѣжнѣйшій склонности сердца его, первой его любви, но сыскать единственно только для того, дабы увидѣть ее въ объятіяхъ другаго, и (что не оставляетъ намъ никакого права жа-

ловаться, свирѣпствовать и стремиться къ отмщенію) въ объятіяхъ любезнѣйшаго нашего друга! — Къ доброму щастію для нашего ироя — и для сочинителя — бывшіе въ сію минуту свидѣтели его изумленія не слишкомъ любили толь страстныя и къ состраданію возбуждающія явленія, чтобы они могли быть способными къ снисканію въ мученіи его удовольствія. Они хотѣли было повеселиться и надъ нимъ пошутить; но было бы весьма жестоко играть съ нимъ трагедію, сколько бы наконецъ обнаруженіе ни было благополучно. Нѣжная Псище взирала нѣсколько минутъ на его смущеніе; но долѣе не въ силахъ была удерживаться. Она полетѣла къ нему съ разпростертыми объятіями, и между тѣмъ, какъ радостныя ея слезы катились по его пылающимъ ланитамъ, услыщалъ онъ произне-

сен-

сенное свое имя, оправдавшее нѣжныя ея ласки въ самомъ присутствіи супруга.

Естьли бы любовь, вдохнувшая ею въ него въ Делфійской рощѣ была меньше чиста и добродѣтельна, то бы открытіе сестры въ возлюбленной своего сердца не столь было радостно, сколько оно ему было. Но конечно еще помнятъ, что любовь ихъ всегда уподоблялась больше той, которую природа возраждаетъ между братьями и сестрами одинакаго свойства, нежели обыкновенной страсти, основывающейся на очарованіи другаго побужденія. Нѣжность ихъ оставалась всегда свободною отъ сильныхъ припадковъ послѣдней. Они находили всегда особливое въ томъ удовольствіе воображать себѣ, что по крайней мѣрѣ души ихъ между собою посестрились, когда они не доволь-

но имѣли основанія (сколько они сего ни желали) приписывать невинную склонность, которую они другъ къ другу чувствовали, симпатической силѣ крови. И такъ Агатонъ находилъ себя щастливымъ больше всего, чего онъ только могъ ожидать, когда онъ, послѣ данныхъ ему объясненій, болѣе не могъ сомнѣваться, что онъ отыскалъ въ Псишѣ сестру, которую онъ по прежнему сказанію своего отца почиталъ умершею, и чрезъ нее сдѣлался частію такого семейства, коимъ сердцемъ его столь было плѣнено, что единая мысль разлучиться когда нибудь съ онымъ была бы для него несносною. — И такъ теперь, прекрасныя и нѣжныя мои читательницы, конечно ничего инаго ему не недоставало, чтобъ быть столько щастливымъ, какъ могутъ быть смертные, какъ что Архитасъ не имѣетъ ли какой до-

достойной любви дочери, или племянницы, съ коею бы мы могли его сочетать. Къ нещастію бѣднаго Агатона Архитасъ не имѣлъ дочерей; да хотя у него и были племянницы (чего мы за подлинно сказать не можетъ), то или уже выданы, или были сдѣланы не для того, дабы изгладить образъ прекрасной Данаи и возпоминаній прежняго его блаженства, становившихся день отъ дня паки живѣе въ его сердцѣ.

Возпоминанія сіи начинали уже въ Сиракузахъ въ задумчивые часы получать нѣкоторую силу надъ его сердцемъ. Печаль, коею душа его въ послѣднемъ періодѣ придворной его жизни затмилась и сдѣлалась унылою, подала ему поводъ къ учиненію сравненія между прежнимъ и настоящимъ его состояніемъ, сравненія, которое не возможно чтобы мог-

ло иначе быть, какъ въ пользу перваго его положенія. Онъ самъ себя укорялъ за оставленіе наидостойнѣйшей любви изъ всѣхъ твореній — въ припадкѣ умоизступительнаго геройства — по худымъ причинамъ — по единому обвиненію столь презрительнаго человѣка, какъ Гиппіасъ (обвиненію, въ коемъ бы она можетъ быть, естьли бы онъ захотѣлъ выслушать, совершенно могла оправдаться). Оставленіе сіе, которое показалась ему скоро героическимъ, коимъ онъ былъ поздравленъ, по тому, что онъ думалъ тогда одержать славную побѣду надъ неблагородною частію самаго себя, трудною къ побѣжденію, и что онъ воображалъ себѣ, что онъ принесетъ великую примирительную жертву озлобленной добродѣтели, казалось ему теперь неблагодарнымъ, несправедливымъ и подлымъ дѣйствіемъ. Онъ печа-

чалился, когда онъ помышлялъ, сколь бы онъ могъ быть щастливъ чрезъ соединеніе своея судьбы съ ея судьбою; и возторженіе ничего при томъ не выигрывало, когда онъ въ тоже время помышлялъ, какими нелѣпыми представленіями и надеждами сей лишилъ его особеннаго его блаженства. Но мысль, что онъ толь ненавистнымъ поступкомъ прекрасную Данаю принудилъ его презирать, ненавидѣть, возпоминать о нѣжности, имъ въ нее вдохнутой, не иначе, какъ о нещастной слабости, коея возпоминаніе долженствовало ее изполнять печалію и разкаяніемъ, — мысль сія была ему совсѣмъ несносна. Данае, сколько она ни была озлоблена, однако не возможно, чтобы она его столько гнушалась, какъ онъ въ тѣ часы, когда представленія сіи предолѣвали его разумъ, самъ себя гнушался. Однако часы сіи

на

наконецъ миновались, и мучительное чувствованіе настоящаго ея нещастія не мало споспѣшествовало къ представленію ему причинъ и обстоятельствъ удаленія его изъ Смирны въ толь ненавистномъ свѣтѣ. Благополучная перемѣна, которую произвело въ обстоятельствахъ его перенесеніе въ нѣдро наидостойнѣйшаго любви семейства, какое можетъ быть нѣкогда было, перемѣнила необходимымъ образомъ также и цвѣтъ его силы воображенія. Естьли бы онъ не разстался съ Данаею, то бы не нащелъ ни своея сестры, ни познакомился самолично съ мудрымъ Архитасомъ. Слѣдствія сіи добродѣтельной его невѣрности сдѣлали желаніе, что онъ сего не сдѣлалъ, невозможнымъ. Но онѣ напротивъ того вдохнули въ него другое желаніе, которое въ такихъ обстоятельствахъ, въ ка-

какихЪ онЪ жилЪ вЪ ТарентѢ, было весьма естественно. Ясная тишина, паки вскорѢ овладѢвшая душею его, и безЪ того кЪ радости отЪ природы разположенною, избавленіе отЪ всѢхЪ дѢлЪ и попеченій, наслажденіе всего того, чѢмЪ можетЪ дружество оживотворить чувствительное сердце, воззрѢніе блаженства друга его Критолая, которое, казалось, приростало ежедневно чрезЪ благополучное обладаніе возлюбленною Псишею, недостатокЪ вЪ разсѢяніяхЪ, препятствующихЪ душѢ предаваться своимЪ наиприятнѢйшимЪ идеямЪ и чувствованіямЪ естественное слѢдствіе того, что сіи идеи и чувствованія должны сдѢлаться тѢмЪ живѢе; все сіе соединилось кЪ постановленію его паки мало по малу вЪ такое положеніе, которое возбудило наинѢжнѢйшія возпоминанія о нѢкогда столько любимой ДанаѢ, и про-

произвoдило въ немъ отъ времяни до времяни нѣкоторый родъ тихой и роскошной задумчивости, въ который сердце его погрузилось безъ всякаго сопротивленія въ тѣ очаровательныя явленія любви и веселія, явленія, которыя — по причинамъ, которыя мы оставляемъ на разсужденіе Психологамъ, — чрезъ произшедшее въ душѣ его обращеніе потеряли несравненно меньше изъ своея прелести, нежели отвлеченнѣйшіе и только умозрительные предметы прежняго его возторженія. Можемъ ли мы ему причесть въ порокъ, что онъ въ такіе часы желалъ найти прекрасную Данаю невинною? что онъ сего столь часто и столь живо желалъ, пока онъ себя наконецъ уговорилъ почесть ее невинною? и что невозможность достигнуть паки такого блага, котораго онъ лишилъ самъ себя столь легкомысленно и

столь

столѣ ненавистнымѣ образомѣ, погружала его иногда вѣ такую печаль, которая огорчала ему настоящее его благополучіе и укоренялась тѣмѣ глубже вѣ душѣ его, по тому что онѣ не могѣ вознамѣриться ввѣрить мученій своихѣ тѣмѣ, коимѣ онѣ (кромѣ сего единаго угла его сердца) обыкновенно открывалѣ внутренность души его.

„Но куда должно отвести насѣ сіе предуготовленіе?„ — подумаютѣ можетѣ быть нѣкоторые изѣ нашихѣ остроумныхѣ читателей. „ — Безѣ сомнѣнія какою нибудь услужливою бурею принесется сюда также госпожа Данае несвѣдомымѣ намѣ образомѣ? Добрая дѣвица Псише чрезѣ истинный ударѣ волшебною палочкою выскочила изѣ Гинецеи стараго Архитаса.„ — Да и для чего нѣтѣ, когда мы знаемѣ, сколько можемѣ мы чрезѣ то облаго-

по-

получить друга нашего Агатона? — „ Но гдѣ остается тогда удовольствіе возхищенія, которое обыкновенно другіе сочинители сообщаютъ съ толь великимъ стараніемъ и искуствомъ своимъ читателямъ? „ — Пусть такъ останется, государи мои; и Дидеротъ сказалъ имъ причину, для чего они при семъ мало, или ничего не потеряютъ. Однако намъ весьма пріятно, что намъ напоминаютъ, что мы должны нѣкоторымъ извѣстіемъ, какимъ образомъ Псише (которую мы оставили въ рукахъ разбойника переодѣтую въ Ганимеда) дошла до того, что сдѣлалась супругою Критолая и сестрою Агатона. Краткаго извлеченія изъ повѣсти, сдѣланной Агатону частію самою его сестрою, частію ея кормилицею, будетъ довольно для удовольствованія любопытства нашихъ читателей о семъ пунктѣ.

Глава

Глава седмая.

Приключенія Псиши.

Сильная буря есть нещастное приключеніе для тѣхъ, кои посредѣ открытаго моря отдѣлены только толщиною доски отъ влажной смерти, но для писателей исторій ироевъ и ироинь есть почти наиблагополучнѣйшее между всѣми приключеніями, кои можно произвесть для избавленія себя отъ затрудненія. И такъ то была буря (и мы надѣемся, что никто не будетъ на то жаловаться; ибо она еще, естьли мы не обманываемся, въ первый разъ является въ сей исторіи), которая любви достойную Псишу избавила отъ страшной власти влюбленнаго морскаго разбойника. Корабль разбился у Италійскаго берега, на нѣсколько миль отъ Капуи; и Псише, покровительствуема Нереидами, или богами любви, была одна особа изъ всѣхъ

на корабл‍ѣ, которая, конечно сохранясь на доскѣ, принесена была зефирами на твердую землю. Однихъ зефировъ можетъ быть недовольно бы было; но съ помощію нѣкоторыхъ рыбаковъ, бывшихъ по щастію подъ руками, не оставалось никакого затрудненія. Все сіе безъ сомнѣнія было благополучно, но ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что послѣдуетъ. Одинъ изъ рыбаковъ, будучи по щастію весьма сострадателенъ, отнесъ переодѣтую Псишу, не имѣвшую ни въ чемъ иномъ нужды, какъ обсушиться и прохладиться отъ претерпѣннаго безпокойства, къ женѣ своей въ свою хижину. Рыбачка (пригожая дородная женщина около сорока трехъ или четырехъ лѣтъ) оказала чрезвычайное состраданіе о нещастіи столь любви достойнаго молодаго господина; она прилагала объ немъ всевозможное стараніе и не могла на него наглядѣться. Ей всегда казалось,

гово-

говорила она, какъ будто бы она когда нибудь видала такое лицо, какъ его; и она едва могла дождаться того, пока прекрасный чужеземецъ сдѣлался въ состояніи разсказать, по введенному обыкновенію, свою исторію. Но Псише имѣла нужду въ покоѣ; и такъ она отнесена была въ постелю, и при семъ случаѣ открыла рыбачка, примѣчавшая наималѣйшія обстоятельства, что мнимый юноша была младая рѣдкой красоты дѣвица, однако ей казалась не столько прекрасною, какъ въ ея мужескомъ платьѣ. Это естественно было, что сіе превращеніе долженствовало возбудить въ ней въ первую минуту нѣкоторое неудовольствіе. Но сіе маленькое преходящее неудовольствіе скоро перемѣнилось въ наиживѣйшую и въ наинѣжнѣйшую радость; — ибо, однимъ словомъ, открылось, что рыбачка Клонаріона была кормилица прекрасной Псиши, которая

(съ помощію сего имяни) о своей любезной кормилицѣ столько же хорошо паки взпомнила, какъ и сія по чертамъ Псиши, по сходству ея съ ея матерью Музаріоною, а особливо по маленькому пятну, которое она имѣла подъ лѣвою грудью, узнала свою возлюбленную питомицу. Клонаріона была наидовѣреннѣйшая невольница матери нашей ироини, и ввѣрена была ея возпитанію по смерти оной маленькая Псише, или Филоклеа, какъ она собственно называлась; ибо Псише было только приласкательное имя, данное ей кормилицею изъ нѣжности, и которое маленькая Филоклеа (по тому, что она не слыхивала себѣ никогда другаго названія, какъ Псише, или Психаріона) почла въ послѣдствіи за дѣйствительное свое имя. Стратоникъ отдалъ доброй Клонаріонѣ съ малолѣтною еще Псишею довольную сумму золота, и приказалъ ей

воз-

возпитывать ее въ близости отъ Коринѳа, по тому, что онъ тамъ имѣлъ наилучшій случай видать ее отъ времяни до времяни тихонько. Младая Психе, радость и честь нѣжной ея кормилицы, возрастала столь изрядно, что не можно было видѣть ничего любви достойнѣе ея. Надежда корысти прельстила наконецъ нѣкоторыхъ злодѣевъ похитить ее лѣтъ около пяти или шести тайно и продать въ Делфахъ жрицѣ. Шейный уборъ, на которомъ висѣлъ маленькій портретъ ея матери, и коимъ обыкновенно всегда младая Психе была украшена, былъ также вмѣстѣ съ нею проданъ, и служилъ въ послѣдствіи доказательствомъ, что она дѣйствительно дочь Стратоника. Клонаріона, извѣстясь о потеряніи дражайшей своея Психе, отдалась въ первыхъ припадкахъ своея печали всякому неистовству отчаянія, и препроводя до-

вольное время въ исканіи ее повсюду (кромѣ того мѣста, гдѣ она дѣйствительно находилась), не знала она никакого другаго средства оправдаться предъ господиномъ своимъ въ винѣ достойной наказанія небрежности, какъ доложить, что она умерла; и Стратоника тѣмъ удобнѣе можно было обмануть, что онъ тогда обремяненъ былъ также дѣлами, препятствовавшими ему долгое время побывать въ Коринѳѣ. Между тѣмъ плутающая повсюду Клонаріона претерпѣнныя ею различныя приключенія наконецъ окончила тѣмъ, что сдѣлалась женою одного довольно уже пожилаго рыбака изъ областей, лежащихъ около Капуи, на глаза коего была она по меньшей мѣрѣ столько же хороша, какъ Ѳетиса и Галатея. Она сохранила свою дражайшую возпитанницу въ толь нѣжномъ возпоминаніи, что она родившейся своей дочери дала имя Психе

един-

единственно для того, чтобы хранить всегда ее въ свѣжей памяти. Смерть сего дѣтища, возпослѣдовавшая почти на томъ же возрастѣ, на какомъ похищена была Псише, возобновила паки старую рану; и какъ у нее чрезъ сіи обстоятельства образъ молодой Псиши всегда пребывалъ настоящимъ, то ей тѣмъ меньшаго стояло труда паки ее узнать, не смотря на то, что пятьнатцать или шестьнатцать лѣтъ могли произвесть въ чертахъ лица ея нѣкоторую перемѣну. И такъ ироиня наша умножила теперь маленькое семейство стараго рыбака, который, перемѣня свое пребываніе, перебрался въ окрестности Тарента, гдѣ онъ прекрасную Псишу щиталъ вмѣсто своея дочери. Псише такъ хорошо приноровилась къ худымъ обстоятельствамъ, въ коихъ она долженствовала жить у своея возпитанницы, какъ будто бы она нико-

гда не живала въ лучшемъ состояніи, и ни о чемъ больше не старалась, какъ облегчать сей второй матерѣ неусыпными трудами бремя ея пропитанія. Наконецъ случайнымъ образомъ случилось, что молодый Критолай увидѣлъ нашу ироиню, которая въ своемъ крестьянскомъ, но чистомъ, нарядѣ и украшена свѣжими цвѣтами показалась бы тому, которому бы она встрѣтилась въ рощѣ, скорѣе одною изъ подругъ Діаны, нежели дочерью бѣднаго рыбака. Критолай возгорѣлъ къ ней наисильнѣйшею страстію. Поколику любовь его была столько же добродѣтельна, сколько нѣжна, то скоро онъ склонилъ сострадательную Клонаріону на свою сторону; и какъ Психе теперь сама знала, что Агатонъ ей братъ, то не имѣла никакой причины быть нечувствительною къ склонности столь любви достойнаго молодаго человѣка. Въ самомъ дѣлѣ Крито-

штолай былЪ вЪ большихЪ намѣреніяхЪ вторый АгатонЪ. Но обстоятельства, вЪ коихЪ они находились, оставляли имЪ столь мало надежды кЪ возстановленію между ими союза, что Псише почитала себя обязанною скрывать произходившее вЪ ея сердцѣ вЪ пользу Critолая тѣмЪ попечительнѣе, чѣмЪ больше видно было вЪ немЪ вознамѣреніе принести вЪ жертву своей любви всѣ прочія разсужденія. НаконецЪ не вѣдалЪ онЪ себѣ иначе пособить, какЪ открыть тайну сердца своего той особѣ, отЪ которой онЪ меньше всего надѣялся получить подтвержденіе. Все краснорѣчіе наиживѣйшей и страстнѣйшей любви не сдѣлало бы кромѣ весьма слабаго впечатлѣнія на мудраго мужа, каковЪ АрхитасЪ; но Критолай насказалЪ столько чрезвычайнаго о разумѣ и добродѣтели своея возлюбленной, что отецЪ его наконецЪ началЪ оказывать нѣко-

торое вниманіе ко всему ему объ ней сказанному. Архитасъ никогда не изпыталъ власти бога любви; но онъ былъ человѣченъ, милостивъ и чуждъ общихъ предразсужденій и намѣреній. Прекрасная и добродѣтельная дѣвица была въ его глазахъ весьма благородное твореніе, коея достоинство чрезъ тѣнь низкородности и бѣдности тѣмъ только болѣе возвышалось. Едва лишъ младый Критолай примѣтилъ, что отецъ его началъ колебаться, то отважился открыть ему тайну рожденія своея возлюбленной, ввѣренную ему Клонаріоною безъ свѣдома прекрасной Псиши. Архитасъ (который взпомнилъ, что онъ слыхалъ нѣкогда изъ собственныхъ устъ Стратоника о всей исторіи своея любви къ Музаріонѣ) не мало обрадовался сему случаю. Онъ ничего болѣе не желалъ, какъ чтобы та, которою сынъ его столько плѣнился, была

дочь

дочь любезнаго его друга. Но онъ желалъ быть въ томъ совершенно увѣреннымъ; а къ тому простое свидѣтельство рыбачьей жены казалось ему недовольно важнымъ. Онъ такъ устроилъ, что самъ посмотрѣлъ Псишу и мнимую ея кормилицу. Онъ мнилъ въ чертахъ лица сея дѣвицы открыть нѣкоторыя черты ея отца. Разговариваніе съ нею подкрѣпило милостивое впечатлѣніе, произведенное воззрѣніемъ ея на его сердце. Онъ заставилъ разсказать себѣ исторію ея со всѣми обстоятельствами, и находилъ все меньше причины сомнѣваться о истинѣ того, что сынъ его безъ малѣйшаго изслѣдованія почиталъ за доказанное. Шейнаго прибора, который Псише должна была оставить въ рукахъ Пиѳіи, казалось, единственно недоставало еще для убѣжденія сего добраго старика. И такъ онъ отправилъ одного изъ своихъ довѣрен-

ренныхъ въ Дельфы; и Пиѳія, увидя, что мужъ толикой важности вступился за судьбу прежней ея невольницы, не дѣлала никакихъ затрудненій возвратить сей знакъ о рожденіи Псиши. Теперь Архитасъ имѣлъ право почитать Псишу за дочь друга, коего воспоминаніе было для него всегда дорого; и съ того времяни самъ онъ ни о чемъ больше не старался, какъ ввести ее скорѣе въ свое семейство. Такимъ образомъ она сдѣлалась супругою Критолая; и сіе сопряженіе естественно подавало новыя побудительныя причины стараться о освобожденіи Агатона съ толь искренною ревностію, какъ мы видѣли гораздо выше, оказанною чрезъ орудія своихъ пословъ ко Двору Сиракузскому.

АГАТОНЪ.

КНИГА ДВЕНАТЦАТАЯ.

Глава первая.

Нѣчто, что можно было предвидѣть напередъ.

Агатонъ хотя началъ жить гораздо ранѣе, нежели обыкновенно случается; но онъ еще не столько былъ старъ, дабы совсѣмъ удалиться отъ свѣта. Однако, какъ уже онъ два раза игралъ на театрѣ открытой жизни не беззнатную роль, и игралъ ее по молодости своей довольно хорошо, то онъ думалъ, что уже снискалъ право, до полученія особливаго призванія на службу своему отечеству, или доколѣ оно совсѣмъ невозымѣетъ нужды въ его услугахъ, удалиться въ кругъ частной

ной жизни; и въ семъ положенія мудраго Архитаса согласовались совершенно съ его образомъ размышленія. „Человѣкъ съ большими обыкновенныхъ способностями, говорилъ ему Архитасъ, всегда довольно упражненъ, когда онъ хочетъ трудиться въ образованіи самого себя и имѣетъ благородное честолюбіе достигнуть совершенства. Онъ всегда способнѣе къ сему упражненію тогда, когда онъ чрезъ послѣдствіе знатныхъ опытовъ началъ научаться знать самого себя и свѣтъ, и работая такимъ образомъ по видимому для себя самого, работаетъ онъ дѣйствительно для свѣта; ибо тѣмъ больше будетъ онъ въ состояніи быть полезнымъ друзьямъ своимъ, своему отечеству и вообще человѣкамъ, и въ большемъ или меньшемъ округѣ, съ большимъ или меньшимъ великолѣпіемъ, открытымъ или не столько примѣтнымъ обра-

образомъ, содѣйствовать общему благу системы.„

Слѣдуя сему положенію, Агатонъ, сдѣлавшись гражданиномъ Тарентинскимъ, упражнялся особливо въ математическихъ знаніяхъ, въ изысканіи силъ и свойствъ естественныхъ вещей, въ Астрономіи, однимъ словомъ, въ той части умозрительной философіи, которая насъ помощію размышленія ведетъ хотя къ недостаточному, однако довольному, познанію природы и ея величественно простыхъ, мудрыхъ и благотворительныхъ законовъ. Онъ соединялъ съ сими высокими науками, въ коихъ ему руководство Архитаса преимущественно споспѣшествовало, чтеніе лучшихъ писателей во всѣхъ родахъ (а особливо исторіописателей) и ученіе древности, которое онъ, такъ, какъ критику, почиталъ за одно изъ наиблагород-

роднѣйшихъ или неважнѣйшихъ умозрѣній, смотря по вкусу и видамъ прилѣжающаго къ онымъ философскимъ, или только механическимъ образомъ. Не рѣдко прерывалъ онъ сіи строгія упражненія, дабы, какъ онъ сказывалъ, пошутить съ Музами; и естественная склонность его духа дѣлала ему сей родъ услажденія духа столь пріятнымъ, что ему великаго стояло труда паки отъ онаго свободиться. Живопись и музика, сестры стихотворства, коего высокая теорія теряется въ таинственныхъ глубинахъ философіи, участвовали въ его часахъ и помогали ему къ избѣжанію единообразія въ упражненіяхъ его духа и къ предупрежденію опасныхъ слѣдствій, могущихъ послѣдовать изъ устремленія онаго всегда на предметы одинакаго рода.

Мно-

Множественныя разглагольствія, которыя онъ имѣлъ съ мудрымъ Архитасомъ, споспѣшествовали много, а можетъ быть больше, нежели все другое, къ удержанію отъ заблужденія духа его въ глубокомысленныхъ изысканіяхъ объ отвлеченныхъ и метафизическихъ предметахъ. Въ такое время, когда все въ душѣ его сдѣлалось чувствованіемъ, Агатонъ весьма удобно плѣнялся видами; но теперь, разсудивши и философствуя съ хладнокровіемъ, находилъ почти все сомнительнымъ; число человѣческихъ понятій и мнѣній, которыя могли выдержать опытъ спокойнаго, равнодушнаго и строгаго изкушенія, становилось ежедневно для него меньше; системы догматическихъ мудрецовъ мало по малу изчезали, и померкли наконецъ отъ лучей изпытующаго разума, какъ воздушные замки и волшебные

сады, которые мы мнимЪ видѣть вЪ лѣтнее утро вЪ легкомЪ и прозрачномЪ облакѣ, отЪ возходящаго солнца. Мудрый АрхитасЪ, хотя подтверждалЪ скромный СцептицизмЪ своего друга, однако, отводя его отЪ отважныхЪ путешествій вЪ области идей кЪ малому числу простыхЪ, но тѣмЪ драгоцѣннѣйшихЪ, истинЪ, кои кажутся быть нитью, по которой насЪ всеобщій ОтецЪ существЪ хочетЪ провести безопасно чрезЪ сей лабиринтЪ жизни, -- предохранялЪ онЪ его отЪ той конечной неизвѣстности духа, которая чрезЪ нерѣшимость и упадокЪ воли, коея она есть источникЪ, дѣлается столь опасною для спокойствія и блаженства нашей жизни, что состояніе самаго возторженнаго ентузіаста, кажется, должно предпочесть состоянію такого мудраго, который отЪ страха заблудиться не смѣетЪ на-

наконецЪ болѣе совсѣмЪ ничего ни подтвердить, ни отрицать. ВЪ самомЪ дѣлѣ разумЪ вЪ семЪ случаѣ уподобляется нѣсколько Доктору Петеру Рецію фонЪ Агеро: ОнЪ имѣетЪ всегда противу всего, чѣмЪ душа наша должна питаться, столько противуположить, что сія наконецЪ столько же должна ослабѣть отЪ тощеты, какЪ нещастный градоначальникЪ острова Баратаріи отЪ діэты, кЪ которой осудилЪ его проклятый хлыстикЪ весьма сомнительнаго его врача. Самый лучшій вЪ такомЪ случаѣ способЪ пособить себѣ, какЪ Санхо Панса. Побужденіе и сіе всего меньше насЪ обманывающее чувствованіе истиннаго и добраго, сообщеннаго всѣмЪ людямЪ природою, могутЪ намЪ лучше всего сказать, чего мы должны придерживаться; и туда должны ранѣе или позже возратиться наивеличайшіе

чайшіе духи, естьли они не хотятъ имѣть участи, какъ голубь праотца Ноя, лѣтать повсюду и не обрѣсть нигдѣ спокойствія.

При всѣхъ сихъ различныхъ упражненіяхъ, коими прежній нашъ ирой наполнялъ праздность свою къ собственной своей пользѣ, оставалось ему однако много часовъ, которые посвящены были дружеству и общественному удовольствію. -- Также оставалось ему слишкомъ довольно и для его отдохновенія, въ которомъ нѣкоторый родъ нѣжной непреоборимой задумчивости отвлекалъ душу его въ очарованныя страны, о коихъ мы уже упомянули въ предыдущей главѣ.

Въ такомъ состояніи духа обыкновенно любимо бываетъ преимущественно пребываніе въ деревнѣ, гдѣ есть случай предаваться мы-

мыслямъ своимъ безъ нарушенія, нежели между должностями и разсѣяніями обходительнѣйшей городской жизни. И такъ Агатонъ весьма часто удалялся въ увеселительный домъ брата своего Критолая, отстоящій отъ Тарента почти на два часа ѣзды, гдѣ онъ иногда съ своимъ сообществомъ забавлялся охотою. Здѣсь случилось нѣкогда, что они были застигнуты бурею, которая по меньшей мѣрѣ была столько же сильна, какъ та, которая по повелѣнію двухъ богинь принудила нѣкогда Енея и Дидону забѣжать отъ страха вмѣстѣ въ помянутую пещеру. Но тамъ не показывалось нигдѣ никакой гостепріимной пещеры, которая бы могла ихъ хотя нѣсколько укрыть. Всего же хуже было, что они отдалились отъ своихъ людей и долгое время не знали, гдѣ они находились; случай, который самъ

въ себѣ мало имѣлъ чрезвычайнаго, но, какъ увидимъ, подалъ поводъ къ одному изъ наищастливѣйшихъ приключеній, какія только когда нибудь случались съ нащимъ ироемъ.

Наконецъ какъ они выдрались изъ лѣсу, то Критолай узналъ сторону; но въ самое то же время увидѣлъ, что они на нѣсколько часовъ ѣзды отдалились отъ дому. Буря все еще свирѣпствовала, и не находилось никакого ближайшаго мѣста, куда бы они могли взять свое прибѣжище, кромѣ усдиненнаго загороднаго дома, обитаемаго больше года одною иностранною госпожею чрезвычайно особливаго свойства. Изъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ догадывались, что ей надлежало быть вдовѣ какого нибудь знатнаго и достаточнаго мужа; но до сего не возможно

было

было еще открыть ея имяни, ни перваго ея пребыванія, или что могло ее побудить перемѣнить оное и жить въ совершенномъ отторженіи отъ свѣта. Чудный носился слухъ о красотѣ ея; однако не было никого такого, который бы могъ похвалиться, что ее видалъ. Вообще говорено было о ней многое, и тѣмъ большее, чѣмъ менѣе объ ней знали. Но какъ она казалась быть твердо предпріявшею ни мало о семъ не безпокоиться, то вдругъ перестали объ ней говорить и оставили времяни стараніе открыть тайну, которая могла скрываться подъ сею особою и подъ ея особливымъ родомъ жизни. Можетъ быть, сказалъ Критолай, она вторая Артемизія, которая желаетъ отдаться ненарушимо своей печали и живая погребстись въ семъ уединеніи. Я уже давно желалъ ее видѣть. Буря сія, какъ

я надѣюсь, подастъ намъ къ тому случай. Она не можетъ намъ отказать въ прибѣжищѣ въ своемъ домѣ; а естьли мы единожды только въ оный будемъ введены, то мы конечно сыщемъ средство быть допущенными, хотя мы будемъ первые въ сей странѣ, кои насладятся симъ щастіемъ. Можно себѣ удобно представить, что Агатонъ, не взирая на свое безпристрастіе съ самаго своего разлученія съ прекрасною Данаею ко всему ея полу, имѣлъ истинное любопытство узнать столь чрезвычайную особу. Они прибыли къ крайнимъ воротамъ дома, похожаго болѣе на проклятой замокъ, нежели на увеселительный домъ въ Іоническомъ или Коринѳскомъ вкусѣ. Худая погода, неотступная ихъ прозьба, а можетъ быть и добрый ихъ видъ, произвели въ дѣйство, что они были впущены. Нѣсколько старыхъ

рыхъ невольниковъ привели ихъ въ залу, въ которой ихъ съ великою принуждали учтивостiю принять съ ихъ стороны всѣ маленькiя услуги, въ коихъ они въ такомъ состоянiи, въ какомъ они находились, имѣли нужду. Видъ сихъ иноземцовъ, казалось, ввергнулъ людей дома въ удивленiе и возбудилъ въ нихъ мнѣнiе, что имъ надлежало быть отмѣннымъ особамъ. Но Агатонъ, коего вниманiе привлечено было нѣкоторыми картинами, коими украшена была зала, не примѣтилъ, что онъ разсматриваемъ былъ невольницею съ большимъ еще вниманiемъ. Невольница сiя, казалось, уподоблялась такой особѣ, которая не знаетъ, должна ли она вѣрить своимъ глазамъ, и разсматривая его нѣсколько минутъ пожирающими взорами, вдругъ скрылась изъ залы. Она побѣжала къ горницѣ своей обладательницы съ

такимъ стремленіемъ, что къ ней прибѣгла безъ души. „А кто бы думаете вы, милостивая государыня, говорила невольница запыхавшись, былъ въ низу въ залѣ? Не сказывало ли вамъ уже сего сердце ваше? Да будетъ ко мнѣ милостива Діана! Какое это приключеніе! Кто могъ воображать сіе себѣ только во снѣ? Я отъ изумленія не знаю, гдѣ я нахожусь.„ — Въ самомъ дѣлѣ кажется мнѣ, что ты не во всемъ умѣ, отвѣчала госпожа, возхитясь нѣсколько сама: да кто же тамъ въ низу въ залѣ —„О! клянусь всѣми богинями! Я почти не повѣрила собственнымъ моимъ глазамъ. Но я узнала его съ перваго взора, хотя онъ нѣсколько сталъ мужественнѣе. Нѣтъ ничего извѣстнѣе; это онъ, это онъ!„ — Не мучь меня долѣе таинственною своею рѣчью, взкричала госпожа, смущаясь все болѣе;

го-

говори, дурочка! кто онъ таковъ? --„ Но вы еще совсѣмъ не угадываете ничего, сударыня? Кто это таковъ? -- Вить я вамъ сказываю, что Агатонъ въ низу въ залѣ. Да, Агатонъ; не можетъ быть ничего вѣрнѣе! Онъ самъ, или его духъ, одно изъ двухъ безопасно; ибо родившая его мать не можетъ его лучше узнать, какъ я его узнала, какъ скоро онъ откинулъ епанчу, въ которую онъ при входѣ былъ закутанъ.„ -- Добрая сія дѣвица еще бы долѣе продолжала болтать такимъ тономъ (ибо сердце ея утопало отъ радости), естьли бы она вдругъ не примѣтила, что госпожа ея въ слабости упала на свою софу. Ей стояло нѣкотораго труда привести ее опять въ самое себя. Наконецъ прекрасная госпожа очувствовалась, но только для того, чтобы разгнѣваться самой на себя, что она нашлась столь

чув-

чувствительною, — „Вы наводите робость, сударыня! взкричала невольница. Естьли вы уже при единомЪ только его имяни упали вЪ обморокЪ, то что уже сЪ вами сдѣлается, естьли вы узрите его самого? Не пойти ли мнѣ, и не привести ли его сюда поскорѣе?„ — Его привести сюда? отвѣчала госпожа: нѣтЪ по истинѣ, я не хочу его видѣть! — „ Вы его не хотите видѣть, сударыня? Какія это мысли! Но не возможно, чтобы вы это говорили вправду. О естьли бы вы его только посмотрѣли! ОнЪ такЪ прекрасенЪ, какимЪ онЪ еще никогда не бывалЪ, кажется мнѣ. Надобно вамЪ его посмотрѣть, сударыня. Это бы было непростительно, естьли бы вы отпустили его не видавшись сЪ нимЪ. За что бы вы тогда себя „ — Молчи! больше ни слова! (взкричала госпожа) Оставь меня! Но не

не осмѣливайся опять сходить въ залу. Естьли это онъ, то я не хочу, чтобы онъ тебя узналъ. Я не надѣюсь, чтобы ты уже мнѣ измѣнила? — „Нѣтъ, милостивая государыня, отвѣчала довѣренная: онъ меня еще не примѣтилъ, ибо онъ казался быть совсѣмъ углубленнымъ въ размышленіе о картинахъ, и мнѣ послышалось, что онъ раза два или три вздохнулъ." — Конечно ты неблагоразумна (перебила рѣчь ея госпожа). Оставь меня. Я не хочу его видѣть, и ему не должно знать, въ чьемъ онъ домѣ находится. А естьли онъ провѣдаетъ о семъ, то ты потеряла во мнѣ пріятельницу! — И такъ довѣренная удалилась въ надеждѣ, что госпожа ея вздумаетъ лучшее, и прекрасная Данае осталась одна.

Подробное повѣствованіе всего произходившаго въ ея сердцѣ напол-

полнило бы нѣсколько листовъ, хотя все продолжалось менѣе шести минутъ. Какое сраженіе! Какое смятеніе противныхъ движеній! -- До самой сея минуты она любила его столь нѣжно, и думала теперь ощущать, что она его ненавидитъ. Она страшилась его воззрѣнія, и едва могла его дождаться. Что бы она дала за часъ до сего увидѣть сего Агатона, который хотя неблагодаренъ, хотя невѣренъ, господствовалъ всегда надъ всею ея душею, потеряніе коего сдѣлало ей несносными всѣ преимущества прежняго ея состоянія, пребываніе въ Смирнѣ, друзей ея, ея богатства; коего образъ, со всѣми очаровательными возпоминаніями прежняго ея блаженства, былъ единымъ благомъ, которое еще имѣло нѣкоторую важность въ ея очахъ! Но теперь зная, что въ ея находится власти

уви-

увидѣть его паки, или нѣтъ, возбодрствовала вся ея гордость, и казалось, что она не могла вознамѣриться ему простить. Хотя на минуту любовь и получала верьхъ, то страхъ найти его нечувствительнымъ низвергъ ее паки тотчасъ въ прежнее смущеніе и неизвѣстность. Ко всему сему присоединилось еще другое размышленіе, которое можетъ быть для Данаи могло бы показаться весьма хитрымъ, естьли бы мы не должны были въ ея оправданіе открыть, что побѣгъ нашего ироя, открытіе причинъ, побудившихъ его къ толь сильному вознамѣренію, мысль, что собственныя ея преступленія сдѣлали ее презрѣнною въ очахъ единаго человѣка, нѣкогда ею любимаго, -- произвели достойное примѣчанія обращеніе во всемъ ея образѣ размышленія. Данае укоризнами, дѣланными ею себѣ самой, изъ коихъ можетъ быть

боль-

большая часть упадала на ея обстоятельства, не отстрашилась отъ благороднаго предпріятія посвятить себя добродѣтели въ такомъ возрастѣ, въ коемъ намѣреніе сіе замыкало еще въ себѣ достоинство. Мы не хотимъ отрицать, что нѣкоторый родъ влюбленнаго отчаянія имѣлъ большее участіе въ чрезвычайномъ предпріятіи удалиться изъ такого свѣта, гдѣ она была обожаема, въ безмолвіе, гдѣ вольность разговаривать съ собственными своими чувствованіями была единымъ удовольствіемъ, которое могло ей замѣнять потеряніе всего ею пожертвуемаго. Но къ тому потребна была великая душа, дабы въ блестящихъ обстоятельствахъ, въ какихъ она жила, быть способною къ таковому отчаянію и пребыть въ томъ намѣреніи, подъ которымъ каждая слабѣйшая душа весьма скоро споткнулась.

Могло

Могло ли ей недоставать въ случаяхъ въ Смирнѣ и повсюду для награжденія потери такого любовника, естьли бы дѣло состояло только въ любовникѣ? Но любовь ея къ Агатону была благороднѣйшаго рода и была столь близко сопряжена родствомъ съ любовію къ самой добродѣтели, что мы имѣемъ причину думать, что въ совершенномъ уединеніи, въ которомъ жила наша ироиня, первая наконецъ совсѣмъ смѣсилась со второю. И для сего самого, поколику любовь ея къ добродѣтели была искренна, дѣлала она съ собою истинное размышленіе, при внутреннемъ свидѣтельствованіи невольной слабости сердца ея къ любви достойному Агатону, подвергнуться опасности быть низрынуту наивозможнѣйшимъ возвращеніемъ прежнихъ его чувствованій; мысль, которая могла въ ней произойти безъ лишняго мнѣ-

нія о своихъ прелестяхъ, и отъ недовѣренія самой себѣ, коимъ истинная добродѣтель всегда сопровождается, должна была получить немалую силу. Такимъ образомъ любовь, гордость и добродѣтель боролись въ колеблющемся ся сердцѣ съ желаніемъ видѣть и не видѣть Агатона. Съ какимъ слѣдствіемъ они сражались, удобно можно угадать. Любовь не должна бы была быть любовію; естьли бы она не нашла средства склонить наконецъ на свою сторону гордость и самую добродѣтель. Она вдохнула въ гордость желаніе посмотрѣть, какимъ образомъ поступитъ Агатонъ, естьли столь нечаянно и неожидаемо представится глазамъ его нѣкогда столь горячо любимая и столь жестоко обиженная Данае; а послѣднюю ободрила довѣреніемъ въ себѣ довольной крѣпости не слишкомъ тронуться возхищеніями, въ кото-

торыя онѣ можетъ быть погрузится при семъ воззрѣніи. Однимъ словомъ, слѣдствіемъ сея внутренней борьбы было то, что она лишь намѣрена была призвать свою довѣренную (одну персону, взятую ею съ собою при удаленіи изъ Смирны) и дать ей нужныя повелѣнія, какъ невольница сія взошла сама, съ докладомъ своей госпожѣ, что оба странственники неотступно просятъ о позволеніи быть допущенными предъ госпожу дома. — Новая нерѣшимость, при которой никто не удивится, который знаетъ женское сердце! Въ самомъ дѣлѣ сердце доброй Данаи въ сію минуту столь сильно трепеталось, что ей необходимо нужно было прежде притти въ спокойнѣйшее положеніе, нежели отважиться подвергнуться столь сильному опыту.

Глава вторая.

Настапленіе желающимъ написать душу съ ея страстями.

Между тѣмъ, пока она съ собою согласится, на что рѣшиться и какъ поступить при столь вожделѣнномъ и опасномъ свиданіи, возвратимся на минуту къ нашему ирою въ залу.

Чѣмъ болѣе Агатонъ разсматривалъ картины, коими обвѣшаны были стѣны залы, тѣмъ живѣе становилось воображеніе, что онъ ихъ видалъ въ загородномъ домѣ Данаи въ Смирнѣ. Но онъ могъ столь мало себѣ представить, какимъ случаемъ попали онѣ сюда изъ Смирны, что за меньше возможное почиталъ быть обманутъ своимъ воображеніемъ. Впрочемъ самый тотъ мастеръ могъ сдѣлать разные списки съ своихъ твореній. Но обра-

обратя паки взоръ свой на Луну, разсматривавшую любовными очами спящаго Ендиміона, то думалъ почесть ее столь надежно за ту самую картину, предъ которою онъ въ одной изъ залъ Данаинаго сада въ Смирнѣ часто стаивалъ по цѣлымъ часамъ въ дивномъ возхищеніи, что ему не возможно было противиться своему убѣжденію. Смятеніе, въ кое онъ чрезъ то погрузился, неописанно. „Конечно Данае -- но какъ это возможно?„ Однако всѣ особливости, сказанныя ему Критолаемъ о госпожѣ сего дома, казалось, подкрѣпляли мысли, въ немъ тогда возрождавшіяся, коимъ онъ едва осмѣливался довѣрять. Прекрасная Данае должна бы была быть довольна, естьли бы она видѣла, что происходило въ его сердцѣ. Онъ не больше бы устрашился предстать предъ лице какого нибудь обиженнаго боже-

 ства,

ства, какъ онъ былъ предъ сими мыслями, появиться предъ сею Данаею, о которой онъ съ давнаго времяни обыкъ паки думать столь невинно, сколько она ему тогда, какъ онъ ее оставлялъ, казалась презрѣнною и ненависти достойною. Но желаніе ее увидѣть потушило наконецъ всѣ прочія чувствованія, коими сердце его колеблемо было. Безпокойство его было столь видно, что Критолай долженъ былъ его примѣтить. Конечно Агатонъ лучше бы сдѣлалъ, естьли бы открылъ ему истинную онаго причину. Но онъ сего не сдѣлалъ, а хотѣлъ закрыть его обыкновеннымъ подлогомъ, что онъ не очень здоровъ. Не смотря на сіе оказывалъ онъ столь нетерпѣливое желаніе видѣть госпожу сего дома, что Критолай изъ всего въ немъ примѣченнаго началъ подозрѣвать, что подъ симъ надлежало быть

сокрыту какому нибудь таинству, коего обнаруженія ожидалъ онъ съ жадностію. Между тѣмъ посланный ими невольникъ возвратился съ отвѣтомъ, что онъ имѣетъ повелѣніе препроводить ихъ въ ея горницу.

Здѣсь, гдѣ мы больше, нежели когда нибудь, покусились желать, чтобы сія книга никѣмъ не была читана такимъ, кто не вѣритъ быть никакимъ *изящнымъ душамъ*. Положеніе, въ которомъ мы увидимъ ироя нашего чрезъ нѣсколько минутъ, есть безъ всякаго противорѣчія одно изъ наитруднѣйшихъ, въ какое только можно притти въ его жизни. Естьли бы здѣсь была рѣчь объ умоизступительныхъ свойствахъ, то едва ли бы мы въ меньшемъ находились смятеніи, нежели самъ Агатонъ, когда онъ съ біющимся сердцемъ и съ спи-

рающеюся отъ дыханія грудью пошелъ за невольникомъ, ведшимъ его въ покой незнакомки, въ которомъ онъ съ равнымъ усердіемъ желалъ и опасался паки обрѣсти Данаю. Но какъ Агатонъ и Данае суть также историческія особы, какъ Брутъ, Порція, и сто другихъ, кои тѣмъ не менѣе существовали, поколику они не прямо такъ думали и поступали, какъ обыкновенные люди; то мы мало безпокоимся, какимъ образомъ сей Агатонъ и сія Данае, посредствомъ нравственныхъ понятій одного или другаго, который будетъ судить о сей книгѣ хорошо или дурно, долженствовали поступать, или бы поступали, естьли бы они не были то, что они были. Должность наша есть разсказать, а не стихотворствовать; и въ томъ нашей вины нѣтъ никакой, естьли Агатонъ при семъ случаѣ поступилъ не довольно му-

дро и иройски; а еще менѣе должны мы отвѣчать, естьли Данае въ томъ же случаѣ не столь хорошо защищала бы права женской гордости, какъ многія другія, кои благодарятъ небо, что онѣ не Данаи, сдѣлали бы, будучи на ея мѣстѣ. Прекрасная Данае сидя на софѣ ожидала ихъ посѣщенія съ толь многою бодростію, какую только всегда женская душа имѣть способна, которая купно столь нѣжна и жива, какъ такая душа быть можетъ. Но что произходило въ ея сердцѣ, то могутъ нѣжныя наши читательницы, способныя заступить ея мѣсто, читать въ своемъ собственномъ. Она знала, что Агатонъ имѣлъ спутника. Обстоятельство сіе служило ей въ пользу; но Агатонъ находилъ малое отъ того облегченіе. Двери передней комнаты отворены были для нихъ невольницею. Онъ при первомъ воззрѣніи

узналЪ довѣренную своея возлюбленной; и теперь - то не могЪ онЪ болѣе сомнѣваться, что госпожа, которую онЪ чрезЪ нѣсколько минутЪ увидитЪ, есть Данае. ОнЪ собралЪ всю свою бодрость, слѣдуя трепещущими стопами позади друга своего Кристолая. ОнЪ увидѣлЪ ее — хотѣлЪ кЪ ней подойти — не могЪ — устремилЪ взорЪ свой на нее — и повергся, преодолѣнЪ будучи чрезмѣрностію своея чувствительности, вЪ объятія своего друга. ВдругЪ прекрасная Данае забыла всѣ великія вознамѣренія умѣренности, холодности и безпристастія, предпринятыя ею сЪ толь великимЪ стараніемЪ. Она побѣжала кЪ нему вЪ нѣжномЪ изумленіи, взяла его вЪ свои объятія, отдалась свободному теченію своихЪ чувствованій, не помышляя о томЪ, что она имѣла сему свидѣтеля, долженствовавшаго удивить-

виться всему видѣнному и слышанному. Но благость его сердца и сія симпатія, дѣлающая изящныя души въ немногія минуты между собою довѣренными, подала Критолаю въ такомъ случаѣ, къ коему онъ столь мало былъ предуготовленъ, прямо тотъ самый образъ поступка, какой онъ могъ имѣть, когда бы онъ уже нѣсколько лѣтъ былъ ея довѣреннымъ. Онъ отнесъ друга своего на софу, на которую Данае возлѣ него повергнулась; и какъ онъ уже довольно вѣдалъ, чтобъ видѣть, что онъ здѣсь болѣе ни въ чемъ не можетъ оказывать помощи, то удалился непримѣтно на довольно далекое разстояніе, для избавленія любовниковъ нашихъ отъ принужденія воздержанія, которое въ толь особенныхъ минутахъ есть величайшее зло, какое нечувствительные люди могутъ себѣ представить.

Ага-

Агатонъ по сторону чувствительной Данаи, обнявшей его однимъ изъ своихъ прекрасныхъ объятій, открывалъ мало по малу употребленіе своихъ чувствъ и началъ дыхать. Лицо его покоилось на ея персяхъ; а слезы, начинавшія его орошать, были первыя, которыя ей показывали возвращающееся его чувствованіе. Первымъ ея движеніемъ было удалиться и оставить Агатона; но сердце ея не оставило ей на то силъ. Оно ей сказывало о происходившемъ въ его сердцѣ, и она не имѣла бодрости лишить его утѣшенія, которое, казалось, ему было нужно, и въ коемъ онъ дѣйствительно имѣлъ нужду. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ самъ себя укорялъ, что онъ сдѣлался недостойнымъ столь великой благости. Онъ всталъ, повергся къ ея ногамъ, обнялъ ея колѣни, покушался на нее взирать, и погрузил-

ся

ся паки, не могши выдержать ея воззрѣнія, лицомъ орошеннымъ слезами къ ней на лоно. И такъ теперь Данае не могла болѣе сомнѣваться, чтобы она не была нѣжно любима, и ей стояло удержать возхищеніе, въ которое она отъ сея извѣстности ввергнулась. Но необходимо было сдѣлать конецъ сему весьма нѣжному явленію. Агатонъ не могъ еще говорить. И что ему надлежало говорить? — „ Я довольна, Агатонъ, „ сказала она такимъ голосомъ, который противъ воли ея измѣнилъ, сколько ей трудно было, удержать свои слезы, „ я довольна. Ты находишъ другиню; и я надѣюсь, что ты впредь найдешъ ее меньше недостойною твоего почитанія, нежели когда нибудь. Оставьте извиненія, другъ мой (ибо Агатонъ хотѣлъ нѣчто сказать, похожее на извиненіе, что ему сдѣлать весьма бы трудно

было

было вЂ сильномЂ движеніи, вЂ которомЂ онЂ находился). Ты не услышишЂ изЂ устЂ моихЂ никакихЂ укоризнЂ. Мы только припомнимЂ о прошедшемЂ, дабы тѣмЂ совершеннѣе наслаждаться удовольствіемЂ столь нечаяннаго свиданія." — Великодушная, божественная Данае! вЂскричалЂ АгатонЂ вЂ возхищеніи благодарности и любви. " Оставьте также великія слова, АгатонЂ, (перервала она рѣчь его) и возторги. Ты слишкомЂ тронутЂ. Успокойся. Мы будемЂ довольно имѣть времяни отдать себѣ отчетЂ обо всемЂ приключившемся сЂ самой минуты нашего разлученія. Оставь меня наслаждаться ненарушимо сладкимЂ удовольствіемЂ, что тебя паки отыскала. Это единое удовольствіе, которое я вкушаю чрезЂ два года."

По сихЂ словахЂ (и вЂ самомЂ дѣлѣ послѣднія могла бы она удер-

удержать для себя самой, естьли бы возможно было всегда быть обладательницею своего сердца) встала она, подошла къ Критолаю, и дала времяни больше, нежели когда нибудь, возторженному Агатону притти въ спокойнѣйшее положеніе духа.

Какія слѣдствія долженствовало имѣть сіе дѣйствіе, то удобно можно предвидѣть. Данае и Критолай сдѣлались скоро добрыми друзьями. Сей молодый человѣкъ признался, что онъ, кромѣ своея Псиши, не видывалъ никогда ни одной изъ женщинъ совершеннѣе Данаи; а Данае съ великимъ удовольствіемъ узнала, что Критолай былъ супругъ прекрасной Псиши, и что Агатонъ въ особѣ Псиши нашелъ свою сестру. Ей немногаго стояло труда уговорить своихъ гостей препроводить ночь въ ея домѣ. Она объявила

явила своему другу, что она скоро открыла причину тайнаго его удаленія при ея возвращеніи въ Смирну. Она не скрыла отъ него, что печаль о лишеніи его довела ее до страннаго вознамѣренія отрѣчься отъ свѣта и въ какомъ нибудь отдаленномъ уединеніи наказать самое себя зать за слабости и пороки прошедшей своея жизни. Однако, примолвила она, она надѣется, что естьли когда нибудь откроется случай сдѣлать ему искренное и обстоятельное повѣствованіе исторіи ея сердца до самого того времяни, въ которое обхожденіе его подало душѣ ея новое бытіе, — онъ найдетъ причину ее естьли не совсѣмъ извинить, то больше объ ней сожалѣть, нежели ее осудить. Страхъ возбудить въ ней мысль, будто бы она чрезъ произшедшее между ими прежде потеряла изъ

его

его почитанія, принудилЪ ироя нашего заключать нѣсколько времяни живость своихЪ чувствованій вЪ своемЪ сердцѣ. Между тѣмЪ Данае познакомилась сЪ семействомЪ Архитаса. Надлежало ее полюбить, какЪ скоро ее увидѣли; и она тѣмЪ больше выигрывала, чѣмЪ больше научались ее знать. СверьхЪ сего было одно изЪ ея дарованій, что она весьма удобно и сЪ лучшею пріятностію могла приноравливаться ко всѣмЪ особамЪ, обстоятельствамЪ и родамЪ жизни. И такЪ какЪ могло иначе быть, какЪ что она вЪ короткое время долженствовала соединиться наинѣжнѣйшимЪ дружествомЪ сЪ сею любви достойною фамиліею? Да и самЪ мудрый АрхитасЪ любилЪ ея сообщество; и Данае находила себѣ удовольствіе пособлять старому мужу сЪ толь рѣдкими заслугами облегчать тягости старости пріятно-

ятностями своего обхожденія. Но ничто не могло сравниться съ склонностію, которую Псише и Данае вдохнули другъ въ друга взаимно. Никогда можетъ быть между двумя женщинами, кои столь способны были быть соперницами, не царствовало столь совершенное дружество. Можно себѣ вообразить, потерялъ ли при томъ Агатонъ. Онъ видѣлъ прекрасную Данае всякій день; онъ у нее наслаждался всѣми братскими правами. Но какъ бы возможно было, чтобы онъ всегда онымъ довольствовался?

Глава третія.

Предуготовленіе къ исторіи Данаи.

Когда мы сравниваемъ все то, о чемъ мы уже сказали прежде сего о разположеніяхъ

ироя

ироя нашего вЪ разсужденiи прекрасной Данаи, сЪ дѣйствiями, которыя нечаянное ея отысканiе и ежедневное обращенiе, между ими теперь паки возставившееся, долженствовали произвесть на ея сердце, а можетЪ быть также и на ея чувства; когда мы сверьхЪ сего разсудимЪ, что для столь чувствительной души, какЪ его, вЪ праздности и вольности, вЪ которой онЪ жилЪ вЪ Тарентѣ, любовь была родомЪ необходимости: то мы безЪ всякаго труда поймемЪ, что только зависѣло отЪ прекрасной Данаи сдѣлать изЪ него все, что бы она ни захотѣла. Предположа сiе, можетЪ быть не много найдется такихЪ людей, кои не будутЪ ожидать, чтобы она достиженную паки власть не употребила на содѣланiе изЪ него супруга. Таковое чаянiе дѣлаютЪ многiя обстоятельства правдоподобнымЪ,

и оно почти возходитъ до извѣстности, естьли мы присовокупимъ одно обстоятельство, что она твердо вознамѣрилась въ нѣкоторомъ смыслѣ не быть болѣе Данаею для своего друга.

Сіе послѣднее обстоятельство заставляетъ подозрѣвать, что она имѣла свои причины предпріять для нашего ироя столь оскорбительное вознамѣреніе; и сіе-то самое естественно заставляетъ мыслить, что Агатонъ покушался паки сдѣлать у нее стоящими права милаго любовника. Однако таковая мысль нанесла бы ему обиду; не для того, будто бы ему въ минуты слабости, недоставало въ томъ родѣ движеній воли, которыя (по разсужденію нравоучителей) больше механически, нежели добровольны, и премудрою натурою единственно намъ даны для предостереженія

насъ

насъ отъ опасности и для возбужденія насъ къ сопротивленію оной. Но почтеніе, которое вдохнулъ въ него весь поступокъ прекрасной его пріятельницы, недопущеніе до убытковъ, которымъ онъ ей мнилъ себя быть должнымъ, боязнь, что она сама таковыя вольности, которыя довѣренность дружества могла оправдать, почтетъ меньше за изліянія чувствованія, нежели за предвѣстниковъ низкихъ предпріятій; все сіе давало обхожденію его съ нею всю робость первой любви. Но самое сіе дѣлало его въ тѣ минуты, въ которыя настоящее чувствованіе, подкрѣпляемо будучи возпоминаніями прошедшаго, разтопляло собственное ея сердце, только тѣмъ опаснѣе; и сіе было больше противъ самое себя нежели противъ его, что Данае вооружалась вознамѣреніями, за постоянство коихъ обязана она

 была

была можетъ быть столько же его скромности, какъ и ея добродѣтели.

Нѣтъ ничего истиннѣе, какъ что она прямо такъ бы долженствовала поступить, естьли бы она имѣла вышеупомянутое намѣреніе. Однако не смотря на то столько же подлинно, что она поступала такъ единственно для того, что она не имѣла сего намѣренія; но вопреки всѣмъ стараніямъ своего любовника и всѣмъ изкушеніямъ собственнаго своего сердца твердо вознамѣрилась не дѣлать никакого употребленія изъ его слабости.

Мы напрасно прилагали стараніе открыть източникъ столь чрезвычайнаго вознамѣренія въ какой нибудь корыстолюбивой склонности, или страсти. Она любила Агатона; была имъ взаимно любима, больше, нежели когда нибудь,

лю-

любима; весь домЪ Архитаса былЪ ею плѣненЪ. Исторія ея была вЪ Тарентѣ неизвѣстна; и кто бы могЪ вообразить, чтобы она сама могла имѣть довольно чистосердечія разсказать ее? АгатонЪ употреблялЪ все краснорѣчіе любви, всѣ нѣжныя прелести симпатіи, онЪ употреблялЪ все, что можетЪ изящную душу изкуситъ и полупобѣжденное сердце совершенно обезоружить, для поколебанія ея вознамѣренія. СЪ какимЪ восторгомЪ предначерталЪ онЪ ей блаженства добродѣтелію освященной любви — и любви, какую она чувствовала! Коль долженствовало ей трудно быть противиться вЪ такіе часы огню, сЪ какимЪ онЪ выражался, возхищеніямЪ, выражавшимся во всѣхЪ его чертахЪ, волненіямЪ сердечнымЪ, кои часто посредѣ его усиливаній ее увѣрить заглаждали слова на его губахЪ, и производили молча-

 ніе,

ніе, коего нѣмое краснорѣчіе говоритъ сотронутому сердцу о неизрѣченныхъ вещахъ! -- Сколь тяжело ей было тогда, или лучше, какъ возможно ей было въ такихъ минутахъ не быть преодолѣнной? Что, ради всѣхъ боговъ любви, могло ее побудить противиться, сдѣлать ее способною выдержать? -- Упрямство? -- Но положимъ, что это было бы истинно, что наиважнѣйшія вознамѣренія красавицъ часто не имѣли бы никакихъ другихъ побудительныхъ причинъ; -- то по крайней мѣрѣ здѣсь не могло быть единое упрямство. Однако мы видимъ себя принужденными или взять наше прибѣжище къ *сокропенному* сему *качеству*, или признаться, что высочайшій родъ любви, что страсть добродѣтели сдѣлала ее способною къ толь иройскому сопротивленію. -- Но какія новыя затрудненія! Добродѣтель Данаи! Кто можетъ

по опытамъ, сдѣланнымъ нами съ добродѣтелію жрицы и ученицы Платона, положить довѣренность на добродѣтель Данаи? Можемъ ли мы ожидать, чтобы сія страсть добродѣтели, коею предполагаемъ мы, что возхищена переимчивая Гиппіасова ученица, могла быть почтена за нѣчто лучшее, нежели за богиню изъ полотнянаго облака?

Мы признаемся, что нѣтъ ничего справедливѣе предразсужденія, взятаго противъ прекрасной Данаи. Но не смотря на сіе, было бы сіе въ насъ весьма несправедливо, естьли бы мы захотѣли сдѣлать ее жертвою общаго положенія, которое конечно имѣетъ нѣкоторыя изключенія. Изящная душа, на которой природа начертала черты добродѣтели (какъ Цицеронъ сіе называетъ), одаренная наинѣжнѣйшею чувствительно-

стію къ изящному и доброму и со врожденною легкостію упражняться во всякой общественной добродѣтели, можетъ быть воспрепятствуема чрезъ стеченіе неблагосклонныхъ случаевъ въ своемъ обнаруженіи, или обезображена въ первоначальномъ своемъ образѣ. Склонности ея могутъ получить ложное направленіе. Прельщеніе въ плѣняющемъ видѣ любви, можетъ служить неопытности ея путеуказателемъ. Униженіе и недостатокъ могутъ потушить въ ней благородную сію гордость, которая столь часто бываетъ послѣднею защитою добродѣтели. Возпитаніе и примѣры могутъ ее ослѣпить въ истинномъ ея предопредѣленіи. Наиневиннѣйшія, да и самыя благороднѣйшія сердечныя движенія, угодность, благодарность, великодушіе могутъ въ сихъ обстоятельствахъ быть для нея силками. Естьли она ввѣрила

себя единожды на устланномъ цвѣтами пути удовольствія богамъ любви, шуткамъ и радостямъ яко водителямъ, то какъ она увидитъ, куда ее можетъ вести тихая склонность столь веселаго пути; особливожъ, естьли присоединятся Граціи и сами Музы къ радостной толпѣ, и софистическая острота, завернувшись въ епанчу философіи, возвыситъ чувства до положеній, а искусство наслаждаться до премудрости? Длинная череда пріятныхъ заблужденій можетъ быть слѣдствіемъ перваго шага, сдѣланнаго ею на стезѣ, казавшейся очарованному ея оку прямымъ путемъ ко храму блаженства. Но для чего еще не возвратиться ей когда нибудь отъ своего заблужденія? Обстоятельства могутъ добродѣтели столько же споспѣшествовать, какъ и быть вредными. Очи ея могутъ отверзнуться. Опытъ и насыщеніе

ніе научаютъ ее разсуждать инако о предметахъ, въ наслажденіи коихъ полагала она нѣкогда свое блаженство. Другія понятія показываютъ другія желанія; или, яснѣе сказать, истинныя понятія подаютъ и склонностямъ истинное ихъ направленіе. Начальныя черты души остаются непремѣнными. Изящная душа можетъ заблудиться, очарованія могутъ ее ослѣпить; но она не можетъ перестать быть изящною душею. Пусть разсѣется магическій туманъ! Сіе есть самое то мгновеніе, въ кое научается она знать себя самое, въ кое она чувствуетъ, что добродѣтель есть не пустое токмо имя, не дѣло воображенія, не изобрѣтеніе обмана, — что она есть опредѣленіе, удовольствіе, слава, высочайшее благо мыслящаго существа. Любовь къ добродѣтели, желаніе образовать самое себя по сему божествен-

ственному мысленному образу нравственной изящности, беретъ власть надъ всѣми ея склонностями; оно дѣлается страстію. Въ семъ случаѣ болѣе, нежели въ какомъ либо иномъ, можно сказать, что душа одержима нѣкіимъ божествомъ; и какой опытъ есть толь труденъ, какая жертва толь велика, чтобъ быть излишне труднымъ, излишне великою для ентузіазма добродѣтели?

Читатели наши, услыша повѣсть прекрасной Данаи изъ собственныхъ ея устъ, сами разсудятъ не совсѣмъ ли точно въ семъ обстоятельствѣ находилась она. Данае увидѣла себя принужденною разсказать оную; ибо Агатонъ не оставилъ ей никакого другаго средства оправдать предъ глазами фамиліи Архитасовой и предъ его собственными постоянную ея отговорку отъ такого бра-

бракосочетанія, коему, казалось; ничто не препятствовало. Какъ кажется, то нѣтъ причинъ сомнѣваться нѣсколько о истинѣ ея повѣсти; по крайней мѣрѣ намѣреніе ея было сказать истину даже на щетъ ея самолюбія. Сіе самолюбіе конечно есть весьма изрядный разкрасщикъ, когда мы въ изображеніи дорогаго нашего самаго себя доходимъ до тѣхъ частей, которыя бы мы хотѣли лучше поставить въ наитемнѣйшей тѣни. Оно имѣетъ ему токмо одному свойственныя таинства освѣщать и помрачать сіи части, такъ, чтобъ онѣ цѣлому столь мало причиняли вреда, сколь токмо возможно; даже находитъ оно средства возвышать чрезъ то изящнѣйшія части и увѣрять насъ, что цѣлое получаетъ пользу и отъ самыхъ погрѣшностей. Данаѣ надлежало быть болѣе, нежели смертной, дабы всегда осте-

стерегаться отъ непримѣтныхъ дѣйствій сихъ первыхъ побужденій человѣческой природы. Но мы думаемъ, что можно быть довольну тѣмъ степенемъ вѣроятности, который произходитъ отъ того, когда разскащикъ собственной повѣсти *хочетъ* сказать истину. И такъ послушаемъ всегда того, что она скажетъ о такомъ предметѣ, о коемъ могла она говорить съ совершеннѣйшимъ познаніемъ, и коему она при всей своей искренности въ разсужденіи невыгодной для нея стороны не придаетъ ничего излишняго.

Глава четвертая.

Повѣсть Данаи, разсказываемая ею самою.

Мы оставляемъ читателю самому, какъ ему угодно, представить себѣ то мѣсто, гдѣ пре-

прекрасная Данае разсказывала своему другу тайную повѣсть своей жизни. Онъ можетъ вообразить ее себѣ на софѣ, или въ бесѣдкѣ, или подъ тѣнію высокаго кипариса на берегѣ прозрачнаго и журчащаго източника, вмѣсто главнаго предмета. — Однако нѣтъ; я заблуждаю. Мѣсто дѣйствія въ подобномъ повѣствованіи (и вообще при каковомъ бы родѣ дѣйствія ни было) бываетъ всегда безпристрастно. Естьли бы Данае имѣла какое тайное намѣреніе на чувства, или на сердце нашего ироя, то бы конечно она нашла средство разположиться такимъ образомъ, чтобы она случайно встрѣтилась съ нимъ или въ какомъ нибудь прелестномъ уединилищѣ (будуарѣ) (ибо Греки имѣли также свои будуары), или подъ тѣнистою розовою бесѣдкою. Но какъ она не имѣла никакихъ другихъ намѣ-

реній,

реній, то спокойный дернъ, тѣнь вольнаго древа, подъ достопочтенными очами природы, — то такое мѣсто, на коемъ Сократъ любомудрствовалъ съ прекраснымъ Федромъ о существенной изящности, -- было безъ всякаго противорѣчія самое способнѣйшее. Это произходило подъ вечеръ прекраснаго лѣтняго дня; небо было ясно; только по нѣкоторымъ мѣстамъ носимы были тихими дыханіями зефира легонькіе облачки. Данае прекрасна и трогательна, какъ природа, которой воззрѣніе разливало по душѣ ея тишину и общее благоизволеніе; однако нѣкоторыя важныя черты умѣряли прекрасную сію ясность, и тихій румянецъ, покрывающій прелестныя ея щеки между тѣмъ, какъ она обратила прекрасныя свои очи, какія когда нибудь бывали, на изполненнаго ожиданія своего друга, казалось, предвозвѣщалъ

содержаніе ея рѣчей. Агатонъ предъ нею, упражненъ будучи всею душею въ удовольствіи взирая на нее, въ намѣреніи сдѣлаться совсѣмъ ушами, какъ скоро она разомкнетъ губы. — Я бы желалъ быть Апеллесомъ или Рафаелемъ, для написанія сея картины, а по томъ повѣсить навсегда дощечку съ красками и кисть на жертвенникѣ Грацій.

Данае говоритъ — но мысль о тонѣ ея голоса, котораго бы я не въ состояніи былъ изобразить, о выраженіи, придававшемъ между рѣчами съ каждою минутою ея лицу новыя прелести, коихъ кисть моя не могла бы начертать, — мысль сія паки меня утѣшаетъ, что я ни Апеллесъ, ни Рафаель.

Сколь трудно мнѣ, любезный мой Агатонъ, (сказала она) сдѣлать тебѣ нелестное изображеніе

о

о прошедшей моей жизни, столь мало зависитъ отъ моей власти отказаться отъ сего униженія. Было такое время, въ которое ты думалъ весьма благосклонно обо мнѣ; и тогда можетъ быть простительно было, что я не имѣла бодрости извлечь тебя изъ сладкаго заблужденія, дѣлавшаго насъ обѣихъ щастливыми. Гиппіасъ взялъ на себя эту должность; но это больше, нежели правдоподобно, что онъ ни единожды не имѣлъ воли, оказать мнѣ справедливость. И хотя бы онъ имѣлъ сію волю, то что бы я чрезъ то выиграла? Онъ зналъ только половину Данаи — и былъ неспособенъ больше объ ней знать. Внезапный твой побѣгъ изъ Смирны открылъ мнѣ все, что онъ могъ тебѣ сказать. Сколь глубоко должна была я упасть въ твоемъ мнѣніи! Сердце мое могло мнѣ сказать, что

я не заслуживала, чтобы ты столь худо думалъ обо мнѣ; но сіе было только слабымъ утѣшеніемъ для такого нѣжнаго сердца. Судьба взяла на себя отмстить тебѣ за меня, — естьли я такъ могу сказать, ибо я не люблю сего представленія. Я признаюсь тебѣ напрямки, что нѣтъ для меня щастія, естьли Агатонъ нещастливъ. — Съ того времяни какъ мы столь нечаянно свидѣлись, весь твой поступокъ подавалъ мнѣ наисовершеннѣйшее удовольствіе. Только твое сердце способно къ толь великодушному поступку, къ толь нѣжному чувствованію, къ толь нѣжно размѣренному равновѣсію между вольностію и удержаніемъ, которые бы меня въ равномъ степени понизили. Въ сея стороны ты мнѣ ничего не оставилъ желать. Естьли бы небо для спокойствія твоего и моего сердца благоволило, чтобы

Ага-

Агатонъ -- коего заслужить дружество есть крайнѣйшее самолюбія моего желаніе -- могъ довольствоваться тѣмъ, чтобъ быть справедливу противъ своея другини! Я не призываю боговъ въ свидѣтели чистосердечія сего желанія; вся душа моя лежитъ разверзста предъ тобою, и никакое движеніе, мнѣ самой еще примѣтное, не должно для тебя остаться тайною. Посредѣ желанія, чтобы ты любилъ меня меньше, чувствую я, что я желаю нѣчто невозможное, доколѣ ты совершенно не узнаешъ ту Данаю, которую ты любишъ. Я довольно разсудила, что я намѣрена дѣлать. Что я сама чрезъ то потеряю, то самая малость; но я тебѣ признаюсь, Агатонъ, что мнѣ стоитъ преодолѣнія возбудить тебя отъ прекраснаго твоего сна. Данае твоего сердца и Данае, которую ты здѣсь ви-

видишЪ предЪ собою, суть не одно. Разсѣяніе заблужденія, тобою любимаго, не можетЪ быть иначе, какЪ болѣзненно. Но оно необходимо для твоего спокойствія; оно служитЪ кЪ славѣ будущей твоей жизни. И такЪ послушай меня, любезный мой АгатонЪ!

Произхожденіе мое низко, а даровавшіе мнѣ жизнь не знали никогда о спокойствіи, изобиліи и величествѣ. Первое мое воспитаніе было симЪ обстоятельствамЪ сразмѣрно, природа долженствовала все сдѣлать. И вЪ самомЪ дѣлѣ -- неблагодарно бы было сего хотѣть не признавать -- она сдѣлала столько для маленькой Мирисы (такЪ меня тогда называли), что можетЪ быть лучше бы было оставить ей обо всемЪ попеченіе. Маленькая Мириса имѣла такой видЪ, который пода-

подавалъ великія надежды; и уже тогда, когда она на ряду съ своими сверстницами прыгала, обыкновенно называли ее Граціею. Маленькая Мириса имѣла также сердце; но о томъ никто не безпокоился. Мать ея умѣла играть на свирѣлѣ. Можетъ быть она основала надежду своего щастія на дарованіяхъ, обнаруживавшихся въ молодой Мирисѣ; ибо единственнымъ ея попеченіемъ было образовать ее отъ седми или осьми лѣтъ посвященной всенародному удовольствію особы. Всѣ мои маленькія дарованія были столь изрядно отворяемы, какъ позволяли обстоятельства и доколѣ простиралась собственная матери моей, а можетъ быть весьма ограниченная, способность. Найдено, что я въ музикѣ и въ танцованіи скоро превзошла наставленіе и примѣръ, которыя могла она мнѣ подать. Тогда обра-

зовала я сама себя, сколько могла; ибо я находила вЪ себѣ нѣчто — не зная и не безпокояся о томЪ, что это такое было — что меня не допускало быть довольною ни тѣмЪ, что я зрѣла около себя, ниже сама собою и снизхожденіемЪ, мною полученнымЪ. Природа начертала вЪ душѣ моей *понятіе изящнаго*; я видѣла ее только еще сквозь пракЪ; но и малое, мною сквозь оный увидѣнное, производило свое дѣйствіе. Одно обстоятельство, при всемЪ семЪ служившее кЪ чести моей матери, есть весьма важно и стоитЪ того, чтобы я его не прошла. Когда она, какЪ я уже примѣтила, не прилагала никакого старанія для образованія моего сердца, то она и не предпринимала ничего для поврежденія онаго. МнѣЪ казалось (сколь я могу о ней взпомнить), что она ни мало не заботилась о семЪ пунктѣ. Ея попеченія

ченія касались единственно токмо до плотской половины моей особы, до соблюденія моего тѣла и прекраснаго цвѣта лица, до разпущенія всѣхъ прелѣстей, кои она думала во мнѣ видѣть, и въ кои она столь много была влюблена, сколь мало нѣкогда сама имѣла правъ съ сея стороны. Она весьма тщеславилась множествомъ маленькихъ тайнъ уборнаго столика, коими по увѣренію ея она одна обладала; и я убѣждена, что молодая Мириса обязана быба благодарностію за нѣкогда столь высоко выхваляемую красоту ея рукъ и ея ногъ, и за то, что называли стройностію ея стана, чрезвычайному попеченію доброй женщины.

Между Пенатами (домашними богами), къ коимъ мать моя учила меня устремлять мои молитвы, Венера, украшаемая Граціями,

была главнѣйшимъ предметомъ ея собственныхъ молитвъ. Она просила сихъ богинь за свою дочь о красотѣ и о даровании нравиться. По ея мнѣнію было сіе самое лучшее, что она мнѣ могла изпросить у безсмертныхъ, заключась въ оба сіи свойства; по крайней мѣрѣ дѣлала она все, что отъ нея зависѣло, для возбужденія во мнѣ сего мнѣнія.

Венера сія и сіи Граціи, которыхъ я всякое утро должна была увѣнчавать свѣжими розами, или миртовыми вѣтвями, были творенія весьма посредственнаго рѣщика, и ничто меньше, какъ способы къ возпаленію въ молодой душѣ понятія о божественномъ совершенствѣ. Размышленіе сіе часто происходило въ молодой Мирисѣ, когда она себя сравнивала съ сими образами, и было всегда сопровождаемо желаніемъ

видѣть

видѣть богиню красоты и ея возлюбленныхъ подругъ въ истинномъ ихъ видѣ. За симъ желаніемъ послѣдовали часто усиливанія силы воображенія для образованія въ самой себѣ достойнѣйшаго ихъ образа, и иногда казалось, что усиливаніямъ споспѣшествовали богини. Случай сдѣлалъ ей нѣкогда извѣстною изъ устъ пѣвца Ѳивскаго Пиндара высокую пѣснь на Грацій. Казалось, что въ то время, когда она его слушала, божественный лучь свѣта проникалъ въ ея душу. Ей казалось, какъ будто бы густая завѣса спала съ ея глазъ, и тогда она увидѣла, что Граціи (*), отъ которыхъ произтека-

(*) Данае говоритъ въ подлинникѣ стихи сіи Пиндара (изъ девятой Олимпійской оды) собственными его словами. Невозможность возлѣтѣть за Пин-

каетъ все пріятное и любви достойное къ смертнымъ, подъ стеченіемъ которыхъ образуется мудрый, добродѣтельный, ирой и любитель изящнаго; сіи небесныя Граціи, безъ которыхъ сами боги не знаютъ никакой радости, и чрезъ коихъ руки все изходитъ, что произходитъ въ небѣ; онѣ, которыя, сидя на тронѣ возлѣ Пиѳійскаго Аполлона, никогда не престаютъ обожать непреложное величество Олимпійскаго отца. Съ сея минуты остался божественный образъ напечатлѣннымъ въ душѣ моей. Я сама себѣ не могла опредѣлить того, что я тогда чувствовала; но я клялась Граціямъ торжественнымъ обѣ-

Пиндаромъ побудила насъ къ описанію, чрезъ что подлинникъ можетъ быть меньше теряетъ, нежели чрезъ переводъ слово въ слово.

обѣтомъ избрать ихъ во всемъ моемъ дѣйствіи моими руководительницами. Какъ ты видишъ, Агатонъ, молодая Мириса возымѣла съ того времяни наиблагополучнѣйшія разположенія къ самому сему изящному умоизступленію, которое подало душѣ твоей первое образованіе въ рощахъ и галлеріяхъ Делфійскаго храма. Обстоятельства сдѣлали всю разность. Возпитавшись въ Дельфахъ, сдѣлалась бы она Псишею.

Я почти была тринатцати лѣтъ, какъ мать моя вознамѣрилась, препроводить меня въ Аѳины къ старой теткѣ (отцовой сестрѣ), въ одно мѣсто въ свѣтѣ, гдѣ, по ея мнѣнію, могли изправить дарованія, юношество и красота несправедливости щастія. Тамъ надѣялась она пожать плоды возпитанія, чрезъ

кото-

которое думала она сдѣлать для меня наивеличайшую заслугу. Но судьба не позволила ей наслаждаться симъ удовольствіемъ. Она умерла, и я попала тогда подъ покровительство такого брата, который, для избавленія себя отъ попеченія обо мнѣ, ни о чемъ больше не старался, какъ о изполненіи желанія умирающей нашей матери въ разсужденіи меня. И такъ я прибыла въ Аѳины, которыя могли тогда утверждать имя столицы всея Греціи, будучи Перикломъ возвышены для пребыванія Музъ и изящныхъ знаній. Сродница, къ которой меня привели, казалось, что весьма обрадовалась приданому, сдѣланному ей моею матерью въ маленькой моей персонѣ. Она основала наилучшія надежды на моихъ дарованіяхъ, и прилагала всевозможное стараніе наставить меня, какъ мнѣ надлежало начать,

дабы

дабы употребить ихъ къ моему щастію. Острота и нѣкоторая тонкость нравовъ, вкуса и языка суть собственныя въ Аѳинахъ самымъ низкимъ классамъ народа. Новая моя возпитанница, хотя она представляла только простую собирательницу травъ, давала мнѣ наставленія, которыя не недостойны бы были въ таинствахъ наихитрѣйшаго волокитства возпитанной ученицы Аспазіи. Но мнѣ самой неизвѣстное внутреннее сопротивленіе дѣлало меня неспособною пользоваться ея наставленіями. Сердце мое, казалось, говорило мнѣ, что я сотворена для благороднѣйшаго предмета; но когда я далѣе его спрашивала, то оно тогда не отвѣчало мнѣ. Промыслъ танцовщицы, въ коемъ я упражняться была принуждена, сдѣлался мнѣ ненавистнымъ, сколько я искуство сіе само по себѣ ни любила; но сіе отвращеніе умень-

уменьшалось нечувствительно, чѣмъ болѣе узрѣніе толь многихъ для меня совсѣмъ новыхъ предметовъ и непримѣтная зараза духомъ леккомыслія и роскоши, господствовавшей надъ народомъ Аѳинскимъ, производили свое дѣйствіе на мои чувства. Невинность принесенная мною изъ бѣдной хижины моего отца, подвергалась отчасу большей опасности, чѣмъ болѣе терялась неизвѣстность, отъ коея получала оная свою безопасность. Великолѣпное жилище, пышный уборъ, множество слугъ, роскошный столъ, картины, статуи, Персидскіе обои и софы, и тысяча другихъ принадлежностей къ спокойствію и сластолюбію, начали получать довольно прелѣсти для моего вображенія и дѣлать мнѣ мучительнымъ то, чтобъ ихъ не имѣть у себя. Тогда бывали такія минуты, въ кои желаніе по безумію

умію моему толь завиднаго благо-получія сдѣлало бы меня готовою на все, что могло служить средствомъ къ полученію онаго. Старая Кробиле, по нещастію моему, была не такая особа, которая бы могла научить меня разсуждать правильнѣе. Собственныя ея понятія о благополучіи не простирались за кругъ грубѣйшей чувственности; и ей не приходило на умъ, чтобъ, кромѣ бѣдности и нищеты, могло что либо быть поносно. И такъ она удерживала меня въ той дремотѣ, отъ которой надѣялась сама получить великія выгоды. Хорошій успѣхъ первыхъ моихъ опытовъ въ пантомимическомъ танцованьѣ совершилъ наше обѣихъ обуяніе. Безсмысленная дѣвочка всасывала съ сластолюбіемъ удовольствіе такой похвалы, коя должна бы была ее привесть въ уничиженіе; а сребролюбивая старуха

руха щитала день и ночь сокровища, кои она могла доставать помощію моего вида и моими дарованіями. Не привыкши видѣть у себя больше горсти полушекъ, превратила она все при узрѣніи столь многихъ драхмъ около себя, въ золото и серебро. Жизнь наша далѣе разполагаема была по нашимъ надеждамъ. Но небольшое приключеніе, впрочемъ довольно обыкновенное, но котораго великая неопытность молодой Мирисы не допустила предувидѣть, удалило ее паки вскорѣ больше, нежели когда нибудь, отъ цѣли всѣхъ ея желаній. Мириса хотя любила радость и веселіе, она любила нравиться и чтобы ей удивлялись, но не хотѣла того, чтобы молодые господа, въ домы которыхъ она была приглашаема для показанія своихъ дарованій и своего искуства, поступали съ нею такъ, какъ обыкновенно посту-

ступаютъ съ молодыми Нимфами ея состоянія и ея чина. Въ маленькомъ ея сердцѣ возстала нѣкоторая гордость, которая содержала въ нѣкоторомъ родѣ равновѣсія всѣ безумныя желанія юношескаго ея тщеславія. Молодые господа, произходившіе изъ колѣна Өезеевъ и Алкменоевъ находили смѣшнымъ, что маленькая танцовщица щитала за обиду ихъ живость; а маленькая танцовщица чувствовала, что въ ней возбудилась душа, не могшая сносить понятія служить игрушкою симъ ироискимъ душамъ. Домостроительная Кробиле чуть было не сошла съ ума отъ столь безвремянной хитрости; но Мириса помышляла о обѣщаніи, которымъ она клялась Граціямъ, и пребывала непоколебимою. Не для того, чтобы она уже не начала чувствовать, что сердце ея имѣетъ собственныя свои нужды; малень-

кія полуумолчимыя признанія, которыя оно ей сдѣлало, подавали ей всегда больше свѣта о семъ пунктѣ. Она чувствовала въ себѣ способности, кои силились быть обнаруженными, и основаніе нѣжности, съ коею не знала она что начать. Душа ея терялась въ снахъ пріятной задумчивости; она давала желаніямъ ея виды и старалась образовать въ самой себѣ предметы, при разсматриваніи которыхъ находила она удовольствіе, которое ненавистныя впечатлѣнія тѣхъ, коими она видѣла себя окруженною, изгладить могла. Но всѣ сіи старанія служили токмо къ содѣланію ей несноснѣйшимъ чувствованіе дѣйствительнаго ея состоянія. Обстоятельства ея не отвѣчали никакъ ея намѣреніямъ; она взирала на нихъ подъ ложнымъ свѣтомъ. Все сдѣланное для нее богинею красоты и Граціями поте-

теряло чрезъ то свою цѣну; и какъ могла она надѣяться, что любовь наградитъ сей уронъ? Какъ могло такое твореніе, которое долженствовало заслуживать пропитаніе свое забавленіемъ богатыхъ въ Аѳинахъ при ихъ пиршествахъ роскошными танцованіями, подумать только сдѣлаться когда нибудь предметомъ нѣжной страсти? Бѣдная Мириса тщетно мучилась размышленіемъ, какимъ бы образомъ начать дать другой видъ своей участи, коея бремя день отъ дня становилось ей несноснѣе; между тѣмъ подкрѣпляла она себя однако въ возмѣреніи не танцовать болѣе при пиршествахъ Аѳинцовъ.

Старая Кробиле, которая не находила въ томъ себѣ никакихъ выгодъ, изчерпала все свое красноречіе для совращенія племянницы своея на другія мысли; но

увидя, что сія упрямая дѣвушка оставалась въ предпріятіи своемъ непоколебимою, открыла ей наконецъ сухими словами, что ей надлежало быть или учтивѣе, или самой стараться о своемъ пропитаніи. Что дѣлать? Дѣло пошло не въ шутку, а нещастная Мириса не имѣла довольно бодрости вознамѣриться приняться за пряслицу. Наконецъ увидѣла она себя принужденною, хотя противъ воли своея, послушать предложенія живописца Аглаофона, которому она долженствовала служить образцомъ для Гебы, которую ему надлежало писать для Алцибіада.

Живописецъ, казалось, чрезвычайно былъ доволенъ своимъ образцомъ. Я не знаю, какъ онъ сдѣлалъ, но Геба его была столько хороша, что молодая Мириса подвергнулась опасности, подобно

сти-

стихотворческому Нарциссу, влюбиться въ собственный свой подлинникъ.

Алцибіадъ при зрѣніи сего портрета пришелъ внѣ себя (какъ онъ ее въ слѣдствіи хотѣлъ увѣрить). Онъ хотѣлъ знать, кто та смертная, которая подала живописцу начальныя черты къ толь прекрасному мысленному образу. Аглаофонъ увѣрялъ, что сіе есть одно токмо твореніе его силы воображенія. Чаятельно имѣлъ онъ какое нибудь особенное намѣреніе при семъ объявленіи; ибо въ самомъ дѣлѣ ему то же случилось съ своею Гебеею, что и Пигмаліону съ статуею; и хотя статуя, любовію къ коей онъ горѣлъ, была одушевлена уже, однако онъ нашелъ, что можетъ быть не менѣе ему будетъ стоять труда одушевить ее для себя; и по тому еще менѣе хотѣлось

ему представить ее предъ глаза Алцибіадовы.

Между тѣмъ заказалъ ему сей нарисовать Данаю, которой надлежало стоять подлѣ Гебеи, и Мириса должна была паки служить подлинникомъ. Щастливымъ успѣхомъ перваго опыта прельщенная ея суетность — юношеская глупость, кою я не хочу извинять тѣмъ, что она въ ея обстоятельствахъ была естественна — сія суетность, или глупость, изгнала изъ нее тѣ сомнѣнія, кои надлежало при семъ преодолѣть. Также она весьма отдалена была отъ того, чтобъ знать всю силу роли, ею предпріятой. Отъ художника, коего глаза начинали быть подозрительными, защищало ее присутствіе старой Кробилы, имѣвшей видъ дракона, приставленнаго оберегателемъ очарованнаго сокровища; и сверьхъ

того

того Аглаофонъ долженъ былъ поклясться быть въ величайшей осторожности во все время разсматриванія. Не смотря на сіе произшелъ великій споръ, когда дѣло дошло до скидыванія платья новой Данаи, что, казалось, подавало живописцу слишкомъ великую надъ нею выгоду. Аглаофонъ приводилъ побудительною причиною то, что онъ долженъ былъ рисовать для Алцибіада, такого знатока, который не простилъ бы ему, ежелибъ онъ пожертвовалъ совершенствомъ своея картины усомнѣніямъ, кои онъ принялъ вольность найти преодолѣнными. Старуха, которая за плату уже съ нимъ согласилась и мало имѣла охоты щадить нѣжнѣйшій образъ разсужденія своея подчиненной, подкрѣпляла его всею своею важностью. Однако можетъ быть всего сего было бы не довольно, естьлибъ нѣкоторая

мысль, произшедшая изъ груди самой молодой Мирисы, не побѣдила ея своемыслія. Глупая дѣвочка опасалась, чтобъ художникъ -- ибо Аглаофонъ былъ для нее ничто болѣе -- не причелъ отрицанія ея недовѣрчивости къ самой себѣ, въ чемъ она была невиновата. Она убѣдила себя, что неблагодарно бы было не сдѣлать природѣ чести, и такъ наконецъ согласилась на то, чтобъ, ежели ей надлежитъ быть Данаею, то быть уже совсѣмъ оною. Однако Алцибіадъ (который безъ вѣдома живописца былъ скрытно зрителемъ сего явленія), утверждалъ, что ему показалась она болѣе Граціею, играющею съ Купидономъ, нежели тою, которую надлежало ей представлять.

Молодый сей человѣкъ, обладавшій неистовствомъ чувственности и славолюбія въ равномъ сте-

степенѣ, приказалъ приготовить въ домѣ своего живописца маленькій кабинетъ единственно на тотъ конецъ, чтобы всегда, когда ему вздумается, образцы онаго тайно разсматривать и выбирать себѣ изъ оныхъ, которые полюбятся. Самая сія причина побудила Аглаофона увѣрять его, что онъ Гебею его дѣлалъ безъ всякаго образца. Но Алцибіадъ былъ весьма тонкій знатокъ, чтобы допустить себя обмануть. Онъ мнилъ видѣть въ сей Гебѣ такія прелѣсти, которыя можно только похитить у природы; и единственно для того, чтобы увѣриться въ своихъ догадкахъ, приказалъ онъ сдѣлать Данаю. Впечатлѣніе, сдѣланное на него образцомъ оной, было весьма сильно, какъ чтобы изнѣженный любимецъ природы и щастія, не знавшій, что такое было принести въ жертву желаніе, могъ удержанъ

быть

быть какимЪ нибудь сомнѣніемЪ не показаться и изумленнаго живописца не прервать посредѣ его работы. „Ты можешЪ кисть свою только вымыть, другЪ мой АглаофонЪ, сказалЪ онЪ ему. Твоя Данае — была бы хотя нѣчто весьма прекрасное, но — не Данае. Оставь мнѣ попеченіе образовать сперва кЪ тому прелѣстный сей подлинникЪ! КакЪ скоро будетЪ время, то я тебя прикажу позвать; тогда ты мнѣ нарисуй, естьли впрочемЪ смотря на нее можешЪ быть способенЪ держать кисть вЪ рукѣ.

Смущеніе молодой Мирисы при толь внезапномЪ появленіи еще труднѣе бы можно было изобразить, нежели то, чего, казалось Алцибіаду, недоставало вЪ ней для совершенной Данаи. Она сама не могла бы дать отчета вЪ первыхЪ минутахЪ смятенія движе-

ній,

ній, обуревавшихъ ея сердце. Но наконецъ чувствованіе высокомѣрія въ поступкѣ молодаго сего господина и собственнаго своего уничиженія превысило всѣ прочія, и оскорбленная дѣвушка залилась слезами. Алцибіадъ не былъ столь нѣженъ, чтобъ тронуться оными, но столь учтивъ, что, перемѣня вдругъ свое поведеніе, успокоилъ ее паки. Никогда никакой смертный не имѣлъ столько способности переходить изъ одного тона въ другой и не приготовясь играть противнѣйшія одна другой роли. Онъ извинялся въ своемъ присутствіи толь учтиво, насказалъ маленькой Мирисѣ толь много обязательнаго, и насказалъ толь добросердечнымъ тономъ, съ толь откровеннымъ лицемъ, что невозможно было долѣе на него сердиться. Наипачежъ примирило ее съ нимъ то, что онъ обходился съ нею съ толикимъ почтеніемъ, ко-

торое

торое едва могло быть болѣе, естьлибъ она равнаго была съ нимъ состоянія. Такое обхожденіе человѣка не знавшаго во всей Греціи никого, ктобъ его превозходилъ знатностію породы и личными качествами, котораго богатство привело въ состояніе вести царскіе разходы, и коему очарованныя имъ Аѳины, не примѣчая того, позволяли права неограниченнаго повелителя; такое обхожденіе было болѣе, нежели чтобъ могла оное снести суетность такой молодой твари, какова была бѣдная Мириса. Она не токмо простила ему сама въ себѣ; но неопытное твореніе сіе смотрѣло на него такими взорами, которые хотя и должны были выражать только благодарность, однако довольно имѣли огня, чтобъ такой человѣкъ, который столь много на себя надѣялся, не принялъ оныя за нѣчто ласкательнѣйшее. Она до-

стой-

стойна познакомиться съ Аспазіею, сказалъ онъ, оборотясь съ свойственною ему прелѣстною живостію къ Аглаофону и Кробилѣ. Но — она называется Мириса, говорите вы? Какое имя для толь многихъ прелѣстей! Отнынѣ должна она называться Данаею. Сегожъ вечера узнаетъ Аспазія новую свою пріятельницу подъ симъ имянемъ! — Я хочу тебѣ нѣчто сказать, старушка! — и поотведши старуху къ сторонѣ, говорилъ съ нею, пожалъ дружески ея руку, отбѣжалъ назадъ, поцѣловалъ мою, и ушелъ.

Глава пятая.

Продолженіе прежняго.

Я дошла, какъ ты видишъ, любезный Агатонъ, до того пункта моей повѣсти, который для всея прочей моей жизни былъ рѣши-

шителенъ, и тѣмъ болѣе почитаю себя обязанною дать тебѣ точнѣйшій въ ономъ отчетъ, когда мнѣ еще не возможно взпомнить безъ удовольствія о семъ Алцибіадѣ, чрезъ коего стала я Данаею (не взирая на то, что сіе признаніе дѣлаетъ меня недостойною твоея любви). Не ожидай, любезнѣйшій Агатонъ, чтобъ я стала извиняться. Ябъ покусилась на сіе, естьлибъ имѣла другое намѣреніе, а не то, чтобъ доказать тебѣ, что Данае не можетъ принять тоя чести, кою ты ей приготовлялъ. Для нее довольно и того, что естьли она не недостойна быть пріятельницею Агатона. Но она гордѣе, нежели чтобъ и сію честь хотѣла пріобрѣсть извиненіями; и одно токмо разсказываніе своея повѣсти будетъ для нее все защищеніе, кое она когда либо сдѣлаетъ своимъ слабостямъ.

Послѣ всѣхъ сихъ признаній, сдѣланныхъ мною тебѣ о моей породѣ, возпитаніи и прочихъ обстоятельствахъ, найдешъ ты, думаю, понятнымъ, что такому человѣку, какъ Алцибіадъ, надлежало сдѣлать столь чрезвычайное въ толь неопытной, незрѣлой, изнѣженной твари, какова была я. Трудно бы было мнѣ тогда сказать, чувства ли мои, или сердце, или воображеніе болѣе было плѣнено. Нынѣ, когда съ большимъ познаніемъ сердца и большимъ хладнокровіемъ обращаю взоръ на приключенія моея младости, то думаю, что довольно надежно могу сказать, что чувства и воображеніе имѣли величайшее участіе въ заблужденіи моего сердца.

Я во всю жизнь мою видала одного токмо человѣка, могущаго оспорить ему преимущество въ

 видѣ,

видѣ, осанкѣ и мужественныхъ прелестяхъ. Дарованія духа его были столь же блистающи, сколь и внѣшность. Ничего не было живѣе, какъ его остроуміе, ничего убѣдительнѣе, какъ его краснорѣчіе, ничего ласкательнѣе, какъ его обхожденіе. Всѣ сердца летѣли къ нему. Не можно было ему противиться, когда онъ хотѣлъ нравиться. Храбръ былъ онъ, какъ Тезей; щедръ такъ, какъ будто имѣлъ королевства для раздачи въ подарокъ; гордъ, какъ полубогъ; во всемъ, что ни дѣлалъ, отличался отъ прочихъ людей и превозходилъ ихъ, и, что было въ немъ всего опаснѣе, даже въ самыхъ порокахъ своихъ любезенъ будучи, привлекалъ къ къ себѣ все нѣкоторою властію, о коей весьма былъ свѣдомъ. Онъ совсѣмъ не зналъ, что такое есть сопротивленіе; онъ никогда онаго не изпытывалъ; и высоко-

[illegible] мѣріе,

мѣріе, раждаемое въ немъ симъ обстоятельствомъ, немало помогало ускоренію и уваженію его побѣдъ. Къ нещастію всякой вовлеченной въ его вихрь, сей человѣкъ, вливавшій столь много любви, самъ неспособенъ былъ чунствовать любовь. Онъ игралъ только сердцами, привлекаемыми со всѣхъ сторонъ; и никогда человѣкъ съ жаркими чувствами и съ величайшимъ дарованіемъ обманывать себя самого и (естьли хотѣлъ) другихъ въ семъ пунктѣ не имѣлъ неспособнѣйшей къ нѣжности души. Естьли ему гдѣ нибудь попалось въ глаза новое лице, или фигура, прельщающая его фантазію, то весь свѣтъ долженъ былъ думать, что любовь со всѣми своими пламянами вошла въ его грудь. Онъ думалъ сіе иногда и самъ; но заблужденіе продолжалось только до тѣхъ поръ, пока оставалось ему еще чего ни-

будь желать. Съ тоя минуты, когда задача рѣшилась и воображенію его ничего болѣе не оставалось совѣтовать, то изчезало очарованіе, и измѣнникъ даже не имѣлъ терпѣнія употреблять комедіянтскія свои дарованія и притворною нѣжностію содержать бѣдную обманутую тварь въ сладкомъ ея заблужденіи.

Такого свойства былъ сей человѣкъ, коего судьба моя поставила мнѣ на пути для преселенія меня изъ обстоятельствъ, столь мало сходствовавшихъ съ тѣмъ, къ чему сотворила меня натура, въ такой кругъ, въ коемъ я блистала можетъ быть болѣе, нежели теперь желать могу, и по которому мнѣ, думаю, непремѣнно должно было итти для того, чтобъ возмочь быть тѣмъ, что я есмь нынѣ.

Глава шестая.

Продолженіе прежняго. Даная входитъ въ Аспазіинъ домъ. Слѣдствія приключеній ея съ Алцибіадомъ.

Старая Кробиле не находила за хорошее открыть своей возпитанницѣ, сколь дорого уступила она Алцибіаду мнимыя свои на ее права. Она не сказала ей, больше ничего о всемъ договорѣ, какъ только то, чтобъ она разположилась сего же еще вечера показаться предъ Аспазіею. Чрезвычайная довѣренность, въ которой жила сія дама, коя и по смерти Перикла мало, или ничего не потеряла изъ своего втеченія на Аѳины и на всю Грецію, — привела молодую Данаю въ трепетъ единая мысль о таковомъ посѣщеніи. Однако между тѣмъ каждое мгновеніе было на то употребляемо, чтобы маленькое ея лицо привести въ

такой свѣтъ, который бы способнѣе всего могъ быть сдѣлать ей благосклоннымъ первый взоръ славной познаніемъ, пріобрѣтеннымъ ею о истинной изящности. Почти покушалась я сказать, что она имѣла, подобно Сократу, родъ Геніуса, который ей въ таковыхъ случаяхъ сказывалъ, чего ей не надлежало дѣлать (*). Кробиле, къ услугамъ которой находи-

(*) Геній, или Демонъ Сократовъ (который и по сіе время есть задачею для ученыхъ) не сказывалъ ему никогда, что ему должно было дѣлать. На то Богъ далъ намъ пять чувствъ и разумъ, говаривалъ Сократъ. Но бываютъ такіе случаи, въ коихъ оставляютъ насъ сіи путеводители и совѣтники въ неизвѣстности, или и ввергаютъ насъ въ заблужденіе. Въ такихъ случаяхъ весьма щастливо имѣть предостерегающаго Геніуса, который бы намъ говорилъ: не дѣлай сего!

дилась казна Алцибіадова, была такого мнѣнія, чтобы прелѣсти ея служили рекомендаціею чрезъ блестящее платье вниманію великой госпожи, какова была Аспазія. Но Данае свои выгоды разумѣла лучше. Ничто не могло быть простѣе и меньше изысканнѣе ея головнаго убора и всего наряда; но чище и привлекательнѣе не могъ бы онъ быть, хотя бы и сами Граціи были ея служанками. Никогда въ жизни моей не билось такъ у меня сердце, какъ въ ту минуту, когда меня наидостойнѣйшая любви молодая невольница вела чрезъ покои, возвѣщавшіе пребываніе королевы, въ комнату Аспазіи. Ослѣплена будучи сіяніемъ, блиставшимъ напротиву робкому моему взору повсюду, думала я, отважась наконецъ возвесть на нее свои глаза, что я вижу предъ собою богиню. Она сидѣла на Персид-

 ской

ской софѣ и, казалось, забавлялась съ любопытнымъ взоромъ моимъ смятеніемъ. Но она имѣла въ обликѣ, содѣланномъ нарочно для величества ея стана, нѣчто столь непреоборимо прелѣстное, и сей проницательный взоръ былъ умѣряемъ столь плѣняющею улыбкою, что не возможно было воззрѣть на нее не полюбя ее. Что въ сіи минуты въ душѣ моей произходило, то дѣйствительно превозходитъ всякое описаніе. Я чувствовала новое существо, другой совершеннѣйщій родъ бытія, подобно преселенію въ жилище боговъ, или въ Елисейскія поля. Въ сладкомъ и утѣшномъ размышленіи предмета, изглаждавшаго всѣ сновидѣнія моего воображенія, спокойнѣйшая душа моя плавала въ стихіи любви и веселія. Я повергласъ къ ея ногамъ, возвела на нее свои очи, на коихъ, какъ я думаю, все мною чувствуемое

было

было изображено, -- очи, блиставшія слезами сладчайшаго чувствованія. Аспазія продолжала еще наслаждаться нѣсколько мгновеній симпатическою роскошью, сообщаемою ей моимъ возхищеніемъ; но наконецъ, поднявъ меня, взяла въ свои объятія, прижимала къ своимъ персямъ, и сказала: „ *Любви достойная дѣвица, чувствительность сія снискала тебѣ въ Аспазіи другиню со всею нѣжностію матери.* „ Что я отвѣтствовала? Угадай Агатонъ. Ничего -- ни слова; да и слова не могли бы изобразить того, что я чувствовала. -- Но она была мною довольна, и тогда обязана я была сѣсть подлѣ нея на софѣ.

Какую перемѣну немногія сіи минуты произвели въ моемъ состояніи! Какъ дочь бѣдной Хіосской игрицы на свирѣлѣ, возпитанница старой Кробилы, которая не задолго предъ симъ принуждена

ждена еще была оказывать живописцу Аглаофону услуги подвижной статуи, могла подумать, чтобы чрезъ нѣсколько часовъ послѣ сидѣть возлѣ Аспазіи и быть осыпаемой отъ нея наинѣжнѣйшими ласками? Но сколь бы она возчувствовала себя нещастною, естьли бы она принуждена была по толь радостномъ состояніи возвратиться паки въ хижину старой Кробилы и себѣ сказать, что все было только возхитительный сонъ! Одной сея мысли довольно бы было свергнуть вдругъ щастливую Данаю съ блестящаго пребыванія боговъ. Но вся душа ея погружена была въ настоящее мгновеніе; она не могла тогда помышлять ни о чемъ будущемъ.

Великодушная Аспазія избѣгала всего, что могло возбудить добросердечную дѣвицу изъ ея

пріят-

пріятнаго очарованія. Она не спрашивала о прежнихЪ ея обстоятельствахЪ и не давала ей знать, что она о томЪ увѣдомлена. Она никогда не говорила о ея дарованіяхЪ; и для предупрежденія ее отЪ страха, что щастіе ея не прочно, встала она чрезЪ нѣсколько времяни и повела ее вЪ весьма изрядный покой, коего кабинетЪ примыкался непосредственно кЪ собственной ея спальнѣ. „ВотЪ, любезная моя Данае, сказала она, собственный твой покой, и будетЪ твоимЪ, доколѣ тебѣ угодно и доколѣ Аспазія будетЪ тебѣ довольно мила, чтобы не возмочь оставить ее безЪ соболѣзнованія.„ -- ТакЪ я буду жить вѣчно! взкричала сЪ возхищеніемЪ чувствительная Данае.

Вскорѣ по томЪ пришелЪ АлцибіадЪ. ОнЪ не показалЪ, какЪ

будто

будто бы онъ меня зналъ; а чрезъ то избавилъ меня отъ замѣшательства и покраснѣнія, въ которое ввергнуло меня его прибытіе. Поступокъ его противъ меня былъ удержателенъ и изполненъ тою непринужденною учтивостію, которая столько же различаетъ Аѳинца отъ прочихъ Грековъ, сколько превозходятъ Греки вообще всѣхъ прочихъ народовъ въ остроуміи и образѣ жизни. Разговоръ между нимъ и Аспазіею былъ столько живъ и новъ для меня, что я устремила все вниманіе и очи. Онъ говорилъ о политическихъ и любовныхъ дѣлахъ съ равно бодрымъ тономъ и легкомысліемъ, которое (какъ все то, что онъ говорилъ и дѣлалъ) имѣло ту очаровательную прелѣсть, которая дѣлала его столько же опаснымъ для спокойствія его отечества, какъ и для спокойствія женскихъ сердецъ. По про-

прошествіи нѣсколькаго времяни вставши извинялся онъ, что не можетъ препроводить съ нею вечера, представляя причиною веселіе, положенное между имъ и нѣкоторыми молодыми господами, ему знакомыми. Молодая Спартанка будетъ на ономъ присутствовать, примолвилъ онъ, кинувши на меня внимательный со стороны взоръ, и съ симъ изчезъ. — „ Вертопрашнѣйшій, остроумнѣйшій, отважнѣйшій, но любви достойнѣйшій плутишко, какого не бывало подъ солнцемъ!„ — сказала Аспазія по отшествіи его. „Я не знаю никакой добродѣтели, никакого совершенства, которыхъ бы онъ не имѣлъ дѣйствительно, или по крайней мѣрѣ не казался имѣть. Но онъ одинъ нашелъ средство соединять всѣ пороки и всѣ недостатки, къ которымъ человѣческая природа способна, со всѣми свойствами, дѣлающими человѣка

почи-

почитанія и любви достойнымъ. Периклъ, коего былъ онъ питомцемъ, не сдѣлалъ ничего во всю свою жизнь хулы достойнѣе, какъ что онъ излишнею поблажкою сдѣлалъ изъ него изнѣженнаго сего человѣка, каковъ онъ теперь. Однако цѣлыя Аѳины и самъ бы мудрый Сократъ не сдѣлали его лучшимъ. Съ самаго дѣтства онъ былъ пріученъ быть всеобщимъ всего свѣта любимцемъ. Все имъ чинимое нравилось, пороки его были пріятными живостями, дикость его была огнемъ иройской души, своенравнѣйшія его изступленія назывались остроумными мыслями и изліяніями веселаго незлобиваго сердца. Всегда имѣлъ онъ щастіе, или лучше нещастіе, что пороки его, ради изящнаго вида, который умѣлъ онъ имъ придавать, извиняли, или и совсѣмъ почитали достоинствами. Онъ употреблялъ вертопрашество

свое

свое столь изряднымъ образомъ, давалъ порокамъ своимъ столь пріятный оборотъ, столь отмѣнную пріятность, что его и тогда, когда онъ заслуживалъ хулу и наказаніе, находили всегда любви достойнымъ. Тому, что во всякомъ другомъ никогда бы не простилось, въ немъ удивлялись, или по крайней мѣрѣ тѣмъ, что тому смѣялись, оправдывали и ободряли. Теперь, когда уже поздно, Аѳинцы начинаютъ примѣчать неблагоразумный свой поступокъ Но остроуміе порабощаетъ ихъ подъ иго, не взирая на лучшее ихъ убѣжденіе, и очарованіе сіе совершенно не прежде кончится, какъ они истребятся до основанія. Онъ поступаетъ съ ними не лучше, какъ съ нашими красавицами. Непостоянство его, его вѣроломство, гордость его въ разсужденіи нашего пола, всему свѣту извѣстны. Тысячи предостере-

стерегательныхъ примѣровъ долженствовали сдѣлать насъ благоразумными. Но все вотще; каждая еще не искусившаяся спѣшитъ наскоро для умноженія числа обманутыхъ; каждая ласкается быть прелѣстнѣе, или искуснѣе, или по крайней мѣрѣ щастливѣе своихъ предшественницъ. Все было употребляемо для полученія его сердца и для удержанія онаго; онъ любимъ съ наиточнѣйшею вѣрностію; никакая жертва, которую онъ можетъ требовать, не велика; думаютъ, что никогда не могутъ сдѣлать для него много; ослѣпляются его невѣрностію; и напослѣдокъ, когда не можно больше о семъ сомнѣваться, то по крайней мѣрѣ утѣшаются сладкою мыслію, что были нѣкогда любимы Алцибіадомъ; и каждая ласкаетъ себя, что она была больше прочихъ любима. Я почла за нужное, Данае, (продолжала она) по-

показать тебѣ опаснаго человѣка въ истинномъ его видѣ; ибо ты увидишъ его въ моемъ домѣ ежедневно. Я сама изпытываю общую участь; я его люблю, хотя уже давно миновало то время, въ которое онъ былъ для меня опасенъ. Твое, любезная моя Данае, еще наступитъ. Я долженствовала по моей къ тебѣ любви предостеречь тебя. Но теперь оставляю я тебя твоему сердцу. Все, что я съ твоей стороны желаю заслужить, состоитъ въ томъ, чтобы ты сдѣлала меня своею повѣренною, какъ скоро ты возымѣешь въ ней нужду.,,

Я обѣщала ей сіе съ такою живостію, на которую она должна была улыбнуться, и примолвила, что желаніе сдѣлаться любви ея достойною не оставило бы сердцу моему времяни быть упражненною другимъ предметомъ. ,, Ты еще не-

недолго пожила, дочь моя, отвѣчала она, дабы знать свое сердце; а еще меньше, чтобы вѣдать о всѣхъ окружающихъ его опасностяхъ. Въ нѣсколько лѣтъ опытность твоя научила бы тебя. Между тѣмъ отъ тебя только будетъ зависѣть употребить въ свою пользу мое сердце. Изполненное чувствованія сердце весьма достойно сожалѣнія, естьли оно единственно должно учиться на собственный свой щетъ остерегаться того пола, который ищетъ только собственнаго своего удовольствія, и которымъ мы всегда будемъ обманываемы, доколѣ будемъ судить объ немъ по себѣ. „ Я увѣрила ее такимъ тономъ, на который все сердце мое согласовалось, что отъ сея минуты наиприятнѣйшимъ моимъ упражненіемъ будетъ брать ее себѣ образцомъ и слѣдовать ея наставленію.

Опытъ мой, любезный Агатонъ, научилъ меня, сколь важно для молодой дѣвушки научиться знать заблаговремянно своего пола такую особу, которая довольно превозходна овладѣть ея сердцемъ. За нѣсколько часовъ предъ симъ сердце мое изполнено было еще совсѣмъ образомъ прелестнаго Алцибіада. Сколь удобно было ему одержать надо мною побѣду, естьли бы онъ тогда, вмѣсто препорученія меня въ покровительство Аспазіи, захотѣлъ употребить средства, коими онъ весьма былъ обиленъ, получить меня въ особенную свою власть! Но онъ хотѣлъ затруднить себѣ свою побѣду, хотя онъ въ послѣдствіи больше одного раза находилъ причину желать, чтобы онъ меньше полагался на непреоборимость своихъ достоинствъ и дарованій. Первая минута, какъ я увидѣла Аспазію, казалось, переродила ме-

ня въ другую особу. Желаніе уподобиться идеяльному женскаго совершенства, которое мнила я въ ней примѣтить, сдѣлалось господствующею страстію моея души. Казалось, что сердце мое говорило мнѣ: богиня сія всегда не больше того, что и ты можешь быть; она -- только простая женщина. Мысль сія сдѣлала меня гордою передъ моимъ поломъ; а безъ сея гордости чемъ бы мы могли защититься противъ дерзости вашего? И такъ Алцибіадъ казался мнѣ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, когда я увидѣла его возлѣ Аспазіи. Блескъ ея затмѣвалъ его блескъ; я могла взирать на него безъ ослѣпленія; и по сему глаза мои не съ меньшимъ удовольствіемъ плутали по его лицу, я чувствовала прелести его не слабѣе; но я ощущала цѣну моихъ.

Аспазія имѣла почти обыкновенно каждый вечерЪ гостей, и вЪ нѣкоторые положенные дни собиралось вЪ ея домЪ все, что ни было преимущественно вЪ АѳинахЪ состояніемЪ, изящностію, духомЪ и дарованіями. Она говорила мнѣ, естьли я люблю быть лучше одна, то должны нѣкоторыя изЪ ея дѣвушекЪ пособлять мнѣ препровождать сЪ пріятностію вечерЪ. Я просила ее о томЪ. Она оставила меня сЪ новыми выраженіями нѣжности, подававшими мнѣ наисильнѣйшія понятія о благоденствіи, коимЪ я буду наслаждаться вЪ семЪ домѣ. Вскорѣ по томЪ вошли вЪ мою горницу три пріятныя молодыя дѣвицы, изЪ коихЪ самая старшая едва была двѣнатцати лѣтЪ. Онѣ уподоблялись вЪ легкомЪ и чистомЪ своемЪ одѣяніи РадостямЪ, коихЪ стихотворцы и живописцы вЪ видѣ юныхЪ дѣвицЪ заставля-

ютЪ танцовать предЪ колесницею богини любви. ВЪ короткое время сдѣлались мы другЪ другу довѣренными; ибо они принимали меня такЪ, какЪ будто бы мы вѣкЪ знались. Онѣ были Аспазіины невольницы, родившіяся вЪ ея домѣ, и, какЪ онѣ показали преимущественныя дарованія кЪ искуствамЪ МузЪ, были возпитаны кЪ ея удовольствію. Много находилось еще дѣвушекЪ сего рода вЪ домѣ, которыя бы прелестями и способностями довольно были совершенны украсить Царскій ДворЪ; и сіе вЪ такомЪ городѣ, гдѣ необузданная вольность писателей комедій не пощадила ни дарованій, ни добродѣтели, ни боговЪ, ни человѣковЪ, подало случай кЪ нѣкоторымЪ злословіямЪ, которыя не могутЪ быть тебѣ неизвѣстны. Это правда, вольность такого дома, который былЪ родомЪ храма

ма всѣхъ Музъ и боговъ радости, подавала Аристофану нѣкоторую матерію. Но дабы отнять у сея матеріи всю видность, то надлежало только разсудить, что Аспазія была супруга перваго между всѣми Греками; что Сократъ ни мало не усомнѣлся ввести въ оный молодыхъ своихъ друзей, и благороднѣйшіе Аѳинцы думали, что они не могутъ доставить супругамъ своимъ безопаснѣе сего сообщества; и что надлежало имѣть развращенные нравы Аристофановы, дабы изобразить Академію вкуса, философіи, краснорѣчія и тончайшаго образа жизни самой простой черни, которая не знаетъ и не можетъ знать того, что благородныя души называютъ радостію, какъ сонмище Бахаднокъ и Менадовъ, или какъ школу развращенія и безчестія.

Первый сей вечеръ, въ который начала я заводить знаком-

 ство

ство съ достойными любви невольницами Аспазiи, научилъ меня, сколь далеко была я еще отдалена въ единомъ искуствѣ, въ коемъ надѣялась я имѣть въ себѣ нѣкоторыя дарованiя, отъ совершенства. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того сдѣлала Аспазiя случай такъ, что казалось, какъ будто бы она пришла внезапу тогда, когда я упражнялась съ тремя дѣвушками въ пантомимическихъ танцахъ. Она сѣла между нами и сдѣлалась нашею учительницею, говоря въ шуткахъ, что она хочетъ быть нашею посредницею. Она дала намъ для танцовъ басни изъ исторiи боговъ, или приключенiя изъ ироическаго времяни. Моя переимчивость и тонкое чувствованiе получили ея благоволенiе. Въ самомъ дѣлѣ понимала я самые малѣйшiе ея знаки; и какъ она находила себѣ забаву въ продолженiи сихъ упражненiй,

неній, то въ короткое время достигла я въономъ до такого совершенства, которое можетъ быть немало споспѣшествовало мнѣ сдѣлаться ея любимицею. Ибо сама она имѣла нѣкогда славу наисовершеннѣйшей танцовщицы; да и теперь еще любила она столько сіе искуство, что она, увидя сдѣланное мною свойство или положеніе преимущественно хорошо, во мгновенномъ забвеніи того, что она была тогда, вопіяла: „мнѣ кажется, что я вижу себя, пренесенную паки въ мое юношество!„ Съ сими упражненіями сопряжены были всѣ прочія, кои у насъ Грековъ причисляютъ къ совершенному возпитанію красавицы. Аспазія, которая толикую причину имѣла почитать мое дѣло какъ за свое собственное, казалось, что хотѣла употребить все пространство своего достатка на усовершеніе такого тво-

творенія, въ коемъ она сама себѣ нравилась. Наивеличайшіе всѣхъ родовъ искусники, привыкшіе домъ Перикловъ почитать за свой собственный, усердствовали наперерывъ споспѣшествовать намѣренію великодушной моея благотворительницы. Казалось, что каждый искалъ въ томъ величайшей своея славы, когда онъ могъ похвалиться, что нѣсколько споспѣшествовалъ къ украшенію и усовершенію сея Данаи, въ коей Аспазія хотѣла произвести паки самое себя. Вся заслуга, которую я въ семъ просвоить могу себѣ самой, состояла въ переимчивости и пылающемъ желаніи понравиться такой благодѣтельницѣ, которая все для меня дѣлала, что можетъ дѣлать наилучшая мать для единородной дочери, и которую я, не взирая не обязанность, коею я ей была должна, любила несказанно самое по себѣ.

И

И сія переимчивость, сіе возторженіе къ изящному, сіе желаніе нравиться благодѣтельницѣ, коея благости ничѣмъ инымъ я не могла наградить, удовольствіе видѣть преспѣяніе намѣреній ея со мною, -- все сіе не было ли сущимъ даромъ природы?

Алцибіадъ -- ибо къ нему должны мы паки возвратиться; онъ играетъ главную ролю въ моей исторіи, и въ самомъ дѣлѣ онъ не былъ сдѣланъ, чтобы играть въ какой нибудь вещи другую, -- Алцибіадъ взиралъ съ удовольствіемъ, сколько его Данае (онъ совершенно щиталъ, что это она) подъ руководствомъ Музъ и Грацій день отъ дня становилась крашѣ. Сколь сильно ни казалось впечатлѣніе, сдѣланное ею на него въ мастерской живописца Аглаофона, однако начертаніе его было не прежде дѣлать важныя

ныя и рѣшительныя нападенія на ея сердце, покуда она подъ смотрѣніемъ Аспазіи не сдѣлается всемъ тѣмъ, чѣмъ она могла сдѣлаться. Гордости его ласкала не меньшая побѣда. Снизхожденіе Аѳинскихъ красавицъ привело его въ состояніе ожидать сего времяни съ покойнымъ духомъ; и хотя бы это стояло нѣкотораго преодолѣнія, то онъ почиталъ уже себя довольно награжденнымъ удовольствіемъ, что могъ наблюдать всѣ движенія столь новаго еще сердца и подвергать его столь многимъ изкущеніямъ, сколько ему угодно.

Молодая Данае, сколько она была ни нова, однако не пропускала примѣчать въ поступкахъ своего любовника нѣчто такое, что бы ей не подавало наивыгоднѣйшаго мнѣнія о образѣ его любви, хотя бы онъ былъ естественный,

ный, или прикрытый искуствомъ. Она примѣтила въ глазахъ его меньше удовольствія ее зрѣть, нежели желанія читать въ душѣ ея; и въ тѣ минуты, въ которыя онъ казался тронутымъ больше обыкновеннаго, усматривала она гораздо меньше нѣжности чувствованія, нежели огня желанія. Мало по малу она открыла, что онъ больше старался о томъ, чтобы убѣдить ее о силѣ собственныхъ своихъ прелестей, нежели о дѣйствіяхъ ея, и что та, которая, сдѣлавшись довольно слабою плѣниться имъ, сыскала бы въ его суетности наиопаснѣйшую ея непріятельницу. Молодая дѣвица живаго духа и тонкаго чувствованія, особливо естьли она чаетъ имѣть преимущественнѣйшія прелести, имѣетъ сама слишкомъ много тщеславія, чтобы не примѣтить тщеславіе любовника. Она почитала поступокъ

Алци-

Алцибіада за родъ вызыванія, и предприняла столь сильныя вознамѣренія, какія можетъ принять пятьнатцатилѣтняя дѣвушка, что ему на семъ пути не удастся. Но чего добродушная дѣвица сама не знала, и чего слѣдственно не могла скрыть отъ опытнаго и проницательнаго Алцибіада, было то, что она, не смотря на сіе, была довольно живо имъ плѣнена, дабы ничего не сыскать изящнѣе его стана, ничего прелестнѣе, какъ что онъ говорилъ или дѣлалъ, ничего пріятнѣе, какъ гдѣ онъ былъ, ни чьею похвалою больше не льститься, какъ его, и брать столь сильное участіе въ его славѣ, въ слѣдствіи его предпріятій, что въ самомъ дѣлѣ только весьма старая дружба, или весьма новая любовь, могла быть източникомъ оной. Выгода, выигранная чрезъ то надъ нею Алцибіадомъ, была довольно велика, нежели

чтобы она могла избѣгнуть внимания Аспазіи. Но Данае сама ослѣпилась, поелику мнимая вольность, данная имъ сердцу ея, сдѣлала ее безопасною. Пріобыкла она представлять себѣ любовь совсѣмъ подъ другимъ видомъ, нежели былъ тотъ, въ которомъ она вкрадывалась въ ея сердце. Быть важною, глубокомысленною, разсѣянною, безпокойною въ присутствіи возлюбленнаго, печальною въ его отсутствіи, не веселиться ничѣмъ, что не относится къ нему, искать уединенія, или посредѣ бесѣды воображать себѣ, что не имѣетъ свидѣтелями своихъ чувствованій, какъ дерева и стремнины и журчащіе источники, ужасаться не вѣдая чего, вздыхать не зная по чемъ, — сіи были, по мнѣнію ея, истинные припадки любовные; и какъ она изъ всего сего съ своего знакомства съ Алцибіадомъ ничего не примѣ-

чала, то и въ мысль ей не приходило полагать самомалѣйшую недовѣренность на собственное свое сердце. Алцибіадъ забавлялъ ее. Живость его, своенравіе, остроуміе его, дарованіе его изыскивать во всѣхъ людяхъ смѣшное и осмѣивать наитончайшимъ образомъ, способность его въ разсказываніяхъ и изображеніяхъ, собственное ему дарованіе дѣлать изъ бездѣлицы чрезъ придаваемое ей обращеніе нѣчто подкрѣпляющее; словомъ, всѣ сіи свойства, дѣлавшія его забавою всѣхъ разумныхъ людей, а страхомъ всѣхъ глупыхъ, дѣлали также и ей обхожденіе его пріятныхъ. Она признала вкусъ, который въ немъ находила; но не могла того понять, чтобы сей человѣкъ имѣлъ столько опаснаго; и сіе то самое было то, въ чемъ онъ для своихъ намѣреній имѣлъ нужду. Никто, кто его точно не зналъ, никогда

не

не могъ и подумать, чтобы онъ имѣлъ оныя на Данаю. Казалось, что единственнымъ его попеченіемъ было забавлять ее, и цѣлые часы разговаривалъ онъ съ нею о недостаткахъ другихъ молодыхъ женщинъ въ городѣ, не говоря ни слова о собственныхъ ея преимуществахъ. Иногда, правда, говаривалъ онъ ей о весьма лестныхъ вещахъ; но сіе случалось съ столь вольнымъ и столь возбудительнымъ видомъ, и столь легкомысленнымъ и мало страстнымъ тономъ, что онъ могъ ей сдѣлать симъ тономъ наисильнѣйшее объявленіе любви такъ, что она не почла бы за нужное, принять на минуту важнѣйшій видъ. Симъ поступкомъ хитрый Алцибіадъ получилъ сугубую выгоду. Данае привыкла не употреблять противъ его никакой предосторожности; а онъ напротивъ того подъ правомъ друга, бли-

скаго родственника Аспазіи, такого человѣка, котораго ежедневно видали, принимать всякія маленькія вольности, кои въ довѣренности, въ которой они между собою находились, казались ничего незначущими, непримѣтно разпространилъ онъ свои права, но столь изряднымъ образомъ, наблюдая столь тонкое постепенство, что Данае, не полагая ни малѣйшей недовѣренности ни на него, ни на самое себя, ни единожды не примѣчала перемѣны; естьли бы Аспазія (которая, не давъ примѣтить, наблюдала внимательно за обоими) не открыла ей глазъ о его намѣреніяхъ и о его опасности. Мысль, что она далась въ обманъ, какъ безразсудная дурочка, оскорбила гордость молодой Данаи. Она сдѣлалась внимательнѣе. Она разсматривала собственное свое сердце, и нашла, что она была бы спо-

способна любить злаго человѣка, естьли бы природа, которая была въ разсужденіи его во всѣхъ другихъ частяхъ столько разточительна, не отказала ему по нещастію въ сердцѣ. Но сіе открытіе подкрѣпило ее тѣмъ больше въ предпріятіи его за то наказать, что онъ между ею и Немеею не умѣлъ сдѣлать лучшаго различія. Аспазія, которая по особливымъ причинамъ желала видѣть гордость его униженною, научила ее, какимъ образомъ ей поступить, дабы сдѣлать ему тѣмъ чувствительнѣе потеряніе его надежды, въ то самое время когда она возмнитъ, что онъ нашелъ благополучную минуту увидѣть ее произведенною въ дѣйство. Аспазія не скрыла отъ нея опасности, могущей при семъ находиться; но честь быть первою отмстительницею за свой полъ гордому и опаснѣйшему онаго пре-

 зри-

зришелю, была слишкомЪ велика, чтобы ошважишь на все. Алцибіадъ, мало безпокоившійся, чтобы строили противу его шакіе ковы, оправдалЪ вЪ скоромЪ времяни подозрѣнія благоразумной Аспазіи. ОнЪ думалЪ, что онЪ предпринялЪ мѣры свои сЪ наибольшею предосторожностію. Все, казалось, благопріятствовало намѣренію его и обѣщало ему благополучное слѣдствіе. Данае сама была вЪ шакомЪ духѣ, который бы оживошворилЪ бодрость любовника меньше еще предпріимчиваго. Бодрость ея приближилась кЪ шой прелѣстной гордости, которая вЪ ея возрастѣ дарованіямЪ Авроры и Венеры придаетЪ нѣчто столь приманчивое. Кровь ея, казалось, играла вЪ ея жилахЪ, и очи ея обѣщали все, — что она вознамѣрилась не держать. Алцибіадъ, весьма нѣжный сластолюбецЪ, дабы чрезЪ поспѣшеніе лишить-

шиться наималѣйшаго удовольствія, которое могло усовершить цѣну его побѣды, хотѣлъ вести ее постепенными предуготовленіями, коихъ ѳеорію и употребленіе никто, гордился онъ, не зналъ лучше его. Одно изъ его правилъ было, что меньше надлежитъ помышлять о томъ, чтобы подвигнуть чувства, нежели привести въ играніе силу воображенія красавицы, на которую имѣешъ намѣренія. Въ слѣдствіе сего положенія взялъ онъ отъ разговора Сократа о *предѣлахъ изящнаго* случай спросить: сколь далеко пантомимическое искуство танцовать можетъ простираться въ представленіи нѣкоторыхъ взятыхъ изъ соблазнительной хроники Олимпа приключеній? Онъ разговаривалъ о семъ предметѣ, какъ вторый Сократъ, и принялъ, безъ сомнѣнія чтобы прельстить Данаю къ противорѣ-

 чію,

чію, важный видЪ и жестокость чувствованій, которая вЪ устахЪ сего мудреца была бы можетЪ быть достопочтенна, но вЪ Алцибіадовыхъ смѣшна. Аріадна, утѣшавшаяся прекраснымЪ БахусомЪ, была бы самимЪ СократомЪ извинена. Столь далеко, думалЪ онЪ, можетЪ вЪ вещахЪ сего рода простираться искуство. Но Леда — Леда безЪ озлобленія Грацій не могла бы танцуема быть. ИзмѣнникЪ зналЪ слабую сторону молодой особы, которую онЪ имѣлЪ предЪ собою. Данаè любила пантомимическое танцованіе до изступленія; ей приписывали вЪ ономЪ больше, нежели обыкновенное дарованіе. —

„И имѣли великую причину ей оное приписывать;„ сказалЪ АгатонЪ. —

А особливо возвышали нѣжность ея вЪ выраженіи наитончайщихЪ степеней и оттѣнива-

ниваній страстей. Прельщена его строгостію, которая казалась ей надмѣнною, а можетъ быть и возбуждена юношескимъ тщеславіемъ подать опытъ дарованій своихъ въ такомъ искуствѣ, коего трудность была неоспорима, утвреждала она, что не невозмжно было задернуть басню Леды завѣсою Сократическихъ Грацій, не наруша истины выраженія въ представленіи. Алцибіадъ утверждалъ невозможность съ такою упорностію, что не оставалось никакого другаго средства къ опровержению его, кромѣ очевидности. Увѣрясь въ своей побѣдѣ, предпріяла Данае быть Ледою; -- и естьли бы Аспазія (которая при всемъ семъ дѣйствіи была невидимымъ зрителемъ) не ласкала ей, то бы она обѣщанное изполнила. Естьли бы Грація была на мѣстѣ Леды, или вздумала ее представить, то бы она прямо также сдѣлала, какъ

сама Данае, сказала Аспазія. Но Алцибіадъ, хотя онъ и показывалъ, что былъ очарованъ танцованіемъ молодой дѣвушки и прелѣстями, сю при томъ обнаруженными, никогда не хотѣлъ признаться, что была истина въ ея игрѣ. Маленькій споръ, произшедшій о семъ между ими, сдѣлался наконецъ довольно живымъ, дабы быть по мнѣнію его знакомъ къ произшествію другаго спора, при которомъ онъ безъ сомнѣнія надѣялся одержать побѣду. Что возпрепятствовало молодой его пріятельницѣ сдѣлать дѣйствительно торжествомъ ея искуства, было, думалъ онъ, недостаткомъ въ опытности. Онъ ей предложилъ свои услуги, и сдѣлалъ оное толь обязательнымъ образомъ, что новая *Леда*, естьли бы она не остереглася, съ трудомъ бы можетъ быть избѣгла той участи, которую имѣлъ нѣкогда ея по-

подлинникЪ. Но предостереженія и наставленіе Аспазіи — и, что безЪ сомнѣнія больше всего споспѣшествовало ея слабости, извѣстность тайнаго Аспазіина присутствія -- подали ей подкрѣпленіе, котораго конечно АлцибіадЪ не ожидалЪ. Однако сопротивленіе ея имѣло весьма много приманчиваго, чтобы быть принятy столь храбрымЪ воиномЪ, каковЪ онЪ былЪ, за важное. И такЪ онЪ продолжалЪ мнимую свою побѣду; но когда онЪ меньше всего надѣялся то, ушла у него изЪ рукЪ непереимчивая Леда. ОнЪ зналЪ коротко домЪ Аспазіи, дабы не вѣдать, что путь, принятый ею вЪ бѣгствѣ, велЪ вЪ маленькій кабинетЪ, коего разположеніе для наставленій, которыя онЪ намѣренЪ былЪ ей дать, было еще приличнѣе того мѣста, вЪ коемЪ они находились. Сіе казалось быть обстоятельствомЪ хорошаго пред-

 зна-

знаменованія. И такъ онъ думалъ, поспѣшая за нею, быть столько же по крайней мѣрѣ увѣреннымъ въ своемъ дѣлѣ, какъ Аполлонъ, преслѣдовавшій убѣгающую Дафну на берегъ Пенейскій. Но сколь велико было его возхищеніе, когда онъ при входѣ въ кабинетъ увидѣлъ ее ввергнувшуюся въ объятія Аспазіи, такой особы, коея присутствія ожидалъ онъ здѣсь столько же мало, сколько она ему была рада! Встрѣча сія походила на заговоръ, чтобы почитать за случай; и никогда можетъ быть въ жизни его не стояло ему столько, чтобы не показать неудовольствія, что онъ столь неосторожно былъ пойманъ собственными своими силками. Однако между тѣмъ нечего было инаго дѣлать, какъ согласно съ Данаею сдѣлать изъ всего дѣла шутку и смѣяться между тѣмъ сколько возможно было, когда обѣ

дамы

дамы надъ неудачею намѣренія, въ коемъ онѣ его обвиняли, шутили столь долго со всякою остротою Аттическаго остроумія, пока онъ, наскуча досадною ролею, которую онъ при томъ игралъ, удалился, не зная, какимъ бы образомъ принять отмщеніе, коимъ онъ въ сердцѣ своемъ клялся маленькой обманщицѣ и ея безвремянной покровительницѣ.

Впрочемъ дурно или хорошо сдѣлала прекрасная Аспазія, что подвергла молодую дѣвицу, у которой взялася она заступить мѣсто матери, такой опасности, которой избѣгнуть безъ всякаго вреда всегда было невозможно, сіе не можетъ быть вопросомъ. Безъ сомнѣнія она сдѣлала дурно; но уповательно совсѣмъ ей въ мысли не приходило сдѣлать изъ Данаи нѣчто совершеннѣйшее, нежели вторая Аспазія. Можетъ быть

также

также впечатлѣнія, которыя могли отъ сего дѣйствія остаться въ воображеніи молодой сея особы, почитала она не столько значащими, чтобы онѣ перевѣсили выгоду, которую бы ей принесло подобное упражненіе въ искуствѣ хитрость хитростью уничтожать, искуствѣ, коего, по ея мнѣнію, въ Данаиныхъ обстоятельствахъ и съ дарованіями, ей приписываемыми, не можно было иначе не знать, какъ на щетъ собственной ея безопасности. Какъ бы то ни было, но сіе подлинно, что Данае всемъ своимъ въ семъ приключеніи воздержаніемъ въ глазахъ Аспазіи безконечно много выиграла. Съ сего времяни встрѣчала она ее, какъ такую особу, которой она могла ввѣрять всѣ свои тайны и сообщать всѣ свои познанія. „Ты сдѣлана, говорила она ей, осыпая наинѣжнѣйшими объятіями, быть по-

послѣдовательницею Аспазіи; участіе, которое я въ томъ буду принимать, успокоиваетъ довольно мою гордость, дабы взирать безъ зависти, что подражательница превозходитъ самый свой образецъ.„ Больше, нежели когда нибудь, занималась она теперь попеченіемъ образовать ея разумъ, научить ее познавать человѣка и свѣтъ; а особливо старалась она наставить ее въ тайнахъ искуства; чрезъ которое умѣла она сдѣлать самого Сократа своимъ ученикомъ, Перикла своимъ супругомъ, а ее самое безъ другихъ преимуществъ, кромѣ ея дарованій и способностей, сдѣлала душею всеобщихъ дѣлъ, произходившихъ въ ея время въ Греціи. Собственное свойство Данаино, которое совсѣмъ удаляло ее отъ мысли играть нѣкогда великую ролю на театрѣ свѣта, не позволяло ей, возпользоваться примѣ-

мѣромъ и наставленіемъ Аспазіи столь совершенно, сколько, казалось, сія желала; но однако она признается, что она образованіемъ своего разума, отонченіемъ своего вкуса и познаніями, коихъ достоинство цѣнить научилъ ее опытъ, ей одной обязана была благодарностію. Должна ли она тебѣ еще больше признаться, Агатонъ? Частные Аспазіины разговоры со мною, или при которыхъ позволялось мнѣ быть слушательницею, казались мнѣ столько важными, что я не желала потерять изъ нихъ ни слова. И такъ я ихъ записывала тогда тайно, когда они находились у меня въ свѣжей памяти; и я сдѣлала мало по малу собраніе разговоровъ сея чрезвычайной госпожи, кои я всегда почитала за величайшее мое сокровище. Сіе сокровище, какъ ты можешъ думать находится еще въ моихъ рукахъ.

Было

Было такое время, въ которое я ихъ почитала за тайны, которыя я столь постоянно, какъ Пиѳагореенка свои, скрывала отъ нечестивыхъ глазъ. Но сверьхъ того, что намѣренiй, кои я при семъ могла имѣть, больше не находится, то для чего мнѣ желать скрывать ихъ отъ такого друга, какъ Агатонъ? И такъ ты ихъ увидишъ, Агатонъ; и я увѣрена, что я не могу сдѣлать большей чести памяти моея другини — наисовершеннѣйшей смертной, отмстившей нѣкогда вашему полу за славу нашего рода.

Глава седмая.

Новыя явленiя. Опытъ философiи прекрасной Аспазiи.

Какъ читателю мало въ томъ нужды, сколько разъ Данае была прерываема въ своемъ повѣствованiи

ніи или междорѣчіями своего слушателя, или другимъ случаемъ; то мы думаемъ лучше сдѣлать, естьли мы примемъ, какъ будто бы она никогда не была прерываема, и допустимъ ее говорить сколько ей угодно; однако съ такимъ условіемъ, что мы не обязаны внимать ее долѣе, какъ пока намъ выгодно будетъ.

Алцибіадъ (продолжала она) вмѣнилъ себѣ въ великую досаду, не только по тому, что намѣреніе его на младую Данаю, которую онъ какъ за свое законное богатство почиталъ, не удалось — ибо сіе можно было еще паки изправить, думалъ онъ — но что сіе случилось такимъ образомъ, который, хотя онъ и могъ ласкаться не сдѣлаться чрезъ то баснею Аѳинъ, унижалъ его по крайней мѣрѣ въ собственныхъ его глазахъ. Онъ мнилъ, что онъ не мо-

можетЪ лучше за то отмстить ДанаѢ, какЪ показаніемЪ ея равнодушія, которое ей, естьли она когда нибудь ласкалась тронуть его сердце, не оставляло ни тѣни таковаго воображенія. На сей конецЪ похитилЪ онЪ столь явно и сЪ толь великимЪ шумомЪ, какЪ только всегда сдѣлать возможно, молодую Аспазіину невольницу, которая, кромѣ превозходнаго разположенія кЪ разпустности ничего не имѣла, что бы могло оправдать стремительную страсть, которою онЪ пылалЪ кЪ ней, какЪ весьма посредственный голосЪ и нѣкоторое дарованіе кЪ пантомимамЪ. Мысль его при семЪ, вЪ намѣреніи чувствительно опечалить Аспазію и ея молодую пріятельницу, была сіе маленькое созданіе сдѣлать наидостойнѣйшею удивленія особою вЪ Греціи, или по крайней мѣрѣ увѣрить свѣтЪ, что она такая. Привыкши из-

давна во всѣхъ вещахъ давать тонъ; окруженъ толпою друзей, льстецовъ и объѣдалъ, кои безъ всякаго разсудка дѣлались слѣпыми оружіями всѣхъ его замысловъ и составляли подло Дворъ его; упорно приступя къ продолженію намѣренія единожды предпріятаго, сколько бы непреодолимо было сопротивленіе; не щадя ни трудовъ, ни иждивенія, сколько бы они велики и многостоящи ни были; готовъ овладѣть всѣми средствами, сколько бы онѣ ни казались безумными; ему и удалось, хотя со многимъ трудомъ, сдѣлать маленькую Паннихису на нѣсколько минутъ идоломъ Аѳинцовъ. Но торжество унизить симъ средствомъ Аспазію и молодую ея пріятельницу столь, сколько онъ ласкался, было неограниченною переимчивостію послѣдней къ наставленіямъ первой уничтожено.

Дабы

Дабы остаться столько чистосердечною, сколько я до сего была въ моемъ повѣствованіи, то я не скрою, что молодая Данае, чрезъ впечатлѣніе, оставшееся отъ сего дѣйствія въ ея мысляхъ, заплатила гораздо дороже за злобное удовольствіе сыгравъ съ Алцибіадомъ маленькую сію шутку. Какъ скоро осталась она одна, то воображеніе ея представило ей кучу прелѣстныхъ образовъ. Обезпокоивающее любопытство возбудило въ ней желаніе знать, что бы изъ того произошло, естьли бы она показывала Алцибіаду больше случаевъ. Иногда желала она себя видѣть въ подобныхъ обстоятельствахъ. -- Желаніе сіе приводило ее въ стыдъ, когда она размышляла; но не въ ея состояло власти — и въ самомъ дѣлѣ не употребляла она великаго насилія -- погасить сіе желаніе. Съ сего времяни она не видѣла ничего

го кромѣ Алцибіада; образъ его представлялся ей съ столь живыми цвѣтами и съ столь побѣдительными прелѣстями, что спокойствіе сердца ея начинало отъ оныхъ страдать. Разсуди самъ, сколь чувствительно долженствовало ей быть, въ такомъ положеніи духа зрѣть себя презираемою и оставленною ради Паннихисы! Безъ помощи Аспазіи была бы она слишкомъ слаба, чтобъ скрыть отъ измѣнника печаль, ею чувствуемую, а особливо, когда рѣдкій день протекалъ, чтобы онъ не приходилъ мучить ее доказательствами совершеннѣйшаго своего къ ней равнодушія и описаніями безконечныхъ прелѣстей ея соперницы и ея страсти. Но Аспазія, которая и безъ довѣренности, съ коею Данае открывала ей обыкновенно все произходившее во глубинѣ ея сердца, примѣчала каждое движеніе души ея, уско-

ускорила ей въ самую пору на помощь. Какъ она скоро открыла, что болѣзнь молодой ея пріятельницы имѣетъ свое гнѣздо больше въ воображеніи, нежели въ сердцѣ, то врачеваніе казалось ей тѣмъ легче; и хотя сія дѣвица простерла къ ней откровенность свою не совсѣмъ столь далеко, какъ къ себѣ самой, однако она мнила примѣтить, что разгоряченіе ея воображенія и чувствительность оскорбленнаго ея самолюбія послужатъ каждому любви достойному человѣку, который бы умѣлъ возпользоваться тою минутою, а ей по крайней мѣрѣ подалъ бы силы противупоставить безпристрастію Алцибіада столько холодности, сколько потребно, дабы привести его при его вторично неудавшемся и столь дорого купленномъ ожиданіи до отчаянія.

Аксіохъ, молодый человѣкъ, который въ разсужденіи всего не уступалъ никому, кромѣ Алцибіада, да и сему (хотя онъ былъ изъ числа его друзей) не охотно отдавалъ преимущество, былъ такой человѣкъ, чрезъ котораго вѣрнѣе всего надѣялась она достигнуть своихъ намѣреній. Съ первой минуты возымѣлъ онъ къ Данаѣ сильную страсть, которая чрезъ сопротивленіе, найденное имъ въ предразсужденіи ея къ его другу, сдѣлалась только тѣмъ сильнѣе. Двадцать человѣкъ другихъ находились почти въ подобномъ же случаѣ; но Алцибіадъ содержалъ ихъ всѣхъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Чудное приключеніе его съ танцовщицею Паннихисою возобновило ихъ стараніе и требованіе. Мысль разсѣять весь сей рой соперниковъ, и Алцибіада самого — который, по своему обыкновенію, тщеславился,

что

что онЪ надЪ сердцемЪ Данаи одержалЪ совершеннѢйшую побѢду, нежели какая была дѢйствительно —— изгладить изЪ ея памяти, казалось прекрасному Аксіоху достойнымЪ изпытать всѢ прелѢсти противЪ весьма мало довѢрчивой Данаи. Аспазія, будучи его сродникомЪ, подкрѢпляла его надежды; и Данае, не могши дать самой себѢ отчета обо всемЪ, произходившемЪ вЪ ея сердцѢ, оправдала вскорѢ подозрѢнія прозорливѢйшей своея благопріятельницы. Не ощущая ничего кЪ Аксіоху изЪ тѢхЪ нѢжныхЪ движеній, кои однѢ достойны имяни любви, она непримѢтно почувствовала, что тронута прелѢстями его особы; и хотя она не имѢла никакого намѢренія ободрять его домогательства, однако слухЪ ея охотно склонялся кЪ влюбленнымЪ его заклинаніямЪ, и очи ея сЪ удовольствіемЪ плутали по лицу его,

 ко-

которое — кромѣ неизъяснимой прелѣсти, собственной Алцибіаду, — разсуждаемо яко статуя многихъ собственныхъ ея прелѣстей было предпочитаемо. Не желая предвидѣть, куда заведетъ ее сія безпечность, отдалась она пріятному и для нее новому игранію побужденія и тщеславія, соединившихся утѣщать ее въ потеряніи такого любовника, котораго поступокъ достойное ненависти изображеніе, сдѣланное ей о немъ Аспазіею, казалось, столько оправдывало. Аксіохъ, который ласкался, получая съ каждымъ днемъ новую выгоду надъ сердцемъ Данаи, и который при всемъ познаніи нашего пола (вѣщи знанія, на которое онъ слишкомъ полагался) не примѣтилъ, что онъ обязанъ былъ благодарностію за всѣ сіи мнимыя выгоды не себѣ самому, но единственно сему Алцибіаду, котораго думалъ онъ,

что

что изгладилъ. — Однако Аксіохъ, говорю я, сдѣлался бы можетъ быть наконецъ щастливымъ чрезъ заблужденіе обманутой собою Данаи, естьли бы Аспазія не заступила вторично мѣсто добраго ея Геніуса. Чрезвычайная сія госпожа отважилась въ самое то время, когда она подчиненную свою водила по скользскимъ путямъ, на коихъ невинность при каждомъ ступени находится въ опасности поскользнуться при каждомъ изъ ея движеній, и употребляла все проницаніе, которое подавали ей глубокій ея разумъ и великое познаніе сердца, сохранить ее отъ преткновенія. — Для чего — о Агатонъ! — для чего должна была притти нѣкогда та минута, въ которую соединившіяся прелѣсти сердца, воображенія и чувствъ обезсилили дѣйствіе ея наставленій!

„Мущины, говорила ей Аспазія, изъ присвоенной себѣ власти и совершенства, на кои не могутъ они показать никакого права, сдѣлали съ нами наинесправедливѣйшее раздѣленіе, какое только вздумать можно, не довольствуяся тѣмъ, что изключили насъ отъ всѣхъ важныхъ дѣлъ, овладѣли самопроизвольно законоположничествомъ, устроили его совсѣмъ въ собственную свою пользу; а насъ напротивъ того мучительскимъ образомъ принудили повиноваться законамъ, къ коимъ мы не подавали нащего согласія, и которые лишаютъ насъ всѣхъ правъ разумныхъ и вольнорожденныхъ существъ. Сдѣлавъ все, что отъ нихъ зависѣло, дабы отнять у насъ и мысль къ возмущенію противъ незаконнаго ихъ господствованія, довольно они неблагодарны, что еще ругаются надъ нашею слабостію, кото-

торая есть ихъ твореніе; называютъ насъ слабѣйшимъ поломъ; поступаютъ съ нами, какъ будто бы мы были дѣйствительно таковы; въ награжденіе за всю неправду, которую мы отъ нихъ претерпѣваемъ, требуютъ нашей любви; употребляютъ всякія прельщенія, какія только вздумать можно, дабы увѣрить насъ, что они не могутъ быть щастливы безъ нашей нѣжности; однако наказываютъ насъ за то, когда мы ихъ ощастливимъ. Но въ семъ единомъ пунктѣ нахожу я ихъ похвалы достойными. Мы безъ сомнѣнія заслуживаемъ наказаніе, когда мы довольно слабы, что любимъ враговъ нашего спокойствія, мучителей нашей жизни, похитителей правъ, родившихся съ нами. Для чего не ощущаемъ мы выгодъ, данныхъ намъ природою надъ ними? Для чего мы ихъ не употребляемъ? Намъ надлежало

быть

быть слабѣйшимъ поломъ, а имъ крѣпчайшимъ? Смѣшныя творенія! Какъ не стыдно тщеславиться имъ передъ нами своею крѣпостію, когда наислабѣйшая изъ нашей среды имѣетъ въ своей власти, естьли ей угодно, улыбающимся или суровымъ взоромъ повергнуть къ ногамъ своимъ ихъ ироевъ, самыхъ ихъ мнимыхъ полубоговъ? Во благости сердца нашего находится слабость наша. Наипрекраснѣйшая изъ нашихъ добродѣтелей есть, которую сіи безстыдные вмѣняютъ намъ въ преступленіе. — Они наикрѣпчайшій полъ? Какая сыщется способность, какое дарованіе, искуство, совершенство, добродѣтель, которою бы мы въ большемъ степени не обладали предъ ними? Въ красотѣ, прелѣсти, нѣжномъ чувствованіи, проворствѣ и пылкости духа, великодушіи, да и въ самой рѣшимости и твердости, неоспоримо пре-

превозходимъ мы ихъ ; — и я бы желала видѣть такого человѣка, который бы имѣлъ бодрость дѣлать или сносить все то, что женщина способна дѣлать или сносить. Въ которомъ полѣ имѣемъ мы больше примѣровъ чрезвычайныхъ дѣйствій, которыя великая душа предпріять только можетъ? И всѣ сіи преимущества — суть только остатокъ ими у насъ отнятаго! Лишены будучи ими, сколько имъ возможно, всѣхъ взпомогательныхъ средствъ къ усовершенію нашему, сохранили мы только то, чего сіи тиранны не могли у насъ похитить; и сіе самое доказываетъ, что бы мы были, естьли бы возпитаніе, которое они намъ даютъ, предразсужденія, которыя они въ насъ внушаютъ, кругъ малостей, въ который они насъ запираютъ, не препятствовали обнаруженію и свободному полету (теченію) всѣхъ

всѣхъ нашихъ способностей? — Но тиранны наши уничижили насъ до того, что мы служимъ имъ орудіемъ ихъ удовольствія. Они бы страшили силу нашихъ прелѣстей, естьли бы подкрѣпляемы были совершенствами духа. Они чувствовали, что имъ тогда не возможно бы было утвердить господства, на которое они кромѣ твердости ихъ составовъ не имѣютъ ни малѣйшаго естественнаго права. Словомъ, имъ удалось подвергнуть насъ подъ иго; и ихъ похищеніе долготою времяни весьма утвердилось, такъ, что немногія изъ насъ, достигшія какимъ нибудь благосклоннымъ случаемъ до обладанія естественныхъ своихъ преимуществъ, могли помышлять о предпріятіи свободить свой полъ отъ ярма, на него возложеннаго. И такъ все что намъ остается, состоитъ въ томъ, чтобы всякая, сколько

воз-

возможно, пеклась сама о себѣ; и естьли есть такая, которая довольно была щастлива, что могла довести до того, какъ Аспазія, то для чего не быть ей склонной дѣлаться полезною молодымъ особамъ своего пола, которыя чрезъ преимущественныя дарованія назначены природою къ благороднѣйшей ролѣ, сообщеніемъ можетъ быть довольно дорого купленной мудрости; а особливо когда ей никакого другаго не остается пути услужить своему полу?„

„И такъ послушай меня, возлюбленная Данае, продолжала она, и будь увѣрена, что щастіе твоея жизни зависѣть будетъ отъ употребленія, которое ты будешъ дѣлать изъ того, что я тебѣ сказываю. Особа нашего пола, которая видитъ себя одаренною двоезнаменательнымъ преимуществомъ,

ствомъ обратить на себя глаза мущинъ больше, нежели обыкновеннымъ степенемъ прелѣстей, должна устремлять всѣ свои старанія и попеченія къ сугубой цѣли — содержать самое себя отъ сихъ господъ творенія независимою и получать столько власти надъ ними, сколько всегда возможно. Что касается до послѣдняго, то природа снабдила насъ родомъ очаровательныхъ оружій, противу которыхъ вся ихъ мнимая сила и мудрость остается безъ дѣйствія. Вотъ здѣсь выгода, которая совсѣмъ на нашей сторонѣ. Но по нещастію, кажется, природа, упражнена будучи стараніемъ вооружить насъ къ нападенію на сердца нашихъ противниковъ, забыла укрѣпить надлежащимъ образомъ наши собственныя.

Защищеніе, возлюбленная Данае, есть наша слабая сторона; и

и здѣсь-то больше всего нужно намъ ошибку природы поправлять искуствомъ. Весьма воспламенительныя чувства, пылкое и всегда дѣйствующее воображеніе, и сердце, изполненное пріязненныхъ нѣжныхъ чувствованій, съ одной стороны составляютъ величайшее наше достоинство, но съ другой прямо то, что насъ подвергаетъ надежно ухищреніямъ нашихъ непріятелей. Не удивляйся, что я употребляю толь жестокое слово. Нѣтъ ничего нужнѣе, какъ чтобы ты пріобучала свое воображеніе представлять себѣ мущинъ подъ симъ ненавистнымъ образомъ. Молодая особа по благости и чистосердечію собственнаго своего сердца весьма склонна почитать каждаго, кто ей ласкаетъ, за друга. Когда она, въ щастливомъ согласіи со всею природою, бросаетъ около себя благоволительные взоры, откуда можетъ она

въ такомъ твореніи, коего приближеніе сердце ея ввергаетъ въ толь нѣжныя движенія, коего слова столь роскошно вкрадываются въ ея душу, подозрѣвать нарушителя ея благополучія? Однако сіе истинный видъ пріятнаго обманщика, который, когда добросердечное наше дурачество не оставило ему больше ничего желать, столько бываетъ несходенъ съ тою особою, которую онъ представлялъ, когда его обнадеживающій взоръ могъ приводить въ возхищеніе, каковыми могутъ быть два существа совсѣмъ различнаго рода.„

„Наибезопаснѣйшія средства предохранить сердце наше противъ ихъ обмановъ, состоятъ въ томъ, когда мы научаемся ихъ знать столь хорошо, что они не могутъ вдохнуть въ насъ никакого почтенія –– (ибо сіе есть обы-

обыкновенно то чувствованіе, подъ покровительство котораго любовь наша скрывается); -- когда мы имѣемъ великое мнѣніе о достоинствѣ нашего пола, и малое о ихъ родѣ; -- когда мы научаемся унижать и проникать мнимыя ихъ преимущества до ихъ дѣйствительной цѣны, и увѣрять себя, что сіе было бы вершиною дурачества, захотѣть награждать ихъ еще за выгоды, получаемыя ими отъ нашего притѣсненія; -- когда мы, вмѣсто того, чтобы источникомъ мнимыхъ ихъ къ намъ чувствованій ослѣплять самихъ себя, довольно чистосердечны, чтобы самимъ себѣ признаваться, что это только успокоеніе ихъ желаній, или ихъ суеты, чего они въ насъ ищутъ; -- когда мы, не стыдяся глупымъ образомъ природы, отдаемъ самимъ себѣ на семъ пунктѣ столько же справедливости, какъ имъ; -- и

наконецЪ когда мы ищемЪ упражненіями и разсѣяніями притупить остроту нашихЪ чувствованій, и, подвергая духЪ нашЪ вдругЪ столь многимЪ и многоразличнымЪ впечатлѣніямЪ, сколько всегда возможно, препятствуемЪ, чтобы никакой особливый предметЪ не овладѣлЪ всею нашею чувствительностію. Награжденіе, которое избавляетЪ насЪ отЪ труда бодрствовать надЪ собственнымЪ нашимЪ сердцемЪ и награждаетЪ насЪ богато за пріятныя сновидѣнія, которыхЪ мы лишаемся, отказываяся отЪ любви, есть удовольствіе видѣть себя вступающими во всѣ права нашего пола заслугами нашего собственнаго поведенія. Ибо чѣмЪ менѣе доставляемЪ мы власти почитателямЪ нашимЪ надЪ нашимЪ сердцемЪ, тѣмЪ больше бываетЪ достигаемая нами власть надЪ ихЪ сердцами. Я напередЪ предполагаю

гаю то, что само чрезЪ себя разумѣется, что мы не можемЪ имѣть довольно прелѣстей, довольно дарованій и довольно свойствЪ, чтобЪ привлечь, понравиться, очаровать, дать себѣ прелѣсть новости, и чрезЪ различіе и величество выгодЪ, кои находятЪ они вЪ нашемЪ обхожденіи, могли сдѣлать себя имЪ необходимыми. Вся ѳеорія, о которой я тебѣ говорю, сдѣлана только для Данаи и ей подобныхЪ. Но сверьхЪ того, что намЪ несравненно удобнѣе, нежели мущинамЪ, достигнуть во всѣхЪ вещахЪ совершенства; то не должна ли быть сугубая выгода, получаемая нами чрезЪ образованіе нашего духа, способна сдѣлать то, чтобы мы могли преодолѣть наивеличайшія затрудненія, которыя бы могли быть сЪ онымЪ сопряжены? Красота есть превозходный лакЪ для приданія цвѣта преимуще-

 ствамЪ

ствамъ духа и дарованіямъ высочайшаго блеска. Но нѣтъ ничего извѣстнѣе, какъ что она сама больше обратно получаетъ отъ нихъ, нежели имъ даетъ, и что преимущества духа, просвѣщеннаго, возвышеннаго и отонченнаго изящными познаніями, любомудріемъ и вкусомъ, соединеннаго съ привлеченіями блестящей остроты и пріятнаго обхожденія, довольны, дабы сдѣлать торжествующею наизначащую красоту надъ всякимъ оживляющимъ Венеринымъ образомъ, которому недостаетъ въ семъ внутреннемъ источникѣ многоразличныхъ и никогда несостарѣвающихся прелѣстей. Красота производитъ сильнѣйшее свое дѣйствіе при первомъ воззрѣніи, и теряетъ превлекательную свою силу по мѣрѣ сводимаго съ нею знакомства. Сверьхъ сего находятся такіе часы, дни, цѣлые періоды жизни, въ которые особливыя

ливыя обстоятельства тѣла, или духа — насыщеніе — своенравіе — изчерпанные жизненные духи — или попеченія и безпокойство духа — важныя дѣла, или морозъ старости противятся всему прочарованію красоты. Вотще прекрасная Цирцея дотрогивается до Улисса своимъ волшебнымъ хлыстикомъ и приказываетъ ему принять видъ, который она хочетъ ему дать; огражденъ будучи предохранительнымъ средствомъ, даннымъ ему Минервою, безъ превращенія останется Улиссъ, стоящій предъ нею; Цирцея кажется для него не волшебницею, но простою женщиною. Но какъ скоро Сирены, между тонкими ласкательствами его славолюбія, начали его приглашать къ удовольствіямъ духа, говорить ему, что онѣ знаютъ все случившееся и имѣющее случиться, — тогда почувствовалъ онъ непреоборимое

прельщеніе, потерялъ всю власть надъ самимъ собою, и бросился бы въ волны, чтобы переплыть къ берегамъ сихъ побѣдительницъ душъ, естьли бы спутники его не привязали его гораздо крѣпче къ райнѣ. Я не знаю, имѣлъ ли Гомеръ намѣреніе возвѣстить подъ сими образами истину, о которой я говорю; но сіе подлинно, что они не могли лучше къ тому приличествовать, естьли онъ нарочно къ тому ихъ избралъ. Красавица, которая, не сдѣлавшись для того меньше предметомъ пріятныхъ чувствованій, умѣетъ плѣнить разумъ любовника, или -- что въ основаніи то же самое значитъ -- сердце любовника; которая ему своими совѣтами въ дѣлахъ, своею остротою въ смутныхъ обстоятельствахъ, своими шутками въ пасмурные часы, забавными дарованіями, когда онъ хочетъ быть уве-

увеселенѣ, важными разговорами, когда онѣ желаетѣ наслаждаться удовольствіемѣ подкрѣпительнаго собесѣдованія, можетѣ сдѣлать себя нужною и заставить его возчувствовать необходимость, которую онѣ имѣетѣ вѣ ней; — красавица, которая есть ученица и подруга Музѣ, и получила отѣ Харитинѣ дарованіе разливать пріятность и миловидность по всему, что она говоритѣ и дѣлаетѣ; повѣрь мнѣ, Данае, что сія красавица есть больше царица, нежели любимая невольница Персидскаго Монарха. Она господствуетѣ надѣ сердцами. Все, что имѣетѣ чувствованіе и разумѣ, присягаетѣ ей. Философы, ирои, высокіе умы и великіе во всякомѣ родѣ люди составляютѣ ея Дворѣ. Изѣ очей ея, изѣ устѣ ея ожидаетѣ каждый подтвержденія собственнаго своего преимущества. Стихотворецѣ,

 худо-

художникъ не прежде бываетъ доволенъ своимъ твореніемъ, пока не обнадѣется получить ея снизхожденіе; и самъ мудрецъ не краснѣетъ слыть ея ученикомъ. Но не только на царство изящнаго простирается ея господствованіе; втеченіе ея на управляющихъ кормиломъ государства дѣлаетъ ее первою побудительницею пружинъ политическаго свѣта, и гораздо чаще, нежели думаютъ тѣ, которые не проникаютъ во внутренность машины, рѣшитъ она, хорошо или худо, участь народовъ. Мы находимся наединѣ, Данае, — для чего должна меня удерживать ложная скромность представлять тебѣ во всемъ меня самое примѣромъ? Прекрасная Таргелія, играя долгое время наиблестящую ролю, взошла наконецъ въ Ѳессаліи на престолъ. Сія Таргелія была мнѣ самое то, что я тебѣ желаю быть. Наставленіе ея и ея при-

мѣръ

мѣрѣ образовали меня. Слава, пріобрѣтенная мною уже въ Милетѣ, простерла мнѣ путь въ Аѳины. Женщина, которая со всемъ, чего ищутъ мущины въ нашемъ полѣ, соединяла всѣ свойства, которыя она привыкла почитать за себѣ только собственныя, была въ Аѳинахъ родомъ чуда. Аспазія возбудила всеобщее вниманіе. Въ короткое время сдѣлалась она предметомъ удивленія однихъ и зависти другихъ. Ей поставили то въ преступленіе, что она привлекла въ домъ свой наиблагороднѣйшихъ и важнѣйшихъ особъ въ государствѣ прелѣстями удовольствій; и точно отъ того, что оный открытъ былъ только особамъ перваго чина, или отмѣннѣйшихъ заслугъ, взяла большая часть изключенныхъ изъ сего поводъ злословить ея нравы. Но она продолжала своимъ путемъ. Довольна будучи тѣмъ, что видѣла

дѣла между своими друзьями первыхъ мужей въ государствѣ, презирала она молву народную и насмѣшки Аѳинскихъ шутокъ. Домъ ея былъ родомъ Академіи изящнѣйшихъ духовъ и наивеличайшихъ въ Греціи художниковъ. Министры посѣщали оный для отдохновенія отъ трудовъ въ нѣдрѣ Музъ и Грацій; Анаксагоры и Сократы для просвѣщенія своея философіи; Фидіасы и Зевксесы для почерпнутія изящныхъ идей; стихотворцы для очищенія въ послѣдніе своихъ сочиненій; благороднѣйшее и изящнѣйшее юношество Аѳинское для образованія себя, или по крайней мѣрѣ для того, чтобы оно могло похвалиться, что оно образовано въ училищѣ Аспазіи. Многіе изъ первыхъ ораторовъ Греціи почитали себѣ за честь, что научились таинствамъ своего искуства у Аспазіи; — и сія Аспазія — которая

рая въ первомъ своемъ началѣ не болѣе была Данаи, когда прекрасный Алцибіадъ избавилъ ее отъ мастерской живописца Аглаофона и ногтей старой Кробилы, -- кончила тѣмъ, что сдѣлалась супругою Перикла и господствовала нѣсколько лѣтъ надъ всею Греціею безъ діадимы неограниченнѣе, нежели учительница ея Таргелія въ Ѳессаліи съ Діадимою."

"Но позволь мнѣ сказать вторично о томъ, чего не можно довольно часто повторять. Аспазія никогда бы не играла сея благородной роли, была бы по большей мѣрѣ Немея, или Ѳеодота (*), естьли бы она меньше господствовала надъ своимъ сердцемъ, меньше была осторожна въ своемъ поведеніи и (не смотря на достойное презрѣніе сужденія народнаго) мень-

(*) Имяна двухъ по своей красотѣ славныхъ тогдашняго времяни подругъ.

меньше старалась о снисканіи почтенія у тѣхъ, коихъ снизхожденіе служитъ поручительствомъ по всеобщемъ благоволеніи. Не думаешъ ли ты, чтобы Периклъ вздумалъ сдѣлать ее супругою, естьли бы онъ нашелъ причину только надѣяться, что онъ получитъ ее за другую цѣну?,,

Я хотѣла, любезный Агатонъ, (продолжала Данае по нѣкоторой перемѣшкѣ) дать тебѣ чрезъ сіе отступленіе понятіе о сихъ разговорахъ Аспазіи, которыя обѣщалась я сообщить тебѣ писменно. Случай меня побудилъ; я не могла противиться впечатлѣнію, оставшемуся въ памяти моей отъ сихъ рѣчей. Склонность ея ко мнѣ, приращавшаяся ежедневно, простерлась наконецъ столь далеко, что она ввѣрила мнѣ исторію свою, не скрывая самой тайной оной части, съ такою чисто-

стосердечностію, которая чрезъ смѣшеніе множества тонкихъ и поучительныхъ примѣчаній сдѣлала меня къ себѣ безконечно приверженною.

Здѣсь прервалъ рѣчь ея Агатонъ, дабы увѣрить ее, что повѣсть сія и для него не меньше будетъ полезна. „Ибо, примолвилъ онъ, я надѣюсь, что Данае не меньше помнитъ о написаніи, какъ и прочихъ разглагольствій прекрасной Аспазіи.„ Отвѣтъ ея подалъ ему нѣкоторую надежду, что она можетъ быть любопытство его удовольствуетъ и въ семъ случаѣ; и тогда, по прозьбѣ его, продолжала она собственную свою исторію слѣдующимъ образомъ.

Глава

Глава осьмая.

Смерть Аспазіи. Первое заблужденіе прекрасной Данаи.

Данае въ рукахъ столь превозходной женщины, какова была вдова Перикла, могла бы удобно сдѣлаться второю Аспазіею. Ей и ласкали въ послѣдствіи симъ именемъ, которое въ глазахъ ея замыкало все то, что можно вообразить изящнаго, любви достойнаго и великаго въ женщинѣ. Но хотя она личными своими свойствами и своимъ поведеніемъ и не показала себя недостойною таковой учительницы; однако то подлинно, что природа вложила въ сердце ея источникъ слабости, которая отняла у наставленій и совѣтовъ мудрой Аспазіи наивеличайшую часть своея силы и была причиною, что она столь далеко оставалась позади своего возлюбленнаго и удивительнаго под-

подлинника. Послѣдствіе ея исторіи будетъ содержать больше, нежели ясные онаго доказательства.

Какъ она съ того послѣдняго разговора отдалась больше, нежели когда нибудь, руководству, то тѣмъ ей удобнѣе было уничтожить намѣреніе противъ нея прекраснаго Аксіоха; поколику впечатлѣнія, которыя онъ на нее сдѣлалъ, были недовольно сильны, дабы проникнуть даже до ея сердца. Однако между тѣмъ принимала она его, по собственному совѣту Аспазіи такъ хорошо, что весь свѣтъ, да и Алцибіадъ (который, не смотря на мнимую свою безпечность, глазъ съ нея не совращалъ) почиталъ его щасливѣйшимъ, нежели онъ въ самомъ дѣлѣ былъ. Самъ Аксіохъ — имѣвшій весьма хорошее мнѣніе о собственныхъ своихъ совершенствахъ, чтобы не толковать въ

свою пользу каждаго взора, каждаго слова, да и самой строгости, которую заставляли его иногда изпытывать, — умножалЪ подозрѣніе и ревность своего друга довѣренными открытіями, дѣланными ему о мнимыхЪ своихЪ успѣхахЪ. Едва вообразилЪ себѣ АлцибіадЪ, что другой намѣряется похитить такое благо, которое не уступать рѣшился онЪ и самому Юпитеру, то возвратилась паки склонность его сЪ удвоенною живостію. Молодая Паннихиса была сЪ толикимЪ же шумомЪ паки отослана, сЪ какимЪ была и принята; и вмѣсто того, что первая его любовь кЪ Данаѣ была больше вкусЪ, нежели страсть, то напротивЪ того казалось то, что онЪ теперь кЪ ней чувствовалЪ, или говорилЪ, что чувствовалЪ, носящимЪ всѣ знаки того рода любви, которая отЪ богини Пафской низпосылается

ся

ся на тѣхъ, которыхъ она хочетъ наказать за презрѣніе своея власти. Естьли истинная симпатія мало, или никакого не имѣла участія въ сихъ его чувствованіяхъ, то по крайней мѣрѣ то подлинно, что онъ больше самъ обманутъ былъ собственнымъ своимъ сердцемъ, нежели что онъ имѣлъ намѣреніе обмануть. Обыкши вообще желать всего, чего онъ хотѣлъ, съ пылкою нетерпѣливостію и въ одну минуту съ наибольшею удобностію принимать цвѣтъ того предмета, которому онъ желалъ понравиться, ввергалъ онъ всѣхъ своихъ друзей, и можетъ быть самого себя, чрезъ превращеніе въ такое удивленіе, которое онъ почиталъ за чудо любви, хотя она, естьли любовь въ томъ участвовала, была конечно только чудомъ его самолюбія. Однимъ словомъ, страхъ отъ Аксіоха (такого соперника,

которому онъ по сему самому меньше, нежели другому кому хотѣлъ быть пожертвованъ, поколику онъ казался способнымъ оспоривать ему преимущество) вывелъ его на нѣсколько времяни изъ собственнаго своего характера; онъ сдѣлался нѣжнымъ, примѣчательнымъ, скромнымъ; не имѣлъ глазъ, какъ для своея возлюбленной, никакихъ мыслей, которыя бы не показывали желанія ей понравиться, и (что въ самомъ дѣлѣ близко подходило къ чуду) казалось, повергалъ всѣ свои высокія о себѣ самомъ воображенія къ ногамъ своея богини. Къ нещастію для него, Аспазія не позволила молодой своей пріятельницѣ наслаждаться безъ возмущенія маленькимъ торжествомъ, которое самолюбіе ея готово было одержать надъ всѣми сими мнимыми дѣйствіями ея прелестей. Она обнаружила ей истинныя причины

онаго

онаго съ такою прозорливостію, что Алцибіадъ (хотя онъ, не смотря на сіе, и удержалъ тайнаго заступника въ сердцѣ Данаи) не пожиналъ по крайней мѣрѣ плодовъ, которыхъ онъ могъ надѣяться. Дабы не мучить тебя маловажною подробностію, довольно сказать тебѣ, что Аспазія неусыпными своими стараніями уменьшить склонность своея пріятельницы до нѣжности -- подкрѣпить ея самолюбіе (естественное его противовѣсіе) -- разсѣять воображеніе ея тысячею разныхъ предметовъ -- и любовниковъ ея различными дѣйствіями, которыми одинъ другаго старался уничтожить намѣренія, сдѣлать для нее предметами сердце освобождающей забавы, -- что, говорю я, Аспазія чрезъ всѣ сіи старанія столько получила, что по жизнь ея ни одинъ изъ опасныхъ людей, коими молодая ея

пріятельница была окружена, не могъ похвалиться рѣшительною выгодою надъ ея сердцемъ. Алцибіадъ, который никогда не имѣлъ о томъ понятія, чтобы можно было ему столь долго противиться, видя, что онъ вотще покушался на все возможное для одержанія побѣды надъ втеченіемъ Аспазіи (ибо онъ довольно примѣтилъ, что Данае почерпала всю свою силу изъ сего источника), сдѣлалъ столько же для побѣжденія такой страсти, которая отъ затрудненій, ежедневно возобновлявшихся и умножавшихся, сдѣлалась противъ его желанія важною. Однако всѣ его домогательства казались тщетными. Чѣмъ болѣе облегчали Аѳинскія красавицы его побѣду, чѣмъ болѣе спорили онѣ наперерывъ освободить его отъ печали, которую онъ претерпѣвалъ съ другой стороны; тѣмъ скорѣе возвращался

ся

ся онъ по учиненіи маленькой невѣрности къ своей неупросимой, которой малѣйшія оказанія милостей, поколику онѣ составляли все, что онъ могъ отъ нея получить, имѣли для него больше прелѣстей, нежели наисовершеннѣйшія побѣды, которыя онъ могъ ежедневно получать безъ всякаго труда надъ такими особами, которыя въ своемъ состояніи и чинѣ думали находить право доставлять вольное теченіе побужденіямъ того, что онѣ изволили называть своимъ сердцемъ. Наконецъ онъ окончилъ тѣмъ, что отказался совсѣмъ отъ всѣхъ прочихъ обязательствъ и посвятилъ съ правильностію, которая самое Аспазію ввергнула въ удивленіе, всѣ часы, которыя онъ могъ удѣлять отъ дѣлъ, такой любви, которую бѣдная Данае начала находить заразительною. Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ тогда столько милъ, что я

 -хо-

— хотя я могу вЪ семЪ быть пристрастна, дабы заслужить имовѣрность — и теперь, когда воображенiе мое больше, нежели вЪ двадцать лѣтЪ, имѣло довольно времяни прохладиться, не понимаю, какЪ возможно было, чтобы имЪ не плѣниться.

Аспазiя — позволь мнѣ сiи слезы принесть вЪ жертву возпоминанiю наисовершеннѣйшей женщины, какая нѣкогда была — Аспазiя скончалась около сего времяни. Печаль о потерянiи такой другини, защитницы столь ненаградимаго достоинства, поглощала нѣсколько времяни всѣ прочiя чувствованiя вЪ душѣ Данаи. АлцибiадЪ, казалось, забылЪ самЪ себя, дабы дѣлить сЪ нею задумчивость, возпослѣдовавшую мало по малу за первою ея печалiю. ОнЪ самЪ любилЪ нѣкогда Аспазiю, и хотя непреодолимое его непостоянство

янство препятствовало ему поступать съ нею такъ, какъ она заслуживала, однако онъ хранилъ всегда къ ней степень почтенія, которое въ такого человѣка, какъ онъ, могла только вдохнуть одна Аспазія. Нѣжное и пристойное чувствованіе, господствовавшее по смерти ея въ поведеніи его противъ Данаи, снизхожденіе, съ которымъ онъ сносилъ, что Аспазія была единымъ содержаніемъ ихъ разговоровъ, участіе, которое онъ бралъ въ печали ея любимицы и которое было дѣйствіемъ сердца равно тронутаго, возродило нечувствительно нѣжное между сердцами ихъ согласіе, о слѣдствіяхъ котораго Данае не помышляла. Какъ она ни мало не сомнѣвалась показать ему свои чувствованія о умершей своей пріятельницѣ безъ всякаго воздержанія, то она и привыкла, не примѣчая, что она допускала его

читать въ душѣ своей и о другихъ предметахъ. Алцибіадъ ежедневно занималъ больше пространства въ ея сердцѣ; и какъ пришла необходимость кого нибудь любить, то какъ она могла защититься, чтобы не быть наконецъ тронутою любовію такого человѣка, который въ глазахъ ея казался наидостойнѣйшимъ любви изъ всѣхъ смертныхъ?

Неучтиво бы было съ моей стороны, любезный мой Агатонъ, естьли бы я захотѣла подкрѣплять тебя изображеніемъ блаженствѣ первой моея любви. Но должно признаться, что я симъ однимъ только обязана его воспоминанію, что доколѣ продолжалось сладкое заблужденіе нашихъ сердецъ, — и никогда не продолжалось оно столь долго въ Алцибіадѣ — все мое существованіе было единою минутою восхищеній.

Одна вещь кажется мнѣ неоспоримою, то есть, что душа, по мѣрѣ напряженія, съ коимъ она любитъ, ищетъ превратиться въ предметъ своея любви. Мнѣ кажется, сіе есть то самое, что стихотворцы наши хотѣли намъ показать чрезъ басню о Нимфѣ Салмацисѣ. Алцибіадъ въ то время, какъ любовь его приближалась къ крайнѣйшей точкѣ своея великости, сложилъ непримѣтно естественный свой характеръ и сдѣлался изъ летучаго, предпріимчиваго, необузданнаго изъ мущинъ, кроткимъ, нѣжнымъ, чувствительнымъ. Но какъ скоро первыя упоенія щастливой любви разсѣялись, такъ онъ столько же непримѣтными степенями вступилъ въ собственную свою особу и паки такимъ образомъ потерялъ то, что онъ чрезъ втеченіе Данаи снискалъ на свое сердце. И такъ бѣдная Данае, ко-

то-

торая естественно сильнѣе любило, нежели онъ, должна была больше тѣмъ терять чрезъ сіе дѣйствіе любви; а естьли съ другой стороны что нибудь она снискала, то было только при всякомъ разсужденіи простое награжденіе. Мало по малу Алцибіадъ сообщилъ ей столько о легкомысленной своей веселости — къ которой онъ и безъ того въ образѣ мыслей ея находилъ довольно склонности — а чрезъ веселость столько о образѣ своихъ размышленій, что она непримѣтно вышла изъ непостижимыхъ границъ, въ которыя наставленіе Аспазіино заключило все начертаніе нравственнаго ея поведенія. Уклоненія были не велики; но онѣ были все уклоненія, чрезъ которыя она, чѣмъ болѣе она отдалялась отъ своего подлинника, тѣмъ болѣе приближалась къ Немеямъ и Өеодотамъ, съ коими стыдилась

она

она быть сравнена. Одно изъ наиважнѣйшихъ слѣдствій сея невѣроятности, которую прелестный обманщикъ заставилъ ее преступить, было конечно сіе, что она, не могши болѣе скрывать сама отъ себя, что все духовное въ любви Алцибіада изчезло, пребывала однако довольно слаба, или легкомысленна, чтобы довольствоваться тѣмъ, что только могло быть достойною жертвою Немеи. Два разсужденія могли бы ей можетъ быть служить нѣкоторымъ извиненіемъ: — одно, что онъ довольно имѣлъ къ ней вниманія, дабы упадающее въ его противу ея поступкѣ уменьшать почти нечувствительною постепенностію; другое, что склонность ею къ нему ощущаемая никогда не основывалась на дѣйствительномъ чувствованіи, но была простымъ вкусомъ, которому обстоятельства придавали видъ любви. Но

я сама, любезный Агатонъ, довольно чувствую, что извиненія не дѣлаютъ дурнаго дѣла лучшимъ, какъ чтобы я отъ нихъ надѣялась получить нѣкоторую выгоду. Однако между тѣмъ я должна истинѣ признательностію, что сіе заблужденіе не долго продолжалось, дабы сдѣлать Данаю презрительною въ очахъ летучаго ея любовника, или, что было бы еще хуже, въ собственныхъ ея глазахъ; и какъ можетъ быть нѣтъ никакого зла, которое бы къ чему нибудь не могло быть хорошо, то оно по крайней мѣрѣ служило къ тому, что она непримѣтно предуготовлена была къ той минутѣ, которая при такомъ любовникѣ, какъ Алцибіадъ, ранѣе или позже, необходимо долженствовала притти; что она видѣла изчезающимъ пріятное очарованіе, въ которомъ они находились, съ нѣкоторымъ родомъ

домъ безпристрастія, которое хотя не весьма льстило суетности ея невѣрнаго, однако пощадило его отъ трагическихъ дѣйствій, коими обыкновенно ироини влюбленныхъ исторій (заблужденно думаю я) думаютъ, что могутъ сдѣлать благороднымъ конецъ оныхъ.

Данае смертію Аспазіи безъ сомнѣнія весьма рано лишилась руководительницы, которой надзираніе и власть надъ ея сердцемъ можетъ быть сохранили бы ее отъ заблужденій, за кои должна она себя обвинять. Но по крайней мѣрѣ великодушная сія пріятельница пеклась о томъ, чтобы бѣдность — изъ всѣхъ причинъ, которыя могутъ низвергнуть насъ на разпутія, есть наижесточайшая — не понесла вины, естьли молодая Данае забудетъ нѣкогда ея наставленія; и

Ал-

Алцибіадъ, имѣвшій при всѣхъ своихъ порокахъ царское сердце, нашелъ средство усугубить сіе приданое столь благороднымъ образомъ, что онъ не оставилъ Данаѣ никакой причины отвергать его благодѣянія. Данае увидѣла себя чрезъ то въ состояніи продолжать образъ жизни, къ которому она привыкла въ домѣ Аспазіи. Но не смотря на сіе сдѣлалось ей пребываніе въ такомъ мѣстѣ, которое содержало въ себѣ гробницу ея пріятельницы, съ самой тоя минуты ненавистнымъ, въ которую забвенная сила первой любви престала дѣйствовать. Обстоятельство, ускорившее вознамѣреніе ея оставить Аѳины, было желаніе избавиться отъ безпокойства всея толпы ея любовниковъ, паки возобновившихъ свои требованія, какъ скоро извѣстно стало, что Алцибіадъ удалился. Образъ, какимъ поступали при

семъ

сѣмъ сіи господа, доказалъ ей, сколько она слабостію своею (которая, благодаря собственной ея неосторожности, имѣла свидѣтелями всѣ Аѳины) долженствовала потерять въ глазахъ свѣта. Представленіе сіе было тѣмъ несноснѣе для нея, чѣмъ далѣе отдалена она была отъ мысли увеличить второю добровольною ошибкою вину первой, которая нѣкоторымъ образомъ могла назваться неблагоразуміемъ. Хотя сопряженіе ея съ Алцибіадомъ не заслуживало имяни любви въ благороднѣйшемъ знаменованіи сего слова; однако разныя обстоятельства, его сопровождающія, сдѣлали то, что она могла быть почитаема изключеніемъ изъ всеобщаго правила. Сердце по крайней мѣрѣ имѣло великое участіе въ ея заблужденіи, а чрезвычайныя свойства ея побѣдителя извиняли ее нѣкоторымъ образомъ въ глазахъ

тѣхъ, которые въ такихъ случаяхъ желаютъ получить какое нибудь извиненіе. Но что могло ее извинить, естьли она хотѣла умножить число тѣхъ, которыя предвидятъ свое пораженіе, разпоряжаютъ единственно къ сему намѣренію все начертаніе своего поступка, и думаютъ довольно совершенно удовлетворить благопристойности, естьли онѣ показываютъ, что не знаютъ того, что только одной неопытности можетъ быть неизвѣстно? Немало изъ знатнѣйшихъ дамъ въ Аѳинахъ находилось тогда въ семъ случаѣ. Но Данае взпомнила паки весьма живо о обѣтѣ, сдѣланномъ ею въ первомъ ея юношествѣ Граціямъ, и о наставленіяхъ, полученныхъ ею отъ Аспазіи, дабы искать въ чужихъ примѣрахъ спасительнаго средства противъ презрѣнія, которое она имѣла къ себѣ самой.

„Но

„Но необходимость любить что нибудь „ — сказалЪ АгатонЪ. Мы всегда будемЪ признаваться, что онЪ поступилЪ сЪ своея стороны нѣсколько жестоко (хотя онЪ это сказалЪ и тихонько), обратя сіе собственными ея устами изреченное начертаніе противЪ ее самое. И казалось, что Данае чувствовала всю горесть сея укоризны. Она пребыла нѣсколько минутЪ вЪ молчаніи; — однако довольно долго, что видно было, какЪ будто бы помышляла она о причинахЪ кЪ оправданію. Естьли Агатону не наскучило слушать мое повѣствованіе, отвѣчала она, то слѣдствіе моихЪ приключеній дастЪ ему отвѣтЪ на тотЪ вопросЪ, который, сколько онЪ ни естественнЪ самЪ вЪ себѣ, однако можетЪ казаться неожидаемымЪ изЪ устЪ друга.

АгатонЪ чувствовалЪ силу сего выговора тѣмЪ глубже, чѣмЪ

онъ былъ тише. Онъ уже былъ не столько молодъ, чтобы дѣло свое извиненіями дѣлать хуже. Они замолкли. Онъ долго не имѣлъ бодрости взглянуть на Данаю. Наконецъ возвелъ онъ на нее глаза свои, дабы попросить у нее прощенія однимъ изъ тѣхъ взоровъ, коими душа, кажется, проникаетъ другую. Онъ, увидя изторгающіяся слезы изъ прекрасныхъ ея очей, повергся, тронутъ будучи неописанно, къ ея ногамъ.

Сія была опасная минута! Данае почувствовала, и имѣла бодрость оставить его въ семъ положеніи не болѣе, какъ на нѣсколько минутъ. Она встала, схвативъ вмѣстѣ и его за руку. — Они находились тогда въ маленькой садовой залѣ, которой высокіе дикіе лавровые и миртовые кусты придавали прохлажденіе и тѣнь. — Мѣсто дѣйствія (какъ

мы уже единожды упомянули) бываетъ въ таковыхъ случаяхъ не безпристрастно. -- Поди, Агатонъ, сказала она; поищемъ нашей Псиши. Конечно мы ее найдемъ сидящую съ своими дѣтьми подъ цвѣтами. Я чувствую, что я имѣю нужду въ подобномъ зрѣлищѣ.

Агатонъ, трепеща, прижалъ руку ея къ своимъ устамъ, и слѣдовалъ ей безъ всякаго сопротивленія въ молчаніи.

Глава девятая.

Данае и Киръ.

Мы потеряли (такъ продолжала Данае въ своей исторіи, нашедъ себя паки къ оной разположенною) изъ глазъ такого человѣка, который не имѣлъ и вида вступить въ явленіе, дабы только опять изчезнуть. Аксіохъ, какъ

первый между друзьями Алцибіада и какъ наслѣдникъ Аспазіи, имѣлъ много случаевъ и по смерти ея подкрѣплять основанное съ Данаею въ домѣ ея знакомство, — и имѣлъ уже прежде довольно надежды сдѣлаться у нее щасливымъ, чтобы не ласкаться еще заступить въ сердцѣ ея мѣсто, предпочтительно всѣмъ прочимъ другомъ его прежде занимаемое. Затрудненія, противополагаемыя возобновленнымъ его стараніямъ, усугубляли только бодрость его, доколѣ почиталъ онъ ихъ только за одни виды; но какъ наконецъ принужденнымъ нашелся почитать ихъ за дѣйствительныя, то сдѣлался осторожнѣе. Онъ почиталъ ихъ за силки, которыми надѣялись завлечь его туда, куда завлекла Аспазія великаго Перикла. Естественно, что онъ употреблялъ все возможное успокоить страсть свою за меньшую цѣну.

Но

Но какъ Данае съ осторожностію, достойною ученицы Аспазіи, пресѣкала у него всѣ случаи сдѣлать ей съ нѣкоторымъ видомъ благопристойности другія предложенія; то онъ напослѣдокъ настроилъ поступокъ свой и свои разговоры на такой тонъ, что она почла бы поведеніе свое несправедливымъ, естьли бы по крайней мѣрѣ не принимала его такъ, какъ, казалось, требовала показываемая пристойность его намѣреній.

Аксіохъ имѣлъ большую часть своего достатка въ окрестностяхъ Милетскихъ; и въ самой сей сторонѣ находилась небольшая маетность, которую Аспазія, умирая, отказала молодой своей пріятельницѣ. Данае вознамѣрилась (подъ покровительствомъ прежней вѣрной благопріятельницы ея благодѣтельницы, жившей обыкновенно

вЪ Милетѣ) удалиться туда. Аксіохъ, который чаятельно надѣялся отъ онаго симъ или другимъ образомъ получить выгоду, подкрѣплялъ ее въ семъ намѣреніи и споспѣшествовалъ изполненіе онаго ускорить. Данае находились тогда въ такомъ возрастѣ, въ которомъ зеркало ея столько согласовалось съ ея тщеславіемъ, что она принуждена была почитать похвалы, приписываемыя ея прелѣстямъ, за нѣчто большее, нежели простыя ласкательсства. Въ самомъ дѣлѣ, Агатонъ, я бы сама себѣ еще смѣшнѣе показалась, нежели тебѣ, ежели бы покусилась сдѣлать о томъ изображеніе, что я была тогда въ собственныхъ моихъ глазахъ. Однако естьли я себѣ тогда слишкомъ ласкала, то я по крайней мѣрѣ должна себѣ со справедливостію сказать, что всѣ видавшіе меня, казалось, уговорились между собою увѣрять

меня

меня вЪ противномЪ; и такЪ двадцатилѣтней молодой дѣвушкѣ, которая то подЪ образомЪ Авроры или Латоны, то Діаны или Венеры, или одной изЪ НимфЪ, за которую ЮпитерЪ превратился, повсюду видала свой собственный образЪ, -- какЪ ей вЪ нѣкоторыхЪ минутахЪ не подвергнуться столь многимЪ кЪ суетѣ изкушеніямЪ? Сколь естественно было, когда она иногда помышляла, что были по природѣ Семирамида, Родопа, Таргелія, и какими средствами возвысились онѣ на высочайшій степень всего того, что можетЪ составлять предметЪ человѣческихЪ желаній, -- что она заблудилась тогда вЪ сны, которыя дѣлались желаніями, и которыя изЪ простыхЪ желаній часто перемѣнялись вЪ начертанія! Сколько впрочемЪ ни было безумнаго во всѣхЪ сихЪ вещахЪ, однако она находила вЪ томЪ сильное пред-

охранительное средство противЪ покушеній, коими она была окружена, и противЪ тоя самой необходимости любить что нибудь, о коей ты недавно упоминалЪ. Надлежало, чтобы сія необходимость была чрезвычайно сильна и основывалась менѣе вЪ сердцѣ, нежели вЪ порочномЪ тѣлосложеніи, естьли бы тщеславіе и честолюбіе не могли ее превозходить нѣсколько времяни. ЧѣмЪ больще мы сами вЪ себя влюблены, говаривала обыкновенно Аспазія, тѣмЪ меньше мы свойственны любить что нибудь внѣ насЪ. Судьба играетЪ иногда столь чудно сЪ смертными, что Данае вЪ послѣдствіи была близко возлѣ тоя минуты, увидѣть то изполненнымЪ, что она сама почитала за умоизступительный сонЪ.

Около того времяни, какЪ она вознамѣрилась перейти вЪ Азію,

Ки-

Киликійскіе и Пизидскіе разбойники, подъ покровительствомъ, оказываемымъ имъ Намѣстниками Царя Персидскаго за знатное въ ихъ добычѣ участіе, обезпокоивали Греческія моря больше, нежели когда нибудь. Данае имѣла нещастіе на своей въ Милетъ переправѣ попасться въ руки одного изъ сихъ корсаровъ. Аксіохъ, сопровождавшій ее, заплатилъ защищеніе ея своею жизнію. Она была, какъ невольница, продана въ Сардисъ, въ которомъ имѣлъ тогда свое пребываніе Киръ, меньшій братъ Великаго Государя. Чрезвычайныя свойства сего Принца, начертаніе его низвергнуть брата своего съ престола, и нещастный его конецъ, тебѣ извѣстны. Натура въ произведеніи его, казалось, изтощилась. Варварское возпитаніе немало споспѣшествовало къ образованію его способностей, и отъ сего самыя его добро-

бродѣтели удержали нѣчто дикое, что имъ часто придавало видъ изступленій. Но величество его вида, чрезвычайная сила тѣла его, искуство его во всѣхъ воинскихъ упражненіяхъ, великодушіе его и щедрость; словомъ, иройское, что Возточные народы въ своихъ государяхъ столько любятъ, плѣнило такъ Персовъ, что они одного его почитали за достойнаго заступить престолъ Кира, котораго носилъ онъ имя. Сей Принцъ содержалъ по обыкновенію своея земли многочисленную сераль, которую надзиратели его удовольствій старались наполнить красотами изъ всѣхъ странъ свѣта. Данае имѣла честь съ пятью или шестью прочими молодыми Гречанками, которыя въ самомъ дѣлѣ были наипрелѣстнѣйшія творенія, быть куплена для сего собранія. Перемѣна ея участи была весьма внезапна и сурова, чтобы она

могла

могла снести ее съ равнодушіемъ. Однако въ сихъ обстоятельствахъ философія прекрасной Аспазіи и (чего никакъ не должно забыть) образъ мыслей, который весьма хорошо согласовался съ сею философіею, немалою служили ей помощію. Невольница, или вольная изящная женщина, знающая свою силу и умѣющая сдѣлать ее стоящею, вездѣ, гдѣ бы ни была, бываетъ царицею. — Сіе было однимъ, какъ ты знаешъ, изъ положеній сея несравненной женщины. Новыя подруги или совмѣстницы Данаины (ибо что онѣ были бы послѣдними, возвѣщалъ ясно ихъ поступокъ) не вышли изъ училища Аспазіи. Онѣ думали, что сдѣлаютъ превозходно, естьли онѣ плѣнятъ вдругъ чувства новаго своего обладателя всѣми своими прелѣстями и искуствами. Взоры ихъ, тѣлодвиженія ихъ, тонъ ихъ голоса, убор-

ка ихЪ, открыли ему сЪ первой минуты, когда мы предЪ него представлены были, ихЪ намѣренія столь недвоезнаменательнымЪ образомЪ, что ПринцЪ не могЪ ни минуты сомнѣваться, кЪ какому употребленію надлежало ихЪ назначить. Данае, закутавшись вЪ свое покрывало, стояла позади прочихЪ, и была наконецЪ примѣчена. Но КирЪ казался быть пораженнымЪ ея взоромЪ. ОнЪ разсуждалЪ обЪ ней нѣсколько времяни сЪ родомЪ пріятнаго удивленія, которое долженствовало быть весьма лестно для Возточнаго государя, котораго глаза могли наслаждаться лицезрѣніемЪ всѣхЪ родовЪ красотЪ. ЗнакЪ рукою сдѣлалЪ то, что всѣ соперницы, изчезли, и Данае осталась наединѣ сЪ новымЪ своимЪ обладателемЪ.

ОбладателемЪ — слова сего не находилось вЪ словарѣ ученицы

Аспа-

Аспазіиной. Также и Кирѣ скоро былѣ убѣжденѣ, что ему невозможно будетѣ примирить ее когда нибудь сѣ знаменованіемѣ онаго реченія. Красавица, которая имѣла нѣчто больше души, нежели потребно для оживотворенія статуи, казалась быть для него великою новостію. — Я надѣюсь, Агатонѣ, что ты свободишѣ меня отѣ подробности вѣ повѣствованіи сея сцены и нѣкоторыхѣ слѣдующихѣ, кѣ которымѣ необходимо надлежала подать поводѣ брань между требованіями деспотическаго любовника и негибкостію вольнородной и кѣ вышеупомянутымѣ положеніямѣ привыкшей Гречанки. При предметахѣ сего рода весьма трудно разсказывать собственную свою исторію, естьли, дабы пребыть вѣрнымѣ истинѣ, принять должно видѣ пристрастности противѣ самое себя. Агатонѣ вѣдаетѣ, что я далеко отстою

отѣ

отъ безумія гордиться преимуществами, за которыя могу я обязана быть благодарностію природѣ и щастію. И столько же мало думаю я довольно ложно, чтобы дѣлать себѣ изъ того заслугу, что я не ощущала въ себѣ никакой склонности находиться въ помянутомъ чинѣ съ прочими низкими орудіями удовольствій сластолюбиваго варвара, сколько бы ни ослѣпительна была всегда его порода и личныя его преимущества. Довольно, поступокъ мой, въ которомъ суровость и снизхожденіе, привлекательныя и отторгательныя силы довольно рѣдко вмѣстѣ играли, подалъ чрезъ произведенное имъ дѣйствіе новое доказательство о правильности истинной системы женской политики, коея изобрѣтеніе въ нѣкоторомъ смыслѣ можно приписать Аспазіи.

Киру надлежало только наслаждаться возпитаніемъ, которое Периклъ и Сократъ разточали на запальчиваго Алцибіада; и онъ бы сдѣлался наилучшимъ изъ государей. Пороки его не заключались ни въ разумѣ его, ни въ его сердцѣ; это были пороки скорыя къ разпаленію крови, или пороки его состоянія, его государства, худаго его возпитанія. И самое сіе послѣднее не слишкомъ еще закоренѣло, чтобы не можно было изправить; особливо когда естественная склонность его влекла его ко всему тому, что изящно, хорошо и благородно. И такъ наконецъ удалось Данаѣ паки оживотворить полуподавленную отрасль нѣжнаго чувствованія, посѣяннаго природою въ его душѣ. Киръ, почитавшій столь долго за любовь простую игру чувствъ, научался любить и сдѣлался самъ любви достойнымъ.

 Отъ

Отъ сея минуты Данае была единая обладательница его сердца. Она все возмогла надъ нимъ, и не раздѣляла нѣжности своея ни съ какою другою особою. Говорили, что она сдѣлала сіе для него необходимымъ условіемъ своихъ снизхожденій. Но тѣ, которые сіе говорили, или думали, не знали ее. Она разумѣла лучше свои выгоды, дабы требовать чего нибудь такого, что бы могло сдѣлать склонность ея къ нему подозрительною. Все участіе, которое она имѣла въ немилости своихъ совмѣстницъ, состояло въ томъ, что она обладала таинствомъ въ то самое время, когда, казалось, поступала она съ нимъ съ наибольшею суровостію, вдыхать въ него нѣкоторый степень почтенія, котораго онъ еще не чувствовалъ ни къ какой другой особѣ ея пола. Соравненіе, чинимое имъ между ею и ея соперниперни-

перницами, обращалось послѣднимъ во вредъ. Онъ удалилъ ихъ, что было сдѣлано меньше для того, чтобы Данаѣ принесть жертву, какъ самаго себя избавить отъ тягостныхъ предметовъ. Снизходительныя творенія довольствовались униженною честію возбуждать его страсти; Данае напротивъ того не оставляла ему никакой надежды сдѣлаться у нее щасливымъ когда нибудь другимъ образомъ, какъ чрезъ побѣжденіе ея сердца. Прочія любили только въ немъ мущину; Данае убѣдила его, что она ищетъ его блаженства, участвуетъ въ его славѣ, и какъ скоро увидитъ Принца достойнымъ столь славнаго имяни, то все въ состояніи будетъ для него сдѣлать. Естественно долженствовала любовь его къ ней находиться съ симъ убѣжденіемъ ея чувствованій въ равномъ отношеніи. Столь

же естественно случилось, что она, увѣнчавъ изъ благодарности и склонности его любовь, одна непремѣнно обладала его сердцемъ. Персіянки не могли понять, какъ могло произойти сіе безъ очаровательнаго средства. Онѣ не знали, что послѣ называемыхъ ими послѣднихъ милостей можно еще безконечно многія пріобрѣсть. Данае училась у Аспазіи (и, дабы быть чистосердечну, у большаго еще учителя) сему искуству, которое можно назвать экономіею любви. Она умѣла придавать бездѣлицамъ цѣну и обращала удовольствіе въ толь различные виды, что оно имѣло всегда прелѣсть новости. Киръ нашелъ въ ея духѣ, въ сердцѣ ея, въ ея дарованіяхъ и въ самомъ ея упрямствѣ, неизчерпаемые источники противу скуки и досады; но что было всего наиважнѣе, онъ чувствовалъ, что онъ сдѣлался чрезъ

нее

нее лучше. Однимъ словомъ, она была для него то, что Аспазія была для Перикла; и онъ самъ себѣ нравился при семъ представленіи, что онъ ее обыкновенно называлъ только своею Аспазіею. Обыкши сообщать ей всѣ свои тайны, намѣренія и попеченія, открылъ онъ ей также свое предпріятіе противъ Короля, своего брата: и Данае, долго сіе оспоривая, наконецъ уступила (не желая рѣшить, хорошо или дурно она сдѣлала) силѣ его причинъ. И въ самомъ дѣлѣ подъ такимъ видомъ, подъ какимъ представлено было ей сіе дѣло, сіи побужденія долженствовали показаться справедливыми. Киру надлежало нести великіе убытки противъ Артаксеркса; его прирожденное право на корону было столько неоспоримо, какъ личныя его преимущества; сердца народовъ были за него, надѣялись увидѣть

щастливыя времяна перваго Кира при немЪ возвратившимися; сверхЪ сего огорченіе между КоролемЪ и имЪ простерлось уже столь далеко, что необходимо надлежало сдѣлаться одному жертвою онаго. И какЪ бы захотѣла я скрывать отЪ такого человѣка, который столь хорошо знаетЪ человѣческое сердце, какЪ АгатонЪ, что пристрастіе кЪ такому Принцу, котораго она высоко почитала, и виды, коими она ласкала самолюбію своему по начертаніямЪ его, были больше, нежели довольны, перевѣсить тѣ разсужденія? Какая бы женщина, естьли бы вЪ ея находилось власти, не сдѣлала обладателемЪ селенной того человѣка, коимЪ она обожаема?

Аспазія сопровождала Кира вЪ походЪ, коего слѣдствіе окончало всѣ ея надежды его жизнію. Любовь его кЪ ней была столь ве-

велика, что она съ великимъ трудомъ насилу могла его довести до того, чтобы ей видѣть себя подверженною опасностямъ и неизвѣстности собственной его участи. Мысль, что она въ нещастномъ случаѣ могла сдѣлаться добычею столь ненавистнаго ему Артаксеркса, была для него несносна; и она не прежде получила его согласіе, пока не употребилась для безопасности ея вся возможная предосторожность. Она послѣдовала за нимъ въ мужскомъ платьѣ. Между ея сопровожательницами находилась одна молодая Гречанка, которая съ вида довольно ей уподоблялась и сверьхъ сего снабжена была преимуществами, которыя дѣлали ее въ случаѣ нужды довольно способною представлять въ Персидскомъ сералѣ Данаю подъ имянемъ Аспазіи (ибо она никакимъ другимъ имянемъ, кромѣ сего, не

называлась). Нещастное слѣдствіе рѣшительнаго сраженія при Ксиксаксѣ дѣлало только осторожность сію нужною. Данае имѣла бодрость -- или слабость -- пережить Принца, коимъ она была столь нѣжно любима, и который столько достоинъ былъ щастливѣйшей участи. Можетъ быть сіе есть самое злѣйшее приключеніе во всей ея жизни; -- но (примолвила она съ такимъ взоромъ, который бы былъ способенъ загладить еще злѣйшее приключеніе) я оставляю сіе самому Агатону меня въ семъ извинить. -- Что Агатонъ что нибудь на сіе отвѣчалъ, то легко можно надѣяться; но то не принадлежитъ къ исторіи Данаи; и такъ мы не хотимъ никакъ прерывать послѣдствія ея разговора.

Глава десятая.

Данае въ Смирнѣ. Заключенiе ея исторiи.

Хитрость, которую я употребила для обманутiя Артаксеркса, сколько по собственной склонности, столько и для успокоенiя возлюбленной тѣни нещастнаго Принца, удалась совершенно. Прекрасная Милто, моя довѣренная прiятельница, попалась вмѣсто меня въ руки побѣдителя, вдохнула въ Монарха сего наисильнѣйшую страсть, и играла, подъ имянемъ Аспазiи, чрезъ многiе лѣта въ Вавилонѣ и Екбатанѣ ролю, которая довольно матерiи могла подать для Милезской басни въ двадцать или тритцать книгъ. Напротивъ того истинная Данае, которая о великолѣпiяхъ Вавилонскаго сераля имѣла довольное понятiе, дабы промѣнять на оныя вольность свою, спаслась особли-

вымъ щастіемъ, означающимъ всѣ періоды ея жизни, избрала Смирну -- наипрелестнѣйшее мѣсто въ свѣтѣ для такой особы, которая еще не могла помышлять о томъ, чтобы отказаться отъ удовольствій жизни -- для всегдашняго своего пребыванія, и нашла себя приведенною въ состояніе попеченіемъ Принца Кира жить тамъ подъ своимъ собственнымъ имянемъ на такой степени, какой Агатонъ былъ самъ очевидный свидѣтель.

Имя Данае, подъ коимъ она явилась, и которое въ Смирнѣ было не безызвѣстно, избавило ее отъ труда отдавать любопытнымъ о своей особѣ точнѣйшій щетъ: и образъ ея жизни укротилъ мало по малу предразсужденіе, которое имя сіе могло возбуждать противъ ее. Сколь ни легки были оковы, носимыя ею во

время

время сопряженія ея съ Принцомъ Киромъ, однако онѣ были такія оковы, коихъ возпоминаніе дѣлало ей достигнутую паки вольность неоцѣненною. Вольность сія получать законы ни отъ кого другаго, какъ отъ собственнаго своего сердца, была въ глазахъ ея столь великимъ добромъ, что никакое щастіе въ свѣтѣ не могло привести ее въ изкушеніе промѣнять оную. Только почтенія отъ публики не хотѣла она принести въ жертву сей вольности. Можетъ быть во всякомъ другомъ мѣстѣ свѣта было бы ей трудно соединить обѣ сіи выгоды; но ей въ семъ удалось въ Смирнѣ, гдѣ наикротчайшій воздухъ разливалъ духъ пріятности, удовольствія и радости на благополучный народъ, которому тайна была собственна соединять трудолюбіе съ удовольствіями и личную вольность съ политическимъ порядкомъ. Не принад-

надлежа ни къ какому особливому классу, наслаждалась Данае удовольствіемъ быть признанною за единую въ ея родѣ, и, по праву или не по праву, тщеславіе ея находило себя лестнымъ сими мыслями. Естьли она брала Аспазію — за дочь которой почитали ее въ Смирнѣ -- себѣ образцомъ, то сіе произходило такимъ образомъ, который снискалъ ей славу быть самой неподражаемой; такъ, какъ наипреимущественнѣйшіе ученики Сократовы образовали учителя своего съ толь различныхъ сторонъ, что каждый сдѣлался самъ подлинникомъ.

Одно изъ первыхъ ея отправленій, по утвержденіи себя въ Смирнѣ, было воздвигнуть Граціямъ храмъ. -- Ты знаешъ его, Агатонъ. --

Здѣсь тщетно старалась прекрасная Данае сокрыть вздохъ,

отъ

отъ коего сердце ея облегчилось при сихъ послѣднихъ словахъ. — Агатонъ примѣтилъ его, какъ онъ искалъ тихо изторгнуться изъ прекрасныхъ ея персей, и вздохнулъ съ нею. — О какія возпоминанія! — вскричалъ онъ, схватя ее за руку съ такимъ взоромъ, въ коемъ всѣ сіи возпоминанія были начертаны. —

Данае, которая не хотѣла дать никакого мѣста возпоминаніямъ, которыя могли поколебать ея вознамѣреніе, была довольно жестока, что не сдѣлала никакого отвѣта на сіе возклицаніе, и по маленькой разстановкѣ продолжала она слѣдующимъ образомъ: Но — принесемъ истинѣ сію жертву! — Граціи, коимъ въ священнослужительство посвятила она сама себя, были не Пиндаровы Граціи; ни подруги и сопровожательницы небесной Венеры,

ры, ни непорочныя богини, коимъ твоя Псише служила, яко дѣва, яко другъ, яко супруга и яко машь. Данае стыдится меньше того, что она была, нежели мыслей желать скрыть отъ самое себя, или отъ своего друга, сколько была она ниже Псиши въ самомъ высочайшемъ торжествѣ любодостойности, ей тогда приписываемой. Чрезъ то самое танцовщица, изображающая Леду, оскорбляетъ божество Грацій, что она для принятія подобнаго свойства отвергаетъ непорочную ея завѣсу. Такъ я теперь чувствую; и я могу найти столько справедливыхъ причинъ къ оправданію сего чувствованія, что мнѣ невозможно опасаться быть онымъ обманутою. Но тогда сладкое привидѣніе воображенія и сердца заставило меня думать инаково. Три или четыре Олимпіяды, любезный мой другъ, споспѣше-

шествуютъ много къ представленію намъ предметовъ совсѣмъ подъ другою точкою зрѣнія. Сколь естественно, когда юношество и цвѣтущее здравіе изливаетъ на насъ и на все насъ окружающее, что мы тогда разсуждаемъ обо всемъ въ лестнѣйшемъ видѣ; что тогда предѣлы истиннаго и ложнаго, добраго и злаго, часто въ нашихъ понятіяхъ плаваютъ и смѣшиваются между собою; и что мы бы воображали, что мы сдѣлали весьма много, когда бы мы думали, что мы изобрѣли таинство соединять премудрость съ Граціями, а Грацій съ роскошью, въ одну очаровательную кучу! Ко всему сему присоединилась еще возторженная любовь къ наукамъ Музъ, удовольствіе, сопряженное съ побѣжденіемъ великихъ затрудненій, и волшебная прелѣсть, которая наполняетъ всю нашу душу можетъ

быть

быть совсѣмъ вообразительнымъ и совсѣмъ химерическимъ образомъ совершенства. — Прости мнѣ Агатонъ, естьли я въ самое теперешнее время, думая проникнуть несуществованіе сихъ пріятныхъ ослѣпленій, еще довольно слаба, что не разкаиваюсь, бывши Данаею.

Агатонъ довольно имѣлъ причины въ собственномъ своемъ сердцѣ простить ей сію слабость. Боги! взкричалъ онъ: тебѣ разкаиваться о томъ, что ты была наидостойнѣйшею любви изъ всѣхъ твореній! Больше ли потребно, какъ только одной Данаи, въ каждомъ мѣстѣ, обитаемомъ людьми, для превращенія земли въ Елисей!

Любезный мой Агатонъ, — отвѣчала она — однако въ сію минуту обманываетъ тебя конечно

но очевидно твое воображенie. — Архитасъ, наикротчайшiй мудрецъ, какого я никогда не видывала, нашелъ бы, что одной Данаи было бы уже слишкомъ довольно; а ты ихъ хочешь безъ числа? Но какъ, естьли ты взпомнишъ, что вольность, въ которой жила Данае, дѣлаетъ изключенie на одни изъ коренныхъ законовъ сообщества, изключенie, котораго она не имѣла никакого права дѣлать, хотя обычаи Грековъ и терпятъ таковыя изключенiя? Я бы тебѣ присовѣтовала желать совсѣмъ другаго, естьли когда нибудь изполненie желанiя будетъ зависѣть отъ твоей власти. Только одно семейство, каково сie, въ которомъ ты теперь живешъ, только одного Архитаса, одну Псишу, одного Критолауса, и, позволь мнѣ прибавить, одного Агатона, который, возвратясь

изъ заблужденія воображенія и чувствованія, сдѣлался довольно мудрымъ, дабы предаться совсѣмъ высочайшему изящному, добродѣтели, -- только одно такое семейство во всякомъ мѣстѣ, гдѣ обитаютъ люди, -- што мы можемъ освободить Ликурга и Солона отъ труда предписывать народамъ законы. Самъ Платонъ не могъ бы изобрѣсти законовъ, которые бы подѣйствовали больше блага, какъ такой примѣръ добродѣтели и блаженства.

Но для чего, Данае, можешъ ты быть сама противъ себя довольно несправедливою, что изключаешъ себя изъ сего семейства? сказалъ Агатонъ съ живостію. Чрезъ присоединеніе твое оно бы сдѣлалась совершеннымъ. И не Данае ли, обнимая въ просящемъ положеніи жертвенникъ добродѣтели,

ли, есть наипреславнѣйшее торжество добродѣтели?

Дружба заставляетъ тебя позабыть, отвѣчала она, что такая особа, которая имѣетъ о столькомъ упрашивать добродѣтель, какъ Данае, не можетъ никогда чувствовать себя достойною, вступить въ семейство Архитаса. И можешъ ли ты ее осудить, естьли она столько горда, нежели чтобы она мысль — стыдиться каждую минуту такихъ особъ, у которыхъ нечего упрашивать — находила сносною? Впрочемъ не думай, чтобы она была слишкомъ противъ самое себя строга. Она весьма склонна, и можетъ быть больше ей надлежащаго, внимать извиненіямъ самолюбія. Въ самомъ дѣлѣ взирала она тогда, когда не знала никакого большаго удовольствія,

ствія, какъ господствовать надъ сердцами и, какъ Гомеровъ Юпитеръ, изъ обѣихъ своихъ урнъ раздѣлять щастіе или нещастіе по произволенію, конечно взирала она тогда на предметы теперешняго ея презрѣнія совсѣмъ другими глазами. Она сама себѣ нравилась въ своихъ пріятныхъ заблужденіяхъ. Острота ея запутала ее въ такую систему, которая весьма льстила ея чувствованіямъ, дабы не быть почтеною за истинную. Хотя она не могла сама отъ себя скрывать, что правило, изъ коего она изключалась, порядочнымъ образомъ не терпитъ никакого изключенія; но она мнила себя видѣть прямо въ одномъ чрезвычайномъ случаѣ, въ которомъ изключеніе можетъ имѣть мѣсто. Убѣжденіе о добродѣтеляхъ, которыя она имѣла, поелику онѣ ей ничего не стояли,

о хорошихъ дѣйствіяхъ, которыя она для того же самаго тѣмъ удобнѣе и тѣмъ множественнѣе оказывала, поколику она не знала никакой другой, кромѣ опасной, побудительной причины удовольствія ихъ дѣлать. -- Сіе убѣжденіе успокоило ее на одной добродѣтели, которой у нее недоставало. Конечно, другъ мой, Данае обманывалась до такой точки, что она никогда не могла признаться въ семъ недостаткѣ. „Общіе образ„цы, или обыкновенныя употре„бленія не служатъ никакъ прави„ломъ великимъ душамъ, говаривала она къ себѣ самой. „Между „всѣми сими женщинами, меня „осуждающими, есть ли хотя од„на, которая бы не была Данае, „естьли бы она то быть могла? „Онѣ вмѣняютъ ей въ порокъ, „что она была окружена любов„никами, которые составляли

„ весь ея дворъ? Но онѣ забыва-
„ ютъ, что сіи любовники суть
„ наипревозходнѣйшіе мужи по
„ Іоніи, или естьли они не тако-
„ вы, то сдѣлаются въ обхожде-
„ ніи Данаи. Гдѣ сыщется дикій
„ юноша, котораго бы она не сдѣ-
„ лала благонравнымъ? Гдѣ найдет-
„ ся человѣкъ безъ заслугъ, въ
„ которомъ бы она не возбудила
„ духъ къ благороднѣйшимъ пред-
„ пріятіямъ? Сколь многіе роди-
„ тели обязаны ей благодарностію
„ за добродѣтель своихъ сыновей,
„ и сколь многія жены за хорошій
„ поступокъ своихъ супруговъ!
„ Сколько дала она добрыхъ граж-
„ данъ и сколько великихъ мужей
„ своему отечеству! Только самые
„ лучшіе, только преизполненные
„ заслугами и наисовершеннѣйшіе
„ могли питаться надеждою тро-
„ нуть когда нибудь сердце ея; и
„ сколько произвела надежда сія
„ пре-

„ превращеній, и сколько подѣйст-
„ вовала въ поведеніи тѣхъ, кои
„ искали ей понравиться! Во всей
„ Смирнѣ, во всѣхъ Аѳинахъ най-
„ дется ли безпорочная госпожа,
„ непорочная жрица Діаны или
„ Минервы, которая бы могла по-
„ хвалиться оказаніемъ столь до-
„ брыхъ услугъ добродѣтели? „
— Я не хочу оспоривать, любезный мой Агатонъ, что все сіе произходило всегда въ строжайшемъ смыслѣ и безъ всякаго выключенія такимъ образомъ. Однако во всемъ семъ было довольно истины, дабы отдать заключеніямъ, которыя она изъ того вывела, правдоподобіе. Сверьхъ сего имѣла она въ Софистѣ Гиппіасѣ друга —

О! взкричалъ Агатонъ съ нетерпѣливостію: не упоминай мнѣ никогда сего ненавистнаго имяни.

 Одна-

Однако, отвѣчала она съ толь же мнимымъ хладнокровіемъ, сія Данае, съ которою ты имѣешъ столь великія намѣренія, имѣла слабость привести сего Гиппіаса въ такой случай, что онъ могъ хвалиться побѣдою надъ ея сердцемъ, которой онъ никогда не одерживалъ.

,, Безстыдный! ,, — взкричалъ Агатонъ — и замолчалъ вдругъ, устремя на Данаю такой взоръ, который, казалось, просилъ ее, чтобы она не оставляла ему ни тѣни подозрѣнія о семъ пунктѣ.

Я тебя разумѣю, сказала Данае съ улыбающимися очами, но съ такимъ румянцемъ, который былъ худаго предзнаменованія: — Гиппіасъ не имѣлъ никакого права хвалиться побѣдою надъ моимъ сердцемъ, это правда; — но —

,, Какъ

„ КакЪ, Данае? Возможно ли?„ — взкричалЪ АгатонЪ.

О, любезный мой АгатонЪ! отвѣчала она: — ты учился познавать людей, познавать самого себя, и ты не знаешЪ, что возможно? — Чего не могутЪ сдѣлать возможнымЪ обстоятельства, и чего не можетЪ возможнымЪ сдѣлать минута?

„ И чего бы не могЪ я простить тебѣ, Данае?„ — воздохнулЪ АгатонЪ.

Многое потворство могло бы ей столько же быть вредно, какЪ и другимЪ, отвѣчала Данае шутливымЪ тономЪ, который ни мало не согласовался сЪ его голосомЪ. А однако должна я тебѣ сказать, АгатонЪ, что ГиппіасЪ можетЪ быть не хуже того, вЪ чемЪ бы ты ей простилЪ.

„ Не хуже? „

Я хочу сказать, что это не то, что всего меньше дѣлаетъ честь твоей пріятельницѣ. Гиппіасъ былъ человѣкъ съ дарованіями и прославившійся, которому – выключая его положенія – все прочее уступало, который имѣлъ даръ давать самымъ симъ положеніямъ наиживѣйшія черты истины, и который сверьхъ сего уже давно имѣлъ въ обладаніи не быть никогда отсылаемымъ. Такой человѣкъ могъ по обхожденіи чрезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлаться довольно хитрымъ или щастливымъ сыскать такую минуту, которая можетъ быть во всемъ теченіи ихъ жизни была единая, въ которую чрезъ возхищеніе онъ могъ получить отъ Данаи то, чего бы онъ никогда не получилъ отъ ея сердца. Онъ не правъ, желая сдѣлать заслугу изъ того, чѣмъ онъ обязанъ случаю; но Данае можетъ

быть

быть была бы не умнѣе его, естьли бы она захотѣла больше укорять себя за то, нежели за слабости, вѣ которыхѣ разсужденіе болѣе участвовало.

„Ты вознамѣрилась довести „меня до крайности, Данае. —„

Нѣтѣ, любезный Агатонѣ; а только заставить тебя оставить навѣки намѣреніе, которое, какѣ ты видишѣ, было основано на ложныхѣ предположеніяхѣ. Не думай, чтобы мнѣ не стояло никакого преодолѣнія быть столь чистосердечною. Но могла ли я быть меньше, естьли дѣло состояло вѣ томѣ, чтобы вылѣчить паки уязвленное воображеніе друга твоего достоинства? Естьли бы сія Данае, о которой ты столь благосклонно думалѣ, и которая (чтобы не совсѣмѣ быть несправедливою) вѣ самомѣ дѣлѣ во многихѣ слу-

случаяхЪ оправдываетЪ твое мнѣніе, — естьли бы сія Данае сЪ самой тоя минуты, какЪ она смертію Кира сдѣлалась паки вольною, была довольно щастлива, чтобы вступить вЪ знакомство сЪ такимЪ семействомЪ, каково есть Архитасово, — естьли бы она тогда уже помышляла и жила, какЪ она теперь дѣлаетЪ; тогда бы можетЪ быть она безЪ всякой отважности послушалась гласа твоего сердца и своего собственнаго. Но сами боги не имѣютЪ никакой власти надЪ случившимся. Пусть будетЪ довольно сего, любезный АгатонЪ; не требуй обстоятельнѣйшаго признательства. — Подвергнись со мною одной участи; и естьли ты когда при возпоминаніи о любви нашей устыдишся, то взпомни также и о томЪ, что любовь сія подала поводЪ Данаѣ возвратить-

шиться къ добродѣтели. Безъ тебя она бы всегда была Данае. — Но къ чему послужитъ ей щастіе, что тебя узнала, естьли ты не довольно будешъ великодушенъ совершить твое благодѣяніе? Съ сея минуты да не будетъ больше между нами извѣстно имя, и тебя и меня унижающее. Позволь, чтобы твоя пріятельница подъ имянемъ Хариклеи, подъ коимъ однимъ она здѣсь извѣстна, удостоилась щастія быть ученицею Архитаса и подругою Псиши. И естьли ты ее любишъ, то сорадуйся съ нею, что она сіе щастіе нашла въ такомъ возрастѣ, въ которомъ приносимыя ею добродѣтели жертвы имѣютъ еще нѣкоторую заслугу! — Голосъ, съ какимъ она произнесла послѣднія сіи слова, тронулъ благородное сердце нашего ироя. Онъ думалъ, что онъ слышитъ гласъ божества,

и почувствовалъ въ тожь самое мгновеніе, что лучшая душа одержала въ немъ верьхъ. Онъ бросился къ ея ногамъ, схватилъ ея руку и прижалъ ее къ своему сердцу. Любовь, которою душа его въ сію минуту горѣла, была священный огонь. -- „Конечно, взкричалъ онъ, сею рукою клянусь, Хариклеа, остаться на вѣки вѣрнымъ добродѣтели, которой ты себя посвятила, и которая въ сію рѣшительную минуту говоритъ ко мнѣ твоими устами. Для нея, для нея единственно содѣланы наши сердца! Мы отъ нея отклонились -- но только для того, чтобъ сдѣлаться благоразумнѣе, дабы съ тѣмъ большимъ убѣжденіемъ возвратиться къ ней и постояннѣе къ ней прилѣпиться. Конечно, Хариклеа, я это чувствую, что я въ сію минуту предъ лицемъ неба соглашаюсь потерять возлюбленную

ную сію руку, я чувствую, что я больше щастливъ жертвоприношеніемъ добродѣтели и тебѣ, нежели бы я могъ сдѣлаться чрезъ успокоеніе всѣхъ корыстолюбивыхъ желаній. Никогда, никогда не престану я тебя любить, возлюбленнѣйшая Хариклеа; — да, такъ любить, какъ я люблю добродѣтель; любовію, достойною тебя, и которая сама есть наиизящнѣйшая изъ добродѣтелей.„ — Данае, — или, дабы не оскорблять ее такимъ имянемъ, отъ коего она навѣки отреклась, — Хариклеа, сколь ни пріятенъ былъ для сочувствующаго сердца ея изящный огонь, возженный ею въ персяхъ друга ея, однако она не разсудила за благо подкрѣплять оной въ сію минуту. Она вѣдала опасности таковыхъ волненій, и не полагая ни малѣйшаго сомнѣнія на чистоту его чувствованій,

однако

однако знала больше, нежели хорошо, что время еще не пришло, вЪ которое бы она могла ласкаться быть почтена любовникомЪ за сущую душу. И такЪ она перервала разговорЪ. Она достигла своего намѣренія; и удовольствіе, блиставшее изЪ прекрасныхЪ ея очей, доказывало, что мы не слишкомЪ милостиво обЪ ней судили, увѣряя, что поступокЪ ея противЪ нашего ироя былЪ дѣйствительно безЪ всякихЪ корыстолюбивымЪ намѣреній.

Глава одиннатцатая.

Заключеніе всего творенія.

АгатонЪ и Хариклеа сЪ общаго совѣта согласились открыть мудрому Архитасу и его семейству наисущественнѣйшее изЪ исторіи прежней Данаи, отношенія ея про-

противЪ Агатона и все между ими произходившее сЪ нечаяннаго ея свиданія. У Архитаса и Критолая, у Психи не избѣгла Хариклеа опасности симЪ чистосердечіемЪ. Истинная премудрость всегда справедлива, и истинная добродѣтель всегда склонна употреблять больше снизхожденія противЪ другихЪ, нежели кЪ самой себѣ. СверьхЪ сего легко можно догадаться, что старались открыть завѣсу пріятностей, о коей Данае упоминала вЪ своей повѣсти, на тѣ оной части, которыя имѣли нужду вЪ прикровеніи.

АрхитасЪ оживотворилЪ и подкрѣпилЪ добродѣтельное вознамѣреніе нашего ироя; а Психе сберегала прекрасную Хариклею усугубленіемЪ дружества, которое онѣ при первой минутѣ другЪ

другу взаимно вдохнули. Хариклеа избрала ТарентЪ для всегдашняго вЪ ономЪ своего пребыванія. Сопряжена будучи пріязненнымЪ союзомЪ чувствованія сЪ фамиліею мудраго Архитаса, казалось, составляла она дѣйствительно часть оной. НаипріятнѣйшимЪ ея упражненіемЪ было споспѣшествовать сестрѣ Агатоновой вЪ воспитаніи трехЪ дочерей, на коихЪ Граціи излили всѣ свои дарованія. Непримѣтно она привыкла почитать сихЪ милыхЪ дѣтей за своихЪ собственныхЪ. Дѣти росли вЪ убѣжденіи, что онѣ имѣютЪ двухЪ матерей, и Псишѣ полюбилось впечатлѣвать вЪ сердцахЪ ихЪ пріятное заблужденіе, составлявшее изЪ нея и изЪ ея пріятельницы только одну особу. АгатонЪ, вѣренЪ обѣту, которымЪ онЪ клялся добродѣтели и Хариклеѣ, поступалЪ отЪ сея минуты сЪ

та-

такою осмотрительностію, что кромѣ одного Архитаса и самой можетъ быть Хариклеи -- никто не примѣтилъ, сколько ему стояло насиліе, которое онъ долженъ былъ себѣ дѣлать. Но по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ почувствовалъ онъ, что онъ больше обѣщался, нежели могъ сдержать. Бываютъ минуты восторженія, въ которыя душа наша чувствуетъ въ себѣ силы, которыя не суть ея собственныя, и на продолженіе которыхъ вотще дѣлаетъ она щетъ. Одно отдаленіе могло его спасти. Мысль разлучиться съ Хариклеею, Псишею, своими друзьями была для него ужасна; но съ тоя минуты, какъ онъ почувствовалъ необходимость сего удаленія, было вознамѣреніе его принято съ твердостію. Архитасъ подтвердилъ его рѣшеніе; и сестры -- такъ

обыкновенно назывались Псише и Хариклеа -- любили брата своего довольно нѣжно, дабы облегчить ему сколько возможно разлученіе, котораго истинную побудительную причину онѣ тайно подозрѣвали.

Агатонъ проѣхалъ въ провожаніи одного философа и живописца всѣ провинціи извѣстнаго тогда свѣта, въ которыхъ говорено было Греческимъ языкомъ. Природа и что въ природѣ для человѣка всего важнѣе, человѣкъ, были предметомъ внимательнаго его разсужденія.

Онъ поѣхалъ съ весьма малыми предразсужденіями; а при возвращеніи своемъ и сего малаго числа избавился.

Будучи во все время философскаго своего странствованія простымъ

стымъ зрителемъ зрѣлища свѣта, могъ онъ тѣмъ справедливѣе судить о дѣйствіи, такъ, какъ и о дѣйствующихъ особахъ.

Наблюденія его совершили то, что начало обращеніе его съ мудрымъ Архитасомъ и непрестанное разсужденіе о его опытахъ. Онѣ убѣдили его, „ что истина „ находится между системою Гип„ піаса и Платона, но ближе къ „ послѣдней нежели къ первой. „

Онъ видѣлъ повсюду, что люди не столько были хороши, сколько они могли быть, естьли бы они были мудрѣе; но онъ видѣлъ, что они не могли быть лучше, покуда не сдѣлаются мудрѣе; и что они не могутъ сдѣлаться мудрѣе, доколѣ ихъ отцы и матери, кормилицы, учители, священнослужители, и прочіе начальники,

отъ раба до Царя, столько не сдѣлаются мудры, сколько каждый по мѣрѣ своего отношенія и своего втеченія быть долженъ, чтобъ быть дѣйствительно полезнымъ обществу.

Онъ видѣлъ, что всѣ народы, наидичайшіе варвары, такъ, какъ и отонченные Греки, почитали добродѣтель; и что никакое сообщество не можетъ держаться безъ нѣкотораго степени добродѣтели. Онъ нашелъ всякое мѣсто, всякую провинцію, всякую область, которыя научался онъ знать, тѣмъ щастливѣе, чѣмъ лучше были нравы и обычаи жителей; и безъ выключенія видѣлъ онъ наибольшее развращеніе тамъ, гдѣ господствовала крайнѣйшая бѣдность, или крайнѣйшее изобиліе.

Онъ

Онъ нашелъ у всѣхъ народовъ, по которымъ онъ странствовалъ, что вѣра закрыта мракомъ суевѣрія, употребляется во вредъ общества, унижена и сдѣлана орудіемъ корыстолюбія, гордости, сластолюбія и праздности. Онъ видѣлъ, что нѣкоторые люди и цѣлые народы могли имѣть вѣру безъ добродѣтели, и что они тогда были тѣмъ хуже; но онъ видѣлъ также безъ изключенія, что нѣкоторые люди и цѣлые народы, когда они были добродѣтельны, становились тѣмъ лучше чрезъ смиренномудріе и благочестіе.

Онъ видѣлъ повсюду, что законодательство, правленіе и благоустройство изполнено было недостатками и пороками. Но онъ видѣлъ также, что люди безъ законовъ, безъ правленія, безъ благоустрой-

ства, были гораздо еще нещастливѣе и несовершеннѣе. Онъ видѣлъ, что искуства слѣдствіемъ имѣли роскошь, роскошь навлекала развращенные нравы, а за развращенными нравами слѣдовало паденіе государства. Но онъ видѣлъ также, что самыя же сіи искуства, имѣя руководительницею философію, человѣка обнаруживаютъ, украшаютъ, ублагородниваютъ; что искуство для человѣка вторая природа, а человѣкъ безъ искуства наибѣднѣйшее между животными.

Онъ видѣлъ чрезъ всю экономію человѣчества, что границы истиннаго и ложнаго, благаго и злаго, справедливаго и несправедливаго непримѣтно между собою стекались; и чѣмъ больше онъ сіе видѣлъ, тѣмъ больше убѣждался въ необходимости положительныхъ законовъ и

въ

вѣ должности добраго гражданина вѣрить больше закону, нежели собственному своему чувствованію.

Онѣ увѣрился, что человѣкѣ, сѣ одной стороны приближается кѣ животнымѣ полевымѣ, а сѣ другой высочайшимѣ уподобляется существамѣ; столько же не способенѣ быть совсѣмѣ животнымѣ, какѣ и совсѣмѣ духомѣ; но что онѣ тогда только живетѣ сходно сѣ своею природою, когда онѣ старается возвышаться; что каждая высшая степень премудрости и добродѣтели, на которую онѣ взошелѣ, возвышаетѣ его блаженство; что премудрость и добродѣтель были изкони между человѣками мѣрою ихѣ публичнаго или особеннаго блаженства; и что сей единый опытѣ — котораго никакой Софистѣ не спосо-

 бенѣ

бенЪ обезсилить — изпепеляетЪ всѣ лжеключенія ГиппіасовЪ и утверждаетЪ непоколебимымЪ образомЪ вразумительную систему ПиѳагоровыхЪ мудрецовЪ.

При всемЪ томЪ однако естественная экономія человѣчества была для него всегда загадкою. Всѣ его наблюденія и всѣ его размышленія оставляли его вЪ сомнѣніи: вѣрить ли безутѣшному кругу, вЪ которомЪ человѣчество вѣчно обращается, или есть постепенно возрастающее совершенство рода? Но быстрое всеобщее воззрѣніе на безпредѣльное величество природы, на высокую простоту ея начертанія, на согласіе сокровенныхЪ ея силЪ, на стройность, произходящую изЪ видимой борьбы столь многоразличныхЪ ея движеній, на безконечное множество всякаго рода и вся-

всякой величины существъ, наиправильнѣйшими отношеніями въ удивительное цѣлое вкупѣ соединенныхъ, коего все разположеніе и управленіе возвѣщаетъ повсюду благотворительную премудрость, — сіе всеобщее воззрѣніе изполнило его внутреннѣйшимъ чувствованіемъ вездѣ присутствующаго существа, первой силы, все оживляющаго, одушевляющаго и управляющаго духа. Сіе блаженное чувствованіе разгнало всѣ сомнѣнія, заградило всѣмъ возраженіямъ уста, возбудило надежды, открыло виды, коихъ извѣстность онъ въ таковыя минуты чувствовалъ столько же сильно и убѣдительно, какъ и самое бытіе всевысочайшаго существа. Находящемуся ему въ такомъ просвѣщеніи не оставалось больше человѣчество нерѣшимою для него загадкою. Будущность показала ему

къ

къ тому ключь или изъясненіе. Земная жизнь была одно изъ обнаруженій, чрезъ которыя человѣкъ, такъ, какъ всякій другой родъ существъ, старается возвыситься къ высочайшему своему опредѣленію. Жизнь сія, сколько она ни кажется въ нѣкоторыхъ минутахъ незначащею ничего, сколько она ни дѣлается низкою чрезъ наши нужды, рабяческою чрезъ дѣтскія наши игры, и смѣшною чрезъ наши безумія, — жизнь сіе не была больше комедіею и сномъ; она сдѣлалась на глаза его въ цѣломъ весьма важною своими отношеніями на будущность, своимъ сопряженіемъ съ великомъ планомъ Божества. Все въ человѣкѣ, всѣ его представленія, склонности, дѣйствія, всякій возможный образъ, направленіе и сопряженіе оныхъ, престали быть безпристрастными; все само-

самопроизвольное изчезло; премудрость и благость, которыя, разсуждаемы будучи единственно подъ свѣтомъ опыта, составляютъ высочайшую выгоду человѣчества, сдѣлались въ семъ божественномъ свѣтѣ первыми должностями человѣчества. Убѣжденія сіи были плодами, которыя Агатонъ въ часы уединеннаго размышленія, или сообщественнаго изысканія въ дружественныхъ разглагольствіяхъ, извлекалъ въ пользу нравственной своея системы изъ своихъ наблюденій. Они составляли только малую, но въ самомъ дѣлѣ наиважнѣйшую часть сокровища полезныхъ и изящныхъ познаній, которыя онъ, по четырегодичномъ путешествіи чрезъ знатнѣйшія части тогдашняго свѣта, привезъ въ Тарентъ.

По возвращеніи своемъ онъ имѣлъ удовольствіе найти стараго

го своего друга Архитаса и все имъ любимое въ такомъ же благополучномъ состоянiи, въ какомъ оставилъ ихъ при своемъ отбытiи. День ихъ свиданiя былъ праздникъ дружества, въ которомъ участвовалъ весь Тарентъ. Что усовершало ихъ радость, было примѣчанiе, что Агатонъ не дѣлалъ никакой разности между Харик леею и Псишею, и казалось, что онъ дѣйствительно забылъ, что она была нѣкогда Данае — и сколько она была для него. Онъ утвердился въ мысляхъ избрать Тарентъ всегдашнимъ своимъ пребыванiемъ. Тарентинцы одарили его своимъ правомъ гражданства. Онъ заслужилъ щастiе жить между добрыми людьми въ нѣдрѣ вольности и дружества. Они сами были достойны таковаго гражданина. Всемъ, что онъ изпыталъ и примѣтилъ, убѣжденъ, „что

„ хотя

„ хотя можно болѣе блистать въ
„ пространной сферѣ, но въ мень-
„ шей можно болѣе подѣйствовать
„ добраго, „ посвятилъ онъ всего
себя съ удовольствіемъ и искрен-
ною ревностію всеобщимъ дѣламъ
сея республики; и доколѣ Крито-
лай и Агатонъ жили, Тарентин-
цы не примѣтили, что Архитасъ
отшелъ въ лучшій свѣтъ.

Конецъ.

